

VII международная конференция

**Теоретическая и прикладная этика:
традиции и перспективы – 2015**

СПРАВЕДЛИВОСТЬ. СВОБОДА. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

29-31 октября 2015 г.
Санкт-Петербург, Россия

7th International Conference

**Theoretical and Applied Ethics:
Traditions and Prospects**

JUSTICE. FREEDOM. RESPONSIBILITY

October 29-31, 2015
St. Petersburg, Russia

Оргкомитет конференции

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Перов В. Ю. (Санкт-Петербургский университет)

СЕКРЕТАРЬ

Гусев Д.А. (Санкт-Петербургский университет)

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ

Арёмов Г. П. (Санкт-Петербургский университет)

Бродский А. И. (Санкт-Петербургский университет)

Гефенас Е. (Вильнюсский университет)

Громова Л. А. (Герценовский университет)

Зимбули А. Е. (Герценовский университет)

Лаптенко А. С. (Белорусский государственный экономический университет)

Лисанюк Е. Н. (Санкт-Петербургский университет)

Мажейкис Г. (Университет Витаутаса Магнуса, Литва)

Маджима Ш. (Университет Хоккайдо, Япония)

Разин А. В. (Московский государственный университет)

Скворцов А. А. (Московский государственный университет)

Шевченко А. А. (Сибирское отделение Российской академии наук)

Яскевич Я. С. (Белорусский государственный экономический университет)

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

Держивицкий Е. В. (Санкт-Петербургский университет)

Ковалева Т.В. (Санкт-Петербургский университет)

Косых М. П. (Санкт-Петербургский университет)

Ларионов И. Ю. (Санкт-Петербургский университет)

Овчинникова Е. А. (Санкт-Петербургский университет)

Положенцев А. М. (Санкт-Петербургский университет)

Щукин Д. А. (Санкт-Петербургский университет)

Сергеев А.С. (Санкт-Петербургский университет)

РАБОЧАЯ ГРУППА

Грачева Мария - координатор (Санкт-Петербургский университет)

Зеялина Светлана (Санкт-Петербургский университет)

Клейменова Татьяна (Санкт-Петербургский университет)

Organizing Committee

CONFERENCE CHAIRMAN

Perov V. (St. Petersburg State University)

SECRETARY

Gusev D. (St. Petersburg State University)

PROGRAMM COMMITTEE

Artemov G. (St. Petersburg State University)

Brodsky A. (St. Petersburg State University)

Gefenas E. (Vilnius University)

Gromova L. (Herzen University)

Laptenok A. (Belorussian State University of Economics, rep. Belarus)

Lisanyuk E. (St. Petersburg State University)

Mazeikis G. (Vytautas Magnus University, Lithuania)

Majima S. (Hokkaido University, Sapporo, Japan)

Razin A. (Moscow State University)

Skvortsov A. (Moscow State University)

Shevchenko A. (Russian Academy of Sciences)

Zimbuli A. (Herzen University)

Jaskevitch J. (Belorussian State University of Economics, rep. Belarus)

EXECUTIVE COMMITTEE

Derzhivitsky E. (St. Petersburg State University)

Kosikh M. (St. Petersburg State University)

Kovaleva T. (St. Petersburg State University)

Larionov I. (St. Petersburg State University)

Ovchinnikova E. (St. Petersburg State University)

Polozhentsev A. (St. Petersburg State University)

Sergeev A. (St. Petersburg State University)

EXECUTIVE TEAM

Gracheva Maria (St. Petersburg State University)

Kleimenova Tatjana (St. Petersburg State University)

Zelianina Svetlana (St. Petersburg State University)

Оглавление / Contents

<i>Абакарова Райганат Магомедовна</i>	1
<i>Авдеева Ирина Александровна</i>	2
<i>Антипов Алексей Владимирович</i>	3
<i>Антонов Михаил Валерьевич</i>	4
<i>Арасланова Светлана Салаватовна</i>	5
<i>Арпентьева Мариям Равильевна</i>	5
<i>Байрон Александр Александрович</i>	6
<i>Барбашина Эвелина Владимировна</i>	8
<i>Барташевич Татьяна Юрьевна</i>	8
<i>Баталыгина Юлия Александровна</i>	9
<i>Беляев Максим Александрович</i>	9
<i>Блохин Павел Дмитриевич</i>	10
<i>Бродский Александр Иосифович</i>	12
<i>Верещагина Наталья Викторовна</i>	12
<i>Ветютнев Юрий Юрьевич</i>	13
<i>Грачева Мария Витальевна</i>	14
<i>Гришечкина Наталья Васильевна, Фахрудинова Эльмира Рустамовна</i>	15
<i>Гусев Дмитрий Алексеевич</i>	16
<i>Денисенко Владислав Валерьевич</i>	17
<i>Держивицкий Евгений Викторович</i>	18
<i>Добродеева Ирина Юрьевна</i>	20
<i>Долоцкая Наталия Алексеевна</i>	20
<i>Дорохина Римма Викторовна</i>	21
<i>Еременко Татьяна Вадимовна</i>	21
<i>Ершов Глеб Олегович</i>	22
<i>Жадунова Наталья Владимировна</i>	23
<i>Зимбули Андрей Евгеньевич</i>	24
<i>Камнев Сергей Владимирович</i>	25

<i>Карчагин Евгений Владимирович</i>	26
<i>Кашников Борис Николаевич</i>	27
<i>Ковалева Татьяна Викторовна</i>	28
<i>Коваль Екатерина Александровна</i>	29
<i>Косых Михаил Петрович</i>	31
<i>Кузнецов Никита Всеволодович</i>	31
<i>Куманьков Арсений Дмитриевич</i>	32
<i>Курочкин Сергей Сергеевич</i>	33
<i>Ларионов Игорь Юрьевич</i>	34
<i>Лисанюк Елена Николаевна</i>	35
<i>Лобова Татьяна Геннадьевна, Максименко Людмила Александровна</i>	36
<i>Марей Александр Владимирович</i>	37
<i>Меркулова Ольга Геннадьевна</i>	39
<i>Микиртумов Иван Борисович</i>	40
<i>Овчинникова Елена Анатольевна</i>	41
<i>Павлова Александра Михайловна</i>	41
<i>Парийская Елена Николаевна</i>	42
<i>Петров Анатолий Григорьевич</i>	43
<i>Перов Вадим Юрьевич</i>	44
<i>Платонова Анастасия Валерьевна</i>	45
<i>Познякова Ольга Леонидовна</i>	47
<i>Прохоровская Татьяна Ивановна</i>	47
<i>Разин Александр Владимирович</i>	48
<i>Сабанина Наталия Рафаэлевна</i>	49
<i>Самохина Екатерина Геннадьевна</i>	50
<i>Севастьянова Алина Дмитриевна</i>	51
<i>Ситникова Дарья Леонидовна</i>	53
<i>Смолина Дарья Андреевна</i>	53
<i>Тихонова Софья Владимировна</i>	53

<i>Хисамова Елена Андреевна</i>	54
<i>Чалый Вадим Александрович</i>	55
<i>Шаповалов Иван Александрович</i>	57
<i>Шевченко Александр Анатольевич</i>	57
<i>Штарк Елена Владимировна</i>	58
<i>Щукин Денис Андреевич</i>	59
<i>Юрлова Мария Дмитриевна</i>	60
<i>Gefenas Eugenijus</i>	61
<i>Hardy Jörg</i>	62
<i>Li Hon-Lam</i>	62
<i>Neznik Peter</i>	62
<i>Petrucijova Jelena</i>	62
<i>Plasienková Zlatica</i>	63
<i>Räikkä Juha, Rodin Andrey</i>	63
<i>Shumann Andrew</i>	63
<i>Stamile Natalina</i>	63
<i>Vinx Lars</i>	64

Абакарова Райганат Магомедовна

Д.ф.н., профессор

Дагестанский государственный университет

Нравственная свобода в этноэтике

Проблемы исследования этноэтики затрагивают вопросы регуляции межличностных и межгрупповых отношений в рамках этноса, а также трансляция социально-этического опыта преимущественно обыденных норм поведения в приватной сфере. Нравственные традиции в этноэтике не статичны, то есть не лишены некоторой внутренней динамики развития. В число функций нравственной традиции входит не только консервация социального опыта, но и определенная адаптация общества к меняющимся условиям бытия, которая осуществляется не путем радикальной замены устаревших образцов поведения на более эффективные как, например, при революциях, а, напротив, путем осторожного «втягивания» необходимой новации в систему традиционных стереотипов. Проблема заключается в необходимости определить возможность проявления свободы воли личности в консервативности этнокультурной традиции. В рамках взаимоотношений равноценными считаются только нравственно свободные субъекты. Субъектами могут быть свободные носители определенных ценностей, которые они пытаются сохранить в процессе диалога. Этнокультурная традиция в рамках диахронного диалога закрепляет консерватизм, а синхронный диалог возможен только при условии свободы субъектов диалога. Традиция в этноэтике исторически регламентировала повседневную жизнь на уровне межличностных отношений как неписанный закон императивно утверждая власть прошлого над настоящим. Понятие традиции понимается как смыслонесущий центр традиционного национального бытия – этноэтики. Нравственная традиция в этноэтике возникает и существует лишь в отношении к человеку и человеческому обществу - вне этого отношения её просто нет. С этой точки зрения нравственная традиция - это самовыражение человека его самообнаружение и самоутверждение в диалектике деятельной сущности и существования. Нравственная традиция в этноэтике может быть определена как источник ценностного постижения мира, критериев добра и зла, прекрасного и безобразного, истины и заблуждений, справедливого и несправедливого. Нравственная традиция в этноэтике в свою структуру включает стереотип поведения, этикет, ритуал, адат, обычай, основные функции которых регулятивная, коммуникативная, консервативная, аккумуляционная и трансформационная. Нравственная традиция регламентирует сферу общения и поведение эта

«зона компетенции» регуляции межличностных и отчасти межгрупповых отношений. Благодаря традиции первоначально происходит трансляция культурного опыта, полная регуляция, а позднее регуляция и трансляция преимущественно обыденных норм поведения в приватной сфере. В основе этнокультурной традиции лежат общечеловеческие, этнические и индивидуальные ценности, объединенные элементарными нормами нравственности.

Abakarova Rayganat

Dagestan State University, Russia

Moral freedom in ethnoethics

Problems of research of ethnoethics raise the questions of regulation of the interpersonal and intergroup relations within ethnos, and also broadcast of social and ethical experience of mainly ordinary standards of behavior in the private sphere. Moral traditions in ethnoethics aren't static, that is aren't deprived of some internal development. Is among functions of moral tradition not only preservation of social experience, but also adaptation of society to the changing life conditions which is carried out not by radical replacement of outdated examples of behavior by more effective as, for example, at revolutions, and, on the contrary, by careful "retraction" of a necessary innovation in system of traditional stereotypes. The problem consists in need to define possibility of manifestation of a free will of the personality in conservatism of ethnocultural tradition. Within relationship as the equivalent are considered only it is moral free subjects. Free carriers of certain values which they try to keep in the course of dialogue can be subjects. The ethnocultural tradition within diachronic dialogue fixes conservatism, and synchronous dialogue is possible only on condition of freedom of subjects of dialogue. The tradition in ethnoethics historically regulated everyday life at the level of the interpersonal relations as the unwritten law imperatively approving the power of the past over the present. The concept of tradition is understood as the meaningful center of traditional national life – ethnoethics. The moral tradition in ethnoethics arises and exists only in the attitude towards the person and human society - out of this relation it simply isn't present. From this point of view the moral tradition is a self-expression of the person his self-detection and self-affirmation in dialectics of active essence and existence. The moral tradition in ethnoethics can be defined as a source of valuable comprehension of the world, criteria of the good and evil, fine and ugly, truth and delusions, fair and unfair. The moral tradition of the ethnoethics includes a behavior stereotype, etiquette, ritual, an adat, custom, which main functions in the structure regulatory, communicative, conservative, accumulations and transformations. The

moral tradition regulates the sphere of communication and behavior this "a competence zone" of regulation interpersonal and partly the intergroup relations. Thanks to tradition originally there is a broadcast of cultural experience, full regulation, and later regulation and broadcast of mainly ordinary standards of behavior in the private sphere. The universal, ethnic and individual values united by elementary norms of moral are the cornerstone of ethnocultural tradition.

Авдеева Ирина Александровна

К.ф.н., доцент
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Проблема ценностного содержания этоса в ситуации конфликта

Любой социально-политический конфликт представляет собой достаточно сложный процесс, в котором задействованы как объективные, так и субъективные причины. При этом последние, даже не являясь собственно первопричинами, часто выходят (или выводятся) на первые позиции, постепенно оттесняя или даже вытесняя (замещая) причины объективные. В этой связи представляется целесообразным обратить внимание на понятие «конфликтный этос» и на роль ценностей в его структуре. Элементы этоса никогда не актуализируются автономно, но всегда формируют комплекс, в котором находятся в определенных также иерархически сформированных отношениях, и который можно определить как этосный. При этом ценности играют весьма важную роль и в ряде случаев могут определять поведение личности, однако каждый человек не просто выбирает ценности. Он придает им различную значимость, то есть выстраивает в определенной иерархической системе. В контексте такого подхода конфликтный этос может быть определен как комплекс ценностей, мотивов и эвристик, побуждающий человека к конфликтному действию, т.е. действию, ведущему к занятию позиции, несовместимой и противоположной по отношению к интересам другой стороны. Такое понимание этоса влечет за собой совершенно иное понимание его содержания и возможных тенденций развития в силу того, что традиционное «классическое» понимание этоса предполагает акцент именно на его социально-консолидирующей функции. Такому подходу, в частности, созвучна и позиция Даниеля Бар-Тала, изложенная им в статье «Этос конфликта». Этос, по его мнению, наряду с общественными целями и стремлениями (то, что связывает членов общества вместе), придает смысл общественной жизни, легитимность

общественному порядку и способствует интеграции между членами общества. В социальных убеждениях, которые составляют идеал (как квинтэссенцию ценностного восприятия), он выражается, как правило, в цели, идентичности, осознании роли в обществе и т.д. Эти убеждения широко разделяются большинством членов общества, появляются в качестве центральных тем на общественной повестке дня, часто обсуждаются в общественном дискурсе, выражаются в культурных продуктах, которые передаются в образовательной системе, служат ссылками в общественно-политических решениях, принятых руководителями, и влияют на выбор в отношении курса действий. Таким образом понимаемый этос обеспечивает ощущение социальной идентичности. В конечном итоге мы приходим как раз к такому пониманию этоса, которое предполагает понимание этоса уже за пределами некоего этического или мировоззренческого подхода, а делает этос самостоятельным концептом, пригодным для непосредственного анализа различных социально-политических ситуаций для решения насущных задач в сфере конфликтов различного рода. Именно анализ этоса (этосный подход) позволяет на основе выявления в составе этоса структур различного рода прийти к пониманию его конфликтной природы и содержания, позволяя одновременно найти ключи к разрешению этого конфликта посредством указания на определенные проблемы и противоречия, имеющие, главным образом, ценностный смысл и значение. Из-за ценностных убеждений и верований, составляющих этос и являющихся почвой для различного рода социально-политических конфликтов и поводом для продолжения конфликтов, существует необходимость изменять их и регулировать их формирование, чтобы привести к разрешению конфликта. При этом необходимо изменение широкого охвата ценностной парадигмы в обществе, которое может начаться только тогда, когда ценностный контекст конфликта меняется, то есть, когда насилие значительно снижается и начинаются переговоры.

Avdeeva Irina

Moscow State University of M.V. Lomonosov, Russia

Problem of the valuable content of the conflict's ethos

Any socio-political conflict is a rather complete process that involves some objective and subjective reasons based on valuable context. In this connection, it seems appropriate to draw attention to the concept of "conflict ethos" and the role of values in its structure. Elements of ethos never update independently, but always in form of the complex, which are defined as a hierarchical structure of values and meanings. These values are very important, and in some cases may determine the behavior of the person, but each person is not just a select value. He gives them a different significance and builds own hierarchy. In the context of this approach, the ethos of conflict can be defined as a set of values, motives and heuristics encourages people to conflict action, i.e. actions which are incompatible and opposite to the interests of the others. This understanding of the ethos entails a completely different understanding of its contents and possible development trends in view of the fact that the traditional "classical" understanding of the ethos implies emphasis on consolidating its social function. This approach, in particular, and in harmony with the position of Daniel Bar-Tal, set out in his article "The ethos of the conflict." Ethos, according to his opinion, exists only with community goals and aspirations, giving meaning to social life, the legitimacy of the social order and promotes integration among members of society. In social beliefs it is expressed as a rule, purpose, identity, recognition of the role in society, etc. These beliefs are widely shared by most members of society, appear as central themes on the public agenda, often discussed in the public discourse, expressed in cultural products, which are transmitted in the educational system, linked in the social and political decisions, and influence the choice to the course of action. So understanding of ethos provides a sense of social identity. Such interpretation of the ethos involves understanding the ethos already beyond a certain ethical or ideological approach and making ethos of self-concept, suitable for direct analysis of the different social and political situations to solve pressing problems in the area of conflicts of various kinds. The details analysis of ethos allows to find out conflictual nature and content of different situations and at the same time find the keys to the solution of the conflict by pointing to some problems and contradictions that are mainly valuable context. Due to the value convictions and beliefs in the ethos structure we can deal with various types of social and political conflict to continue the conflict or to lead to looking for a resolution of the conflict. It is necessary to know for changing the mental paradigm in a society when the violence is significantly reduced.

Антипов Алексей Владимирович

Магистр, 1 курс

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия

Свобода и самоубийство: является ли суицид свободным решением?

Проблема самоубийства всегда оказывается тесно связанной с уровнем и пониманием свободы, которые приняты в определенном обществе. Главный вопрос доклада можно обозначить в весьма лаконичной форме: чем является свобода в понимании самоубийцы? Однако перед тем, как высказать гипотезу относительно главного вопроса доклада, следует разобраться в еще одном, а именно: является ли воля самоубийцы свободной? Однозначного ответа на это вопрошание дать невозможно, потому что давно бытует мнение, что разум самоубийцы замутнен, а поэтому его шаг – лишение себя жизни – не может быть и называться свободным, а является следствием психического расстройства. Это мнение подкрепляется некоторыми статистическими данными и выводами психиатров, но неспособность записать всех самоубийц в один из двух лагерей (о чем свидетельствуют статистические данные Всемирной организации здравоохранения) – психически больных или здоровых – оставляет возможность рассуждать о некоторых самоубийцах как о людях со свободной волей, чье решение приведено в исполнение свободной рукой. В такой свободе, ведущей к роковому действию, можно выделить две составляющих: это свобода распоряжаться собственным телом и свобода выбора между жизнью и смертью. В качестве размышлений, возвращающих такую свободу в распоряжение человека, приводятся рассуждения Д. Юма и Ж.-Ж. Руссо, которые стремятся показать, что акт убийства себя может быть лишен привычно приписываемой ему греховности и может быть совершен свободно вполне здравомыслящим человеком. Д. Юм для оправдания самоубийства использует возражения против трех аргументов Фомы Аквинского: о долге по отношению к Богу, к обществу и к самому себе – и приходит к выводу, что суицид ни одному из них не противоречит. Более того, для такого способа ухода из жизни как самоубийство Руссо находит очень простую аналогию – он сравнивает самоубийство с лекарством, которое можно принять для ослабления боли, и тем самым прекратить жизнь, которая не приносит добра ни окружающим, ни себе. По мнению же К. Ясперса, понятие свободы необходимо включается в понятие «самоубийства», поэтому суицид оказывается активным и свободным принесением смерти самому себе. Однако указанная свобода представляет собой очень опасное явление,

которое должно использоваться осмысленно и осторожно.

Antipov Aleksei

Moscow State University of M.V. Lomonosov, Russia

Freedom and suicide: is suicide a free solution?

Suicide problem is always closely related to the level and understanding of freedom which are accepted in a certain society. The main matter of a lecture can be indicated in very laconic form: what is freedom in suicide's understanding? However, before hypothesizing on the main issue of a report, it's necessary to understand the following issue, which is: is suicides' will free? It's not possible to give an unambiguous answer to this questioning because there's a wide belief that suicide's mind is aberrated, that's why his step to suiciding cannot be or be called free, but is a consequence of mental disorder. This opinion is supported by some statistical data and conclusions of psychiatrists, but an impossibility to relate all the suicides to one of two camps (as evidenced by statistic data of the World Health Organization) - mentally handicapped or sane - leaves open a possibility to reason about some suicides as about people with a free will, whose decision was carried into effect with a free hand. In such a freedom, leading to fatal effect, one can single out two components: freedom to dispose of his own body and freedom of choice between the life and death. There are discourses of D. Hume and Jean Jacques Rousseau as reflections, giving back such a freedom to a person's hands, which try to show that an act of suicide can be deprived of its habitual sinfulness and can be committed freely by a reasonable person. D. Hume uses contradictions against three arguments of Thomas Aquinas for the justification of a suicide: about duty to God, the society, and oneself – and arrives at a conclusion that suicide doesn't contradict with any of them. Moreover, for such a way of quietus as suicide, Rousseau finds a very simple analogy, he compares a suicide to medicine which one can take for pain relief and so to cease the life which brings good neither to surrounding people nor to oneself. In Karl Jaspers' opinion the concept of freedom is necessarily included in the concept of "suicide", therefore the suicide is an active and free giving of the death to oneself. But the mentioned freedom represents very dangerous phenomenon which must be used deliberately and carefully.

◆◆◆

Антонов Михаил Валерьевич

К.ю.н., доцент

Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики" (СПб)

Этические основания права с точки зрения социолого-правовой концепции Н.С.Тимашева

Ученик Л.И. Петражицкого, профессор Фордхемского университета (США), блестящий представитель русской эмиграции Н.С. Тимашев (1886-1970) считается одним из основателей социологии права. По меньшей мере, в англоязычном мире. Право Тимашев считает способом «этико-императивной координации», где проявляется совместное действие внешних и внутренних стимулов — властного принуждения и морального («этического») убеждения. Он исходит из того, что право есть социальная сила, устанавливающая некоторое равновесие в обществе, т.е. мир, стабильность, организацию. Люди в своем поведении определяются тремя видами правил: (1) естественные/природные, т.е. когда действие обусловлено некоей причиной, внешней по отношению к индивиду: например, рост преступности или самоубийств при социальных изменениях или экономических неурядицах; (2) подражательные правила, которые действуют через механизм массового подражания, когда люди начинают копировать чужое поведение (носить определенную одежду, отказ от определенной пищи и т.п.), оставаясь при этом свободными в своем выборе; (3) навязываемые правила, т.е. те, которыми индивиды обязываются другими индивидами к неким действиями: это могут быть приказы (единичные акты принуждения) или нормы (идеальные предписания, действующие неоднократно). Координация поведения может осуществляться при помощи этики и без такой помощи. Этическая координация происходит, когда навязывание правил поведения осуществляется через принятие, убеждение, признание со стороны группы, через оценку как правильное, справедливое и т.п. Это позволяет говорить о правилах как об обязанностях, обязательствах. Неэтическая координация связана с простым принуждением и не зависит от признания, от оценок — люди подчиняются правилам только «из страха», но не «по совести». Также координация может быть централизованной и децентрализованной. В первом случае в рамках некоей группы есть подгруппы людей, которых Тимашев называет «активными центрами властных структур» и которые осуществляют власть по отношению ко всем остальным членам группы (отношения центр-периферия). Подобная власть является «императивной координацией». В случаях децентрализованных групп навязывание образцов

поведения осуществляется спонтанно: здесь каждый член группы психологически влияет на всех остальных и сам подвергается их влиянию. Здесь принуждение действует не как властная деятельность, а как социально-этическое давление, убеждение. Из этого следует, что может быть 4 типа социальной координации: (1) неэтическая и неимперативная — но это невозможно, поскольку действие правил ничем не гарантируется; (2) этическая и неимперативная — действие правил, как в морали, обеспечивается только социально-этическим убеждением, но нет органов, которые бы обеспечивали порядок; (3) не-этическая и императивная — здесь люди подчиняются правилам только из страха наказания, но этот страх никак не связан с их убеждениями: таковы тоталитарные порядки; (4) этическая и императивная, где действие правил обеспечено как убеждением, так и организованным принуждением. Это и есть право. Таким образом, этика и власть автономны по отношению друг к другу, они могут действовать разнонаправлено, но если их действие объединяется, то мы имеем дело с правовым регулированием.

Antonov Mikhail

National Research University "Higher School of Economics" branch in St. Petersburg, Russia

Ethical foundations of law from the standpoint of sociological jurisprudence of Nicholas S. Timasheff

A follower of Leon Petrażycki, professor of the Fordham university (USA) and a brilliant representative of Russian emigration, Nicholas S. Timasheff (1886-1970) is considered as one of the founding fathers of legal sociology. At least, in the English-speaking world. Timasheff considers law as a means of 'ethical-imperative' coordination where two main stimuli are at work: external (authoritative coercion) and internal (moral or ethical conviction). Timasheff supposes that law is a kind of social force that establishes an equilibrium in the society, i.e., piece, stability and organization. Human beings are guided by three types of rules: 1) natural, or those involving a cause that is not connected with someone's will, 2) imitative, or those that compel to certain behavior through the mechanism of imitation, and 3) imposed, or those that bind some persons through the will of some other persons. Coordination can take place with or without ethics. In the first case, human convictions and beliefs are co-working to impose certain behavioral standards, in the second case there is only physical coercion with no justification. Finally, he singles out 4 types of social coordination (1) non-ethical and non-imperative, which is only a theoretical construct, (2) ethical and non-imperative when compulsion is reduced only to persuasion and conviction, (3) non-ethical and

imperative when human beings are compelled only through their fear of punishment, and (4) ethical and imperative where coordination of behavior is secured both by moral convictions and organized coercion. This latter case is the case of law. Therefore, ethics and power are autonomous to each other, they can work in different directions, but if they are combined, this combination results in creation of legal regulation.

◆◆◆

Арасланова Светлана Салаватовна

Аспирант, 2 курс
Воронежский государственный университет

Проблема социальной преемственности и памяти в проекте всемирного воскрешения Н.Ф. Фёдорова

В статье рассматривается проблемы культурной преемственности и социальной памяти в этико-философской концепции русского мыслителя Н.Ф. Фёдорова.

Araslanova Svetlana

Voronezh State University, Russia

The problem of social continuity and memory of the project world resurrection's N.F. Fedorov

The article deals the problem of cultural continuity and social memory in the ethical and philosophical conception of the Russian thinker N.F. Fedorov.

◆◆◆

Арпентьева Мариям Равильевна

К.п.н., доцент
Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского

Конфликт интересов и этические основы медицины

Статья посвящена рассмотрению роли идеологии (принципов) научной, доказательной медицины в профилактике и коррекции конфликта интересов в разных сферах медицинской и социальной помощи. Ведущей сферой медицинской и других эдологических (помогающих) практик, с которой связан конфликт интересов, является профессиональная этика, формирующаяся в процессе обучения и трансформирующаяся в процессе реальной практики помощи. Идея ведущей роли принципов доказательной медицины в профилактике и разрешении конфликта интересов в эдологии помогает разрешить ряд вопросов подготовки и переподготовки специалистов, профилактики и

коррекции профессионального выгорания и деформаций.

Arpentieva Mariam

Kaluga State University of K.E. Tsiolkovsky, Russia

The conflicts of interest and ethical based medicine

The article is discuss a modern idea of the importance of principles of evidence-based medicine in the prevention and correction, management of conflicts of interest in various branches of medical and social practices. Main areas of medicine and other edological practices I are marked out where conflicts of interest play a significant role in the rational organization of health and health caring: research, medical and social education, the development of national clinical and social guidelines, edological practice in whole. Different definitions of « conflicts of interest », its objects and subjects in edology and edological practices are examined. It is shown that the main condition for the occurrence of conflicts of interest in any field of human relations is the imperfection of legislation and breach of professional ethics. Ethics is the most important factor in the conflicts of interest management. The idea of the leading role of the evidence-based medicine principles in the control and conflicts of interest management in edology is based on the fact that these principles constitute a sound basis of modern edological practice, and, therefore, they define the rules that best of all identify the main and competing interests in each typically conflicts of interest . Based on these assumptions, it follows that the policy of efficient conflicts of interest management in medicine and edology as whole is only possible through broad dissemination of knowledge of clinical and social epidemiology and the evidence-based medicine principles at all levels of the edological community. Keywords: conflicts of interest, clinical research, medical education, social education, clinical guidelines, edology, edological practice, evidence-based medicine.

Байрон Александр Александрович

Магистр, 2 курс

Санкт-Петербургский государственный университет

Одежда как способ манифестации этического в современном мире

Доклад посвящён теме манифестации в современном обществе моральных идеалов, принципов, ценностей личности посредством одежды и иных предметов, «прилагаемых» к телу. Актуальность проблемы видится в следующем. Во-первых, одежда, внешний вид человека – это, с одной стороны, всегда некое «обращение» к окружающим, всегда знак чего-либо, и в этом смысле несёт в себе «оттенок» морально должного. При этом одежда может выражать не только константы морального сознания человека, но и его нравственный характер, который может быть устойчивым или беспорядочным, самостоятельным или зависимым, в конечном счёте, положительным или отрицательным – ведь еще Гегель писал, что «каков человек внутренне, таков он и внешне». С другой стороны, мораль, как абсолютная нормативная система, регулирующая поведение человека, распространяет своё влияние на все без исключения сферы его жизни и деятельности, следовательно, в том числе и на одежду. Во-вторых, примеры конфликтов, происходящих ныне в обществе между людьми, поддерживаемыми идеалами и ценностями религиозно-нравственного порядка, и приверженцами секуляризованной «гуманистической» идеологии, вследствие несовпадения моральной позиции именно на почве различия в одежде, подтверждают, что может существовать тесная связь между нравственными убеждениями человека и его внешним обликом. Произшедшая в течение прошлого столетия и в европейских странах, и в России «секуляризация моды» привела, в числе прочего, к тому, что последователи ортодоксальной религиозности, сохранившие приверженность традиционным нормам об одежде, стали составлять резкий контраст с тенденциями к эротизации и обнажению, наблюдаемыми в обществе, что, с одной стороны, создаёт для «строгих» верующих опасность унижения и насмешки от враждебно настроенных лиц, с другой стороны, делает возможной манифестацию посредством одного лишь внешнего облика сложившихся в религии «традиционных ценностей», на первом месте среди которых стоит целомудрие и тесно связанные с ним любовь, брак, семья, супружеская верность. В докладе предполагается рассмотреть 2 основные моральные ценности, могущие быть выраженными посредством одежды, внешнего облика: скромность и целомудренность. Скромность в

данном случае может выражаться через ношение простых, незатейливых одежд, одежд из дешёвой ткани и т.п. – вспомним, что, по Иоанну Дамаскину, неопрятность в одежде (в смысле отсутствия чрезмерной заботы об опрятности) входит в число христианских добродетелей. Целомудрие выражается посредством ношения одежд, не могущих вызвать соблазна, связанного с половой чувственностью. Нормы о целомудренной одежде присутствуют в библейских и коранических текстах, а также в «священном предании» христианства и ислама. Нарастание напряжённости в обществе по поводу обращения председателя синодального отдела РПЦ МП по связям с общественностью летом 2011 г., в котором были затронуты вопросы нравственности в одежде, и последующего запрета на ношение хиджабов школьницами-мусульманками в ряде субъектов РФ, свидетельствует о том, что одежда для последователей традиционной религиозности ныне действительно оказывается средством выражения значимых для них ценностей пред лицом светского мира, отказ от которого означал бы в то же время отказ и от самих этих ценностей. Свидетельствует оно и о том, что репрессивные меры, которыми в настоящее время пытается решить проблему апеллирующее к своей «светскости» государство, разрубив «гордиев узел» моральных противоречий между сторонами конфликта административным актом, в действительности не решают её, а лишь ведут к её усугублению. В докладе делается попытка найти иной путь к улаживанию противоречий между «враждующими» сторонами, который был бы основан не на физическом подавлении одной из них другой, а на достижении согласия между ними исходя из общих нравственных ценностей.

Bairon Alexander

St. Petersburg State University, Russia

Clothes as a way of demonstration ethical in the modern world

The report is devoted to a demonstration subject in modern society of moral ideals, the principles, values of the personality by means of clothes and other subjects "attached" to a body. Relevance of a problem seems in the following. First, clothes, appearance of the person are, on the one hand, always certain "address" to people around, always the sign something, and in this sense bears in itself "shade" of the morally due. Thus the clothes can express not only constants of moral consciousness of the person, but also his moral character which can be steady or chaotic, independent or dependent, eventually, positive or negative – after all still Hegel wrote that "what person internally, such is it and externally". On the other hand, the morals as the absolute standard

system regulating behavior of the person spreads the influence on all without exception of the sphere of his life and activity, therefore, including on clothes. Secondly, examples of the conflicts happening nowadays in society between the people supporting ideals and values of a religious and moral order and adherents of secular "humanistic" ideology owing to discrepancy of a moral position because of distinction in clothes, confirm that there can be a close connection between moral belief of the person and his appearance. Occurred within last century and in the European countries, and "the fashion secularization" brought in Russia, among other, danger of humiliation and a sneer from hostile persons, on the other hand, does that the followers of orthodox religiousness who kept commitment to traditional norms on clothes began to make sharp contrast with the tendencies to an erotization and an exposure observed in society that, on the one hand, creates for "strict" believers possible demonstration by means of only one appearance of the "traditional values" which developed in religion, among which the chastity and closely related love, marriage, a family, marital fidelity is on the first place. In the report it is supposed to consider 2 main moral values able to be expressed by means of clothes, appearance: modesty and chastity. The modesty in this case can be expressed through carrying common, simple clothes, clothes from cheap fabric, etc. – we will remember that, according to John of Damascus, slovenliness in clothes (that is absence of excessive care of neatness) is among Christian virtues. The chastity is expressed by means of carrying the clothes that aren't able to cause the temptation connected with sexual sensuality. Norms on chaste clothes are present at Bible and Koranic texts, and also at "the sacred legend" of Christianity and Islam. Increase of intensity in society concerning the address of the chairman of Synod department of ROC of MT of public relations in summer of 2011 in which the moral questions in clothes were raised, and of the subsequent ban on wearing hijabs by Muslim schoolgirls in a number of territorial subjects of the Russian Federation, testifies that the clothes for followers of traditional religiousness nowadays really appear means of expression of values, significant for them, before the person of the secular world refusal from which would mean at the same time refusal and of these values. It testifies and that repressive measures with which the state appealing to "good breeding" tries to solve a problem now, having cut "Gordian knot" of moral contradictions between the parties of the conflict by the administrative act, actually don't solve it, and only conduct to its aggravation. In the report attempt to find other way to settling of contradictions between the "conflicting" parties which would be based not on physical suppression of one of them another, and on achievement of consent between them proceeding from the general moral values becomes.

Барбашина Эвелина Владимировна
Д.ф.н., заведующая кафедрой философии
Новосибирский государственный медицинский
университет

Философия и биоэтика

Barbashina Evelina
Novosibirsk State Medical University, Russia

Philosophy and Bioethics

There are five models of the relationships between philosophy and bioethics: the traditional, the anti-philosophical, the process, the eclectic-syncretic, the ecumenical models. In the first model, bioethics is simply small branch of philosophy. It means the application of philosophical methods and content in medicine and biology. Anti-philosophical model became popular as result from the convergence of the criticism from outside philosophy. The process model argue the importance of a process for collaborative deliberation. Moral issues are to be resolved among the participants in moral decisions. The eclectic-syncretic model means the importance of diversity and plurality in worldviews and beliefs. The syncretic model tries to resolve the differences among systems by mixing them into a new one. The general problem with eclectic-syncretic model is that it robs each discipline of its specific difference. Depending on what elements of diverse systems are put together, this model can easily end up in a "new" ethics that is no ethics at all. Both syncretists and eclectics suffer from the arbitrariness of their selections and the incoherence of a moral system built on a patchwork of pieces selected without a clear organizing principle of some kind. If there is resort to such a principle, then eclecticism and syncretism fall back into one of the other models.

Барташевич Татьяна Юрьевна
Ассистент
Санкт-Петербургский государственный университет

Понятийное поле общественной морали в русской философии права конца XIX – начала XX вв.

Русская мысль рубежа веков была ориентирована на выявление моральных проблем общественной жизни. В русле европейских социальных идей отечественные мыслители обратились к сфере общественной нравственности, вышли к проблеме соотношения индивидуального и общественного в морали, ставшей столь актуальной в социально-этической мысли XX века. Особый интерес в контексте анализа общественной нравственности представляют идеи русской школы философии

права. В условиях социальной динамики и ценностных трансформаций, происходящих в российском обществе на рубеже веков, философы стремились найти основания стабильности в нравственном содержании «человеческих союзов», которые, по мнению П.И. Новгородцева, должны быть «не ограничением личности, а ее расширением и восполнением». Индивидуальное моральное сознание анализировалось мыслителями в понятиях этики добродетелей, общественное рассматривалось ими в контексте типологии «человеческих союзов», предложенной Б.Н. Чичериным (семейство, гражданское общество, церковь и государство, которое представляет собой высшее абсолютное сочетание противоположных начал общежития, личного и общественного). Подобная постановка проблемы является актуальной для построения современного социально-политического дискурса, задающего нравственные векторы развития общества.

Bartashevich Tatiana
St. Petersburg State University, Russia

Conceptual field of public morals in Russian philosophy of law late XIX - early XX century

Russian thought on a boundary of the centuries was aimed at identifying the moral problems of social life. In line with European ideas of social thinkers turned to the domestic sphere of public morality, came to the problem of the relation of individual and public morality, which has become so relevant in the social and ethical thought of the XX century. Of particular interest in the context of the analysis of public morality are the idea of the Russian school of philosophy of law. In terms of social dynamics and transformations of values taking place in Russian society at the turn of the centuries, philosophers have sought to find a foundation of stability in the moral content of "human association", which, according to P.I. Novgorodtsev should be "no restriction of the individual, and its expansion and the completion." Individual moral consciousness thinkers analyzed in terms of virtue ethics, public considered them in the context of the typology of "human association" proposed by B.N. Chicherin (family, civil society, church and state, which is the ultimate combination of absolute opposites social behavior, personal and social). Such formulation of the problem is urgent to build a modern socio-political discourse that defines vectors moral development of society.

Батальгина Юлия Александровна

Аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

*Социальная политика современной России:
моральные стратегии*

Актуальность поставленной проблемы заключается в следующем: в современном динамичном обществе возникает множество новых проблем и конфликтов, отличающихся причинами появления и способами решения. Подобные проблемы невозможно решить с помощью привычных средств, они требуют этического анализа и новых инструментов. Новые глобальные проблемы вызвали появление и востребованность нового вида этики - прикладной этики, задачами которой является анализ ситуации, поиск конкретных решений и формирование системы этической экспертизы и контроля. Инструменты прикладной этики и институционализация морали тесно связаны в своей цели - закреплении и воплощении в реальной социальной практике моральных ценностей и норм. Социальная этика, как вид прикладной этики, занимается проблемами, которые связаны с обществом, и имеет множество элементов и механизмов в виде общественных и коммерческих программ, социальных проектов и мероприятий, государственных планов и платформ, способных повлиять на решение множества проблем в обществе. Одним из самых важных вопросов этической науки является формирование морального сознания и поиск путей его контроля и моделирования с помощью социальных институтов и инструментов.

Batalygina Yulia

St. Petersburg State University, Russia

The social policy of modern Russia: moral strategy

The urgency of this problem is: in today's dynamic society raises many new problems and conflicts, differing reasons and solutions. Such problems cannot be solved by conventional means; they require ethical analysis and new tools. New global challenges have caused the appearance and demand of a new kind of ethics - applied ethics whose task is to analyze the situation, to search for specific solutions and formation of a system of ethical review and monitoring. Tools of applied ethics and institutionalization of morality are closely related to its objective - securing and implementing in real social practice of moral values and norms. Social ethics as a form of applied ethics deals with the problems that are associated with society and has a lot of elements and mechanisms in the form of public and commercial programs, social projects and activities of state plans and platforms that could affect the decision of many

problems in society. One of the most important issues of ethical science is the formation of moral consciousness and the search for ways to control and simulate with the help of social institutions and instruments.

◆◆◆

Беляев Максим Александрович

К.ф.н., доцент

Воронежский государственный университет

*Взаимное признание как субститут
справедливости: точка зрения Ю. Хабермаса*

Теория взаимного признания Ю. Хабермаса может быть сведена к следующим тезисам: (1) обесценивание метафизики разрушает привычные референции моральных суждений к благу и солидарности. Соответственно, возникает эпистемологическая проблема обоснования суждений о должном и недолжном; (2) если иметь в виду ситуацию всеобщего кризиса субъективности, то концепт справедливости может быть использован в прямо противоположных целях – и для обоснования полезности социальной интеграции, и для смещения акцента на интеграцию системную; (3) рефлексирующий субъект, понимая, что системная интеграция представляет для него существенную опасность, поскольку размывает или исключает его идентичность, ищет способ самостоятельного понимания морали и оправдания собственного поведения; (4) но сама форма этого поиска является коммуникативной, поэтому субъект, чтобы только удостовериться в легитимности правила (а тем более, учредить его), вынужден вступать в особый образом организованное межличностное взаимодействие; (5) в том случае, если в ходе этого взаимодействия личная позиция субъекта совпадет, с одной стороны, с наилучшим образом обоснованной, а с другой – с общепризнанной (благодаря делиберативной процедуре), можно говорить о наличии взаимного признания как способа обеспечить социальную интеграцию и сохранить в неприкосновенности чистый практический разум в условиях, когда ему больше некуда трансцендировать. Таким образом, проект постметафизической социальной теории избегает любых нормативных обобщений, хотя опирается на три базовых идеализации: (1) коммуникативное сообщество, (2) коммуникативная компетентность, (3) коммуникативная эффективность. Наличие этих условий не просто создает предпосылки для справедливого права и политики, но и есть само по себе и справедливое право, и политика. Резюмируя, можно сказать так: представление о справедливости как предмете всеобщего

консенсуса подчеркивает, что в обществе позднего модерна содержание перманентно уничтожается формой. Теория в связи с этим становится не приближенной картиной реальности, а алгоритмом для действия, результат которого никоим образом не может быть предопределен. Именно в этой заранее неопределенной и в принципе неопределяемой дистрибуции социальных благ критическая теория видит высшую справедливость коммуникации.

Belyaev Max

Voronezh State University, Russia

*Mutual recognition as a substitute for justice:
Habermas's view*

The Habermas's theory of mutual recognition can be reduced to the following theses: (1) A devaluation of metaphysics destroys the usual reference of moral judgments to the good and solidarity. Accordingly, an epistemological problem emerges how we can justify our assertions about due and undue. (2) In the crisis of subjectivity, the concept of justice can be used for opposite purposes – for justification the necessity of both social and system integration. (3) The reflecting subject, realizing that system integration means a significant danger for him because it eliminates his identity, looks for an independent way of understanding morality and justifying his own actions. (4) The form of this search itself is communicative, so the subject, even just to verify the legitimacy of the rules (and even more so, to establish it), has to be involved to a specially organized interpersonal reciprocity. (5) If during this interaction a personal position of the subject coincide, on the one hand, with a well founded, and on the other - with recognized (due deliberative process) one, it is possible to speak of a mutual recognition. This is a way to ensure social integration and maintain the integrity of pure practical reason. Thus, the postmetaphysical social theory avoids any normative generalizations, but bases on three main idealizations: (1) Communicative group, (2) Communicative competence, (3) Communication effectiveness. The existence of these conditions is not just a prerequisite for equitable law and policy, but is itself law and policy. Summarizing, we can say that the idea of justice as a subject of universal consensus highlights that in contemporary society the content is permanently been destroyed through the form. Consequently, the theory becomes not an approximate picture of reality, but the algorithm for the action, which result cannot be predetermined in no way. In this uncertain and basically undetectable distribution of social benefits critical theory sees the supreme justice of communication.

◆◆◆

Блохин Павел Дмитриевич

Конституционный Суд Российской Федерации

*Справедливость, аналогия и судебское
усмотрение*

Этическая категория справедливости не является чуждой юриспруденции. В практике судов широко распространены такие понятия как «соразмерность» или «пропорциональность». Идея соразмерности, которую юрист и писатель Б. Шлинк назван «абсолютным торжеством права», является своеобразным юридическим субстратом идеи справедливости, имеющей этическую, религиозную природу. Однако применение подобной категории в отсутствие определенной логической модели могло бы вызвать упрек в произволе в адрес суда. Такая логическая модель именуется «тестом на пропорциональность» и призвана определить, является ли ограничение законодателем права одного лица в пользу другого лица, общества в целом, правомерным (т.е. справедливым). Общеизвестно, что такое ограничение должно быть а) обоснованным (т.е. вызванным насущной потребностью), б) пригодным и адекватным (т.е. строго необходимым для достижения цели) и, наконец, в) соразмерным, справедливым (т.е. достигающим разумный баланс между степенью ущемления права одного лица и выгодой от этого другого лица, общества в целом). Данная логическая модель кроме формализации этического подхода в праве призвана, как представляется, помочь установить различность или аналогичность двух правовых ситуаций; Г. Лейбниц писал, что аналогичные объекты – это такие объекты, «различия между которыми исчезающе малы». Предположим, что существует нормативное правило, которое предписывает подсудимого во время процесса в зале суда содержать в металлической клетке. Данную меру обжалует обвиняемый в совершении ряда насильственных преступлений, связанных с причинением тяжкого вреда здоровью. Суд может прийти к выводу о том, что данная мера – с учетом обстоятельств дела – не является несоразмерным ограничением прав такого лица. Однако далее с такой же жалобой обращается достаточно уважаемый бизнесмен, обвиняемый в совершении крупных хищений, связанных с нефтью. Учитывая характер вменяемого деяния и облик этого подсудимого в глазах общественности, Суд называет такую меру несправедливой. Являются ли различия между двумя этими ситуациями «исчезающе малыми» или, напротив, существенными? Этот непростой вопрос оказывается еще более сложным, если мы представим, что на скамье подсудимых находится а) несовершеннолетний или б) инвалид-колясочник, в) дело рассматривается не

профессиональным судьей, а судом присяжных, г) лицо осуждалось ранее за побег, д) общение с адвокатом подсудимого оказывается сильно затрудненным - и множество иных жизненных ситуаций, которые законодатель не в состоянии предусмотреть в одной законодательной норме. В результате этих рассуждений о справедливости и об аналогичности мы практически неизбежно подходим к следующей проблеме: судьейского усмотрения («дискреции»), чему посвящена известная книга израильского судьи А. Барака. Определение того, что является справедливым или несправедливым, аналогичным или не аналогичным, в конечном счете, находится в руках суда, который в этом качестве действует практически как второй законодатель, формирующий правовую политику, основываясь на своих интуитивных ощущениях, интеллектуальных процессах, моральных убеждениях. И вновь, для того чтобы избежать подозрения в произволе или пристрастности, суд вынужден в своих решениях пояснять, что в двух «похожих» делах он приходит к противоположным выводам, потому что различия между этими делами скорее «существенны» нежели «исчезающе малы». Проблема состоит в том, что формальная логика вряд ли позволяет ответить на вопрос, почему суд признает меру в виде штрафа в 90 тысяч рублей не аналогичной мере в виде штрафа в 100 тысяч рублей и потому вполне справедливой. Из этого следует, что вопреки распространенному мнению, судебное решение вовсе не всегда может быть представлено в виде категорического силлогизма, где вышестоящая норма права – большая посылка, нижестоящая – малая, а суждение суда (о конституционности, справедливости ограничения) – вывод.

Blokhin Pavel

The Constitutional Court of the Russian Federation,
Russia

Justice, analogy and judicial discretion

Ethical category of «justice» («fairness») is not alien to jurisprudence. In practice courts frequently use terms like "proportionality" or "commensurability". The idea of proportionality, which was characterized by lawyer and writer B. Schlink as "the absolute triumph of law", is a kind of legal substratum of the idea of fairness, which has an ethical or religious nature. However, the use of such a category by a judge in the absence of a specific logical model could cause accusation in arbitrariness. This logical model is called the "proportionality test", which is intended to determine whether the legislative restriction of rights of one person in the benefit of another person or society as a whole, is legitimate (i.e. fair). It is widely accepted that such a limitation should be a) reasonable (i.e., caused

by the pressing social need), b) suitable and adequate (that is strictly necessary to achieve the goal), and finally, c) proportionate, fair (i.e., reaching a reasonable balance between the degree of infringement of the rights of one person and benefit of other person, society as a whole). Being a way of formalization of an ethical approach in law, this logical model is also intended to help us to find out differences in two legal situations; G. Leibniz wrote that similar objects are those, where "differences between them are vanishingly small." Suppose that there is a normative rule, which requires the defendant during the trial in the courtroom being placed in a metal cage. This measure is appealed against by a person, accused of committing a series of violent crimes associated with causing grievous bodily harm. The Court may come to the conclusion that this measure - taking into account the circumstances of the case – do not constitute a disproportionate restriction on the rights of such a person. However, further complaint is filed by quite a respectable businessman, charged with a theft related with oil. Given the nature of the alleged offense and the appearance of the defendant in the public eye, the Court disqualifies this measure as unfair. Are the differences between these situations "vanishingly small," or, on the contrary, significant? This complex issue is even more complicated if we suppose that accused is a) a minor or b) disabled) the case is examined by jury rather than professional judge, d) the person was condemned earlier of the escape, d) communication of lawyer and his defendant is severely hampered - and many other life situations, for which the legislator is unable to provide a single legal norm. As a result of these arguments about fairness and about similarly («analogy»), we almost inevitably come to the next problem: judicial discretion, to which the famous book of the Israeli Judge A. Barak was dedicated. The definition of what is fair or unfair, different or similar is in the hands of the court, which acts almost like a second legislator, forming a legal policy, based on its intuitive sense, intellectual processes of moral convictions. Again, in order to avoid suspicion of arbitrariness or bias, the court has to explain in its decisions, that it comes to the opposite conclusion in two "similar" cases, because the differences between them are "important" rather than "vanishingly small." The problem is that formal logic is unlikely to answer the question, why the court finds that the measure of 90 thousand rubles fine is not similar to a fine of 100 thousand rubles, and thus fair. As a consequence, contrary to popular opinion, a judgment can not always be understood as a categorical syllogism, where a superior norm is the major premise, subordinate norm – minor premise, and decision of the court (on the constitutionality, fairness of restriction) - conclusion.

Бродский Александр Иосифович

Д.ф.н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

О книжниках и лесниках: этический смысл Архи-письма

В докладе утверждается, что предпринятое в конце прошлого века Жаком Деррида противопоставление устной и письменной речи является лишь одной из форм выражения двух пониманий функции языка. Согласно первому пониманию, характерному для европейской культуры, основной функцией языка является коммуникация. Согласно второму пониманию, характерному для традиций Ближнего Востока, основной функцией является организация и структурирование мира. Хотя Деррида придерживается второй традиции, он, вслед за европейской лингвистической философией XX века (философской герменевтикой, структурализмом, лингвистической философией и т.п.), считает, что человеческая субъективность полностью определяется «анонимной» речевой практикой, которую называет Архи-письмом. Однако традиция, на которую опирался философ, сохраняла независимость человека от языка, так как соотносила его с творцом и языка и бытия, т.е. с Богом. Этот аспект традиции стал центральным для современника Деррида – Э. Левинаса. Автор считает, что диалог в понимании Левинаса имеет мало общего с «коммуникацией», о которой идет речь, например, в философии языка Хайдеггера, или с «речевыми актами», о которых идет речь в аналитической философии. Речевой акт, имеющий целью воздействовать на собеседника, в корне противоположен этическому признанию Другого, так как превращает его в вещь, объект манипуляции. Поэтому диалог у Левинаса предполагает скорее молчаливой «гостеприимство», а не коммуникативное взаимодействие. В статье предпринята попытка продолжить начатую Деррида деконструкцию европейской культуры, дополнив идею Архи-письма этической идеей «абсолютно Другого», лежащей в основе философии Левинаса.

Brodsky Alexander

St. Petersburg State University, Russia

On scribes and foresters: The ethical sense of Arche-writing

The paper is argued that the opposition between speech and writing introduced by Jacques Derrida at the end of the previous century is only a form of expressing two different understandings of language functions. According to one of them characteristic for the European culture, the main function of language is

communication. According to the other understanding characteristic for the traditions of the Middle East, the main function of language is organization and structuring of the world. Although Derrida followed the second tradition, he was also determined by the European linguistic philosophy of the 20th century (philosophical hermeneutics, analytic philosophy, structuralism, etc.) when he suggested that human subjectivity is completely caused by the “anonymous” speech practice which he called “Arche-writing”. However, the tradition he followed implied that man is independent from language because he is correlated with the creator of both language and being, i.e. with God. This aspect of the tradition became central for E. Levinas, the contemporary of Derrida. The author believes that the dialogue in the theory of Levinas is not like the “communicative interaction” in Heidegger’s philosophy of language or the “speech acts” in the analytic philosophy. The speech act is fundamentally contrary to the ethical relation to the Other because it makes the Other into the object of manipulation. Therefore Levinas’s dialogue suggests “the hospitality” but not “the communicative interaction”. The article supplements the idea of Arche-writing with Levinas’s moral idea of “the absolutely Other” to continue the deconstruction of the European culture begun by Derrida.

◆◆◆

Верещагина Наталья Викторовна

Аспирант, 1 курс

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

Миф и моральное измерение человека

Миф и моральные ориентиры давние спутники человека, они стали механизмами освоения природной и социальной действительности. На сегодняшний момент совместное исследование этих механизмов освещается, например, в рамках следующих аспектов: 1. исследование архаических мифов о происхождении добра и зла, моральных ценностей и т.п. (Е.М. Мелетинский); 2. исследование данности морали мифологическому мышлению (Б. Малиновский, Л. Леви-Брюль); 3. исследование ремифологизации моральных установок (З. Фрейд, К. Юнг); 4. анализ ценностных установок в современных мифологиях (секты, идеологии и т.д.). 5. исследование «моральной стороны мифа» (К. Леви-Стросс, В. Тернер и др.). Существует и представление о том, что миф является основой морального сознания общества, скрытый в глубинах коллективного бессознательного он определяется как часть общественного морального сознания и оказывает влияние на социальную действительность. Как правило, такое влияние, оказываемое на социум,

оценивается исследователями негативно. Так ли все просто? Действительно ли миф первичен по отношению к морали? Или они находятся в равных правах? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, конечно, следует обратиться к мифу, определить, что он есть. С нашей точки зрения, миф – это универсальная схема освоения действительности, включающая в себя менее десятка механизмов, поэтому неправильно ставить вопрос о первичности в отношении мифа и морали. В этой ситуации мораль выступает содержанием, а миф – формой, «холостым» механизмом, тем не менее правомерно говорить о существовании феномена мифологизации морали. Представленный феномен можно рассматривать в нескольких аспектах, нас же интересует то, как моральные ценности «упорядочиваются» в соответствии с универсальными мифологическими механизмами. Этот процесс мы рассматриваем на примере исследования С. Ярова «Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941-1942 гг.».

Vereshchagina Natalia

Perm National Research Polytechnic University, Russia

The myth and the moral dimension of human

The myth and the moral dimension of human Myth and moral compass take an important role in the process of becoming a man, they are the mechanisms of development of natural and social reality. Now they are studying in the following areas: 1. archaic myths about the origin of good and evil, of moral values, etc. (E.M. Meletinsky); 2. presentation of the mythological consciousness of morality (B. Malinowski, L. Levy-Bruhl); 3. re-mythologization of moral attitudes (Freud, Jung); 4. the value system in modern mythologies (sect, ideology, etc.); 5. the moral side of the myth (Levi-Strauss, W. Turner, et al.). Some researchers believe that the myth is the basis of moral consciousness. Myth is hidden in the depths of the collective unconscious and influence the social reality. Is it all that simple? From our perspective, the myth - is a universal scheme of assimilation of reality, therefore wrong to say that the myth defines morality. Moral - the content and myth - a form, but you can talk about the existence of the phenomenon of morality mythologizing. This is a complex phenomenon, we are also interested in how moral values "ordered" in accordance with the universal mythological mechanisms. This process, we consider the example of the research of Yarov "Blockade ethics. Notions of morality in Leningrad in 1941 -1942 years".

◆◆◆

Ветютнев Юрий Юрьевич

К.ю.н., доцент

Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы

О различии онтологического и аксиологического понимания свободы в праве

Одна из неизбежных особенностей познания в эпоху постмодерна состоит в том, что на месте явления, казавшегося ранее целостным и неделимым, все чаще приходится видеть множественность, набор различных явлений, которые лишь иллюзорно предстают в качестве чего-то единого. Так происходит и со свободой – анализируя ее проявления в сфере права, мы обнаруживаем, что под именем «свобода» могут фигурировать феномены, если и не различающиеся радикально, то все же не совпадающие по своим важным свойствам. Во-первых, свобода может пониматься как определенная уже существующая и достигнутая, освоенная и используемая человеком сфера самореализации, жизненное пространство, совокупность доступных ему благ, возможностей поведения. Ее можно называть «свобода реальная» (свобода как данность). Она представляет собой неустранимое, присущее каждому человеку свойство, которое он сохраняет даже перед лицом объективной закономерности и необходимости. Факт существования такой свободы неоспорим, однако ее объем у разных людей, в зависимости от социального положения и исторических условий, безусловно, изменчив. В этом смысле выражение «несвобода» является парадоксальным, поскольку полного отсутствия свободы человек не знает. Вероятно, под несвободой имеются в виду случаи, когда ощущается непреодолимое препятствие на пути достижения какой-либо жизненной цели, что порождает иллюзию, будто бы жизненного пространства нет вовсе. Во-вторых, свобода – это предмет человеческого устремления, усилий и борьбы («свобода желаемая», свобода как ценность). Она возникает там, где начинает чувствоваться нехватка свободы реальной. В сознании появляется образ будущего, в котором нет тех препятствий, что мешают человеку в действительности. Часто свобода мыслится вовсе без всяких ограничений, что придает ей несбыточный (утопический) характер, поскольку жизнь человека невозможна вне коллектива, сообщества, где неизбежно приходится считаться со свободой окружающих. В-третьих, свобода существует как определенное требование или правило («свобода должная», свобода как нормативность). Она выступает как способ согласования свободы реальной и свободы желаемой, как своеобразное вторжение фантазии в действительность. Именно к этому типу относится

свобода в юридическом значении (например, в словосочетании «права и свободы человека»). Она представляет собой социально признанные и с относительной точностью зафиксированные представления не о той свободе, которой люди обладают фактически, а о той, которая считается допустимой и приемлемой. Именно в этой связи возникает проблемы языка свободы – таких способов словесного описания границ дозволенного, которые были бы не только понятны, но и убедительны для человеческого сознания.

Vetyutnev Yury

Volgograd branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Russia

On the difference between ontological and axiological understanding of liberty in law

One of the inevitable features of knowledge in the postmodern era is that in place of the phenomenon, that seemed integral and indivisible, increasingly, we see the multiplicity, the variety of phenomena that only appear illusory as something unified. So it is with freedom – analyzing its manifestations in the field of law, we find that under the name of "freedom" may be apparent phenomena, and if do not differ radically, it is still not matching their properties. First, freedom can be understood as a certain existing and achieved, mastered and used by man, the sphere of self-realization, living space, the totality of benefits available to him, and behaviors. It can be called "real freedom" (freedom as a given). It is a fatal inherent in every man that he maintains even in the face of objective regularities and need. The existence of such freedom is undeniable, but its volume in different people, depending on the social situation and historical context, of course, changeable. In this sense, the expression "lack of freedom" is paradoxical, since the total absence of freedom of man does not. Probably under the freedom we have in mind cases where there is an insurmountable obstacle to achieving any goals in life, which creates the illusion, as if the living space is not at all. Secondly, freedom is the subject of human aspirations, efforts and struggle ("desired freedom", freedom as a value). It arises where there begins to be felt the lack of real freedom. In the mind there is the image of the future in which there are those obstacles that prevent a person in reality. Often freedom is thought of at all without any restriction that makes it impossible (utopian) the nature, because human life is impossible outside of the collective, the community, where inevitably have to reckon with the freedom of others. Thirdly, freedom exists as a specific requirement or rule ("freedom should," freedom as the normativity). It acts as a way of harmonizing the real freedom and freedom desired, as a kind of intrusion of fantasy into

reality. It is to this type of freedom in a legal value (for example, in the phrase "rights and freedoms"). It is a socially accepted and with a relative accuracy of the recorded presentation is not about the freedom that people have in fact, but one that is considered valid and acceptable. In this regard, there is the problem of the language of freedom – such ways verbal description of the boundaries of what is permitted, which would be not only understandable but also compelling to the human mind.

Грачева Мария Витальевна

Магистр, 1 курс
Санкт-Петербургский государственный университет

Визуализация нравственного идеала в современном воспитательном этосе

В процессе нравственного воспитания особое место занимает идеал, который фиксируется в образцах. Основной смысл нравственного идеала, в отличие от стереотипа – формировать определенный набор моральных принципов и характеристик. В случае идеала такие принципы приобретают форму абсолютности и вечного к ним стремления. Образец конкретизирует идеал и воплощает его в реальном примере, придает ему предметность. Образцом может являться любой субъект или пример поведения, на которые человек старается равняться в своих поступках, а также при принятии важных для себя нравственных решений. Тем не менее, основной особенностью и нравственного образца, и нравственного идеала является их направленность на проявление через сферу сознания и душевных переживаний – в поступках, решениях, нравственной оценке и т.д. Проследив исторически складывающиеся в разные эпохи идеалы, можно увидеть, что свойства приписываемые тому или иному образцу были преимущественно нацелены именно на духовное, рефлексивное восприятие, и предоставляли собой картину поведения, стремлений и нравственных принципов данного идеала. В современном обществе, в связи с появлением таких информационных инструментов, как телевидение и Интернет, любой образец, транслируемый нам с помощью данных информационных средств, воспринимается в первую очередь визуально, и лишь во вторую очередь на уровне нравственного сознания. По сути, мы сначала оцениваем «картинку» и ее внешний облик, а уже потом начинаем оценивать то, что эта «картинка» делает и говорит. Визуализация – это стремление выразить нечто внешнем видом объекта, например, некую причастность к какому-либо образцу поведения. Такой принцип работает в среде молодежных субкультур, когда человек

видит определенные внешние характеристики собеседника, что позволяет ему идентифицировать себя с ним или, наоборот, выдает чужого. В этом плане, каждый, кто имеет данные внешние характеристики, будет уже автоматически восприниматься, как субъект наделенный таким набором моральных принципов, которые сделают его в глазах собеседника образцом нравственного человека. С точки зрения социализации, визуализация, как и стереотипность мышления, наоборот упрощает задачу и делает наиболее наглядными инструменты адаптации в обществе. Но с точки зрения нравственного воспитания, проблема визуализации является одной из главных проблем этики воспитания в современном обществе, так как осложняет процесс формированию нравственного детского и подросткового образца, а также приводит к ряду других проблем, а именно: разрушение мира детства; стереотипизация; «клиповость» сознания. Находясь в ситуации формирования себя, как личностей, дети и подростки попадают под сильное влияние Интернета и телевидения, в визуальном пространстве которых происходит подмена понятий нравственного идеала и образца, замещающихся стереотипами.

Gracheva Mariia

St. Petersburg State University, Russia

Visualization of the moral ideal in the modern upbringing ethos

Ideal, which is fixed in the samples, occupies a special place in the process of moral upbringing. The basic meaning of the moral ideal, in contrast to the stereotype - to form a certain set of moral principles and characteristics. In the case of the ideal of such principles take the form of absolute and eternal aspiration for them. Sample concretizes ideal, and embodies it in a real-world example, gives it objectivity. The model can be any subject or an example of behavior to which man tries to be in their actions, as well as making important moral decisions for itself. However, the main feature of the moral sample and the moral ideal is their directionality on the manifestation through the sphere of consciousness and emotional experiences - in the actions, decisions, moral evaluation, etc. Traced the historical folding ideals in different epochs, we can see that the properties attributed to a particular sample were predominantly are aimed precisely on the spiritual, reflective perception, and provided a picture of the behavior, aspirations and moral principles of the ideal. In modern society, due to the advent information tools such as television and the Internet, any sample that is transmitted to us with the help of these information resources, primarily perceived visually, and only secondarily on the level of moral

consciousness. In fact, we first evaluate the "picture" and its outward appearance, and only then begin to evaluate what this "picture" does and says. Visualization - this aspiration express something through outward appearance an object, for example, some involvement in any pattern of behavior. This principle works in the environment of youth subcultures, when a person sees certain external characteristics of the interlocutor which allows him to identify with him, or, on the contrary, it issues a stranger. In this sense, everyone who has these external characteristics, it will be automatically taken as a subject endowed with such a set of moral principles that make it the sample of the moral person in the eyes of the interlocutor. From the point of view of socialization, visualization, as well as stereotyping, on the contrary it makes it easier and makes the most visible instruments of adaptation in society. But from the point of view of moral upbringing, the problem of visualization is one of the main problems of ethics of upbringing in modern society as complicating the process of formation moral sample for children and adolescents, and also leads to a series of other problems, namely: The destruction of the world of childhood; Stereotyping; "Clipping" consciousness. Being in a situation of forming themselves as individuals, children and adolescents come under a strong influence of the Internet and television, where in visual space there is a substitution of concepts moral ideal and the sample, replacing stereotypes.

Гришечкина Наталья Васильевна

К.ф.н., доцент

Фахрудинова Эльмира Рустамовна

К.ф.н., ассистент

Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского

Этика взаимодействия врача и пациента в системе электронного здравоохранения

Электронное здравоохранение предоставило врачам и пациентам новую платформу для получения и обмена информацией. Электронное здравоохранение – это комплекс информационно-коммуникационных технологий и средств для организации и предоставления услуг по обмену информацией в интересах всех участников процесса оказания услуг в области медицины. Развитие электронного здравоохранения подвергает радикальному преобразованию современную медицину, что требует радикальных изменений способов осмысления роли врачей и пациентов. Это взаимодействие характеризуется активным участием пациента в терапевтическом процессе, наличием постоянной социальной сетевой поддержки, быстрой передачей

информации и открытым двусторонним диалогом. Блог, социальные сети, он-лайн консультации и т.д. порождают новые модели интеракции врачей и пациентов, лечебных учреждений и других субъектов медицины и формируют новую среду взаимодействия, которая на данный момент практически не изучена. Они, естественно, не заменят традиционные формы взаимодействия врача и пациента. Но их возможности как платформы для формирования персонализированной медицины (предоставление пациентам информации, возможность консультации с другим специалистом) способствуют принятию более взвешенных решений относительно своего здоровья. Взаимодействия врача и пациента в системе электронного здравоохранения обладают следующими преимуществами: мгновенная обратная связь, получение самой актуальной медицинской информации в реальном времени, постоянный доступ к уходу через социальные сети, прозрачность информации для пациента, ее доступность на расстоянии, двусторонний диалог в реальном времени.

Но наряду с преимуществами, взаимодействие врача и пациента в системе электронного здравоохранения порождает дополнительные риски, связанные с защитой персональных данных, качеством и достоверностью медицинской информации. В связи с этим необходима выработка этических принципов в сфере электронной медицины, базовыми из которых являются: 1) Нейтральность и компетентность. Коммуникация врача и пациента должна осуществляться на простом, доступном языке и основываться на экспертной поддержке. 2) Достоверность. Вся информация должна подкрепляться результатами научных исследований или опытом, которому можно доверять. 3) Равноправность и доступность. Эффективное взаимодействие врача и пациента в системе электронного здравоохранения должно обеспечивать равные возможности и доступ к ресурсам здравоохранения.

Grishechkina Natalia

Fahrudinova Elmira

Saratov State Medical University of V.I. Razumovsky,
Russia

Ethics of interactions Physician and Patient in e-health

The e-health provide to doctors and patients a new platform for receiving and sending of information. The e-health is a complex of information and communication technologies and means for the organization and rendering of services for exchange of information in interests of all participants in the field of medicine. Development of e-health transformes

modern medicine that demands radical changes of doctors and patients role. This interaction is characterized by active participation of the patient in therapeutic process, existence of continued social network support, fast information transfer and open bilateral dialogue. The blog, social networks, online consultations, etc. generate new models of an interaction of doctors and patients, medical institutions and other subjects of medicine and form the new environment which have to studied. It is won't replace traditional forms of interaction of the doctor and patient, but their opportunities as platforms for formation of the personalized medicine (providing information to patients, possibility of consultation with other expert) promote adoption of more weighed decisions concerning the health. Interactions of the doctor and the patient in system of e-health have the following advantages: instant feedback, obtaining the most actual medical information in real time, continuous access to care through social networks, transparency of information for the patient, its availability at distance, bilateral dialogue in real time. But along with advantages, interaction of the doctor and patient in system of e-health generates the additional risks connected with protection of personal data, quality and reliability of medical information. In this regard development of ethical principles in the sphere of electronic medicine is necessary, basic from which are: 1) Neutrality and competence. Communication of the doctor and patient has to be carried out in simple, available language and be based on expert support. 2) Reliability. All information has to be supported with results of scientific researches or experience which can be trusted. 3) Equality and availability. Effective interaction of the doctor and patient in system of e-health has to provide equal opportunities and access to health care resources.

◆◆◆

Гусев Дмитрий Алексеевич

Ассистент

Санкт-Петербургский государственный университет

Этические основания теории происхождения ценностей Х. Йоаса

В своих исследованиях о происхождении ценностей Х. Йоас нередко опирается на классические этические философские работы. В частности он критикует идеи о происхождении ценностей у Ф. Ницше, анализирует теорию Н. Гартмана и другие. Однако Йоас не проясняет в достаточной степени свои этические воззрения. Реконструкция этических взглядов Йоаса позволит с большей точностью и адекватностью интерпретировать и применять его теорию происхождения ценностей. Автор доклада

предлагает обратиться к теоретическому и методологическому истоку работ Йоаса – философии прагматизма Г. Мида. В своей более ранней работе Х. Йоас (George Herbert Mead. A Contemporary Re-examination of His Thought) разбирает этические элементы прагматизма Г. Мида. Предполагается, что Йоас не только критически осмыслил этические элементы теории Мида, но и использовал их в своих последующих трудах.

Gusev Dmitriy

St. Petersburg State University, Russia

Some Ethical Grounds of the Theory of the Genesis of Values by H. Joas

In his studies of the genesis of values H. Joas often refers to the classical philosophical works on ethics. In particular, he criticized the idea of the origin of the values by Nietzsche, analyzes the value theory of H. Hartmann, and others. However, Joas did not sufficiently clarify his own ethical grounds and views. Reconstruction of ethical views of Joas will give a chance of a more accurate and adequate interpretation and application of his theory of the genesis of values. The paper proposes to turn to the theoretical and methodological source of Joas' works - the philosophy of pragmatism by G.H. Meade. In an earlier study ("George Herbert Mead. A Contemporary Re-examination of His Thought") H. Joas examines the ethical elements of G. Meade pragmatism. It is assumed that Joas not only critically reflects the ethical elements of the theory of Mead, but also used them in his subsequent writings.

Денисенко Владислав Валерьевич

К.ю.н., доцент

Воронежский государственный университет

Дискурсивная этика и проблема легитимности правовых систем

Дискурсивная этика применительно к политике и праву связана с именем немецкого философа Юргена Хабермаса. В современных условиях глобализации и актуальности понимания политической и юридической справедливости эта теория представляется наиболее перспективной. Этика не понимается как нечто данное раз и навсегда, но как то что может меняться в процессе дискурса. Ю.Хабермас, критически относится к классическому типу рациональности, обозначая её метафизическим мышлением и противопоставляя ему постметафизическое мышление и постклассическую рациональность. Именно для преодоления недостатков классического типа

рационализма К.-О. Апель и Ю.Хабермас и предлагают уйти от монологичного метафизического мышления, от, так называемой «парадигмы субъекта», к постметафизическому мышлению и идеи интерсубъективности. Идея интерсубъективности, конечно, существует и в рамках ряда других подходов, экзистенциализм или герменевтика, но в отличие от них теория коммуникативной рациональности является теорией практического разума, ибо, будучи теорией рационализма, она так же основана на практике «повседневной» коммуникации. Таким образом, идея коммуникативной рациональности Ю.Хабермаса не признает субстанционально-нормативный характер истины. С позиций такого подхода истинно моральное (нормативно значимое) решение предстает как лишенный субстанциональной основы постоянно меняющийся результат социального дискурса. Это означает, что рациональность в концепции Ю.Хабермаса носит не сущностный характер (что как раз было характерно в рамках «Проекта Просвещения»), в соответствии с которым значимость нормы (а применительно к праву – ее общезначимость) задается неизменным, трансцендентальным по своей природе сущностным признаком, а процедурный (коммуникативный) характер. Ю. Хабермас в работе 1992 года «Фактичность и значимость» (в оригинале «Faktizität und Geltung») указывает что «шарниром» между жизненным миром и системой инструментальных отношений, должно быть позитивное право. Право не должно сводиться лишь к фактичности, то есть принудительности, оно должно содержать в себе и значимость, то есть - легитимность. Как указывают исследователи данной теории - причина значительного влияния Ю.Хабермаса на современную мысль заключается в том, что ему удалось убедительного и философски обоснованного синтеза двух течений в философии права: либерализма, состоящего в защите индивидуальной свободы, и республиканизма, делающего акцент на политическом участии.

Denisenko Vladislav

Voronezh State University, Russia

Discourse ethics and the problem of legitimacy of legal systems

Discursive ethics in relation to policy and law related to the name of the German philosopher Jurgen Habermas. In modern conditions of globalization and the relevance of understanding the political and legal justice this theory is the most promising. Ethics is not understood as something given once and for all, but as something that can be changed in the process of discourse. J. Habermas, critical refers to the classical type of rationality, indicating its metaphysical thinking

and opposition to him post-metaphysical thinking and post-classical rationality. It is to overcome the shortcomings of the classical type of rationality K. O. APEL and J. Habermas and offer to get away from monological metaphysical thinking from the so-called "paradigm of the subject" post-metaphysical thinking and the ideas of intersubjectivity. The idea of intersubjectivity, of course, exists in a number of other approaches, existentialism, or hermeneutics, but in contrast, the theory of communicative rationality is a theory of practical reason, for being a rationalist theory, it is also based on the practice of "everyday" communication. Thus, the idea of communicative rationality, Habermas does not recognize the substantial and the normative character of truth. From the standpoint of this approach truly moral (normative significant) the solution is presented as devoid of substantial foundations of an ever-changing result of social discourse. This means that the concept of rationality in Habermas is not essential (which was typical in the framework of the "Enlightenment Project"), pursuant to which the significance of the norm (in relation to the right – it obstacle) is immutable, transcendental by nature, the essential characteristic, and procedural (communicative) nature. Yu Habermas work in 1992, "the Facticity and significance" (original "Faktizität und Geltung") indicates that the "hinge" between the life world and the system of instrumental relations, must be positive law. Law should not be confined to factual, that is, of coercion, it should contain and significance, i.e., the legitimacy. As indicated by the researchers of this theory is the cause for the significant influence of Habermas on the modern thought is that he managed a convincing and philosophically informed synthesis of the two currents in the philosophy of law: liberalism, consisting in the protection of individual liberty, and republicanism, with a focus on political participation.

Держивицкий Евгений Викторович

К.ф.н. доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Толерантность в европейском мировоззрении: от твердых принципов к эластичным ценностям (опыт этического анализа)

Толерантность имеет долгую, но прерывистую историю. Подтверждение тому встречается в античности и ренессансе. Однако формирование «твердых принципов» толерантности начинается с Просвещения, на уровне прогрессивных философских идей, а затем – в политико-правовых институтах. Хотя в эту эпоху толерантность воплощалась в политике секуляризации, именно из ее идей выросло современное представление о «терпимости», понимаемой шире, чем в

первоначальном религиозном значении. С революций 1848 г. толерантность ассоциируется с идеей прогресса, который для социального устройства благодетелен в той же мере, что и для экономического. И с середины XIX в. низкий, с точки зрения европейцев, уровень развития общества объяснялся не столько его субъективными характеристиками, сколько «объективным» различием между расами. Представление о миссии европейца, несущего прогресс отсталым народам, имело черты мессианства, но аргументация была отнюдь не религиозной, а восходила к рационализму Просвещения. Если все люди наделены разумом, то культурные или религиозные отличия не имеют значения в общей системе мировоззрения. С окончанием Первой мировой войны институциональное развитие принципов толерантности опережало их укоренение в сознании. Лига Наций внедряла их в виде деклараций, которые, таким образом, становились официальной точкой зрения правительств, и, в свою очередь, мнением большинства граждан, проголосовавших за них на выборах. Торжеством принципов толерантности стал процесс деколонизации и начавшаяся «политика открытых дверей». Тогда же обозначились две тенденции. Первая воплотилась в начале евроинтеграции, включая «проект Еврарбия», направленный на вовлечение в орбиту европейской политики стран Магриба. Вторая – в проекте мультикультурного общества, в противовес ассимиляционной политике, как несправедливой к тем, кто лишается выбора между принятием ценностей новой культуры и сохранением верности своей. Возможно, в этом в последний раз проявила себя иллюзия просветителей, что превосходство культуры, основанной на рационализме, окажется столь демонстративной, что выходцы из более отсталых обществ отдадут предпочтение ей. Однако кризис европейской идентичности, связанный со снижением авторитета традиционных духовных ценностей и социальных институтов, привел к тому, что вместо общества, предполагающего взаимное общение культур, возникло общество с конфликтами культур. Это проявилось в двух взаимоисключающих последствиях: в росте популярности лозунгов крайне правых об ужесточении эмиграционной политики и в неприятии европейцами самой идеи ограничения прав и свобод. Духовные ценности, приведшие к построению открытого общества, оказались непригодными для воплощения мультикультурализма. Фоном этих процессов стало все большее проявление иррационализма. Избыток «досуга» в условиях отсутствия объединяющей духовной ценности приводит к «скуке», одним из проявлений которой является растущее насилие, немотивированное и жестокое.

В списке угроз, способных разрушить западную цивилизацию, составленном Шепли, скука идет вслед за ядерной войной и перенаселением, и перед экологической катастрофой и эпидемией смертельной болезни. Роберт Низбет свой труд «Прогресс: история идеи» завершает неожиданным обращением именно к феномену скуки как антиподу идеи прогресса. Еще один парадокс состоит в том, что идея самоценности толерантности во всех сферах жизни общества восходит к рационализму, и одновременно опровергает его. Распространяющееся поле толерантности начинает противоречить базовым ценностям общества, таким как ценность человеческой жизни. Брейвик и Любавиц стали порождением именно толерантности. Первый имел не толерантные убеждения, но разве слова Вольтера о том, что «мне ненавистны ваши убеждения, но я готов отдать жизнь за ваше право их высказывать» не предполагают толерантного к ним отношения? Второй, воспользовавшись правом на врачебную тайну, обезопасил свою частную жизнь, наличие проблем в которой тоже требуют бережного отношения со стороны общества. Проблема толерантности требует поиска средств для ее упорядочения и, возможно, ограничения. Но институционально это не может быть реализовано. Поэтому там, где бессильны законы, остается этический дискурс. Однако вопрос о том, с чего начинать, и как это делать остается без ответа.

Derzhivitskij Evgenij

St. Petersburg State University, Russia

Tolerance in European ideology: from principled approach to flexible values (ethical analysis)

Tolerance in European culture has very long but not uninterrupted history. The proving of it is seen in Ancient and Renaissance times. After national European revolutions in 1848 tolerance started to be associated with idea of progress. The progress which is as beneficial for social system as well as for economy. Certainly the presentation of the mission of European "white man" which brought a progress to less fortunate people had a trait of messianism but was not in fact religious mission: it was a rationalism of Enlightenment. All humans by nature have intellect. However cultural and religious differences have only secondary influence in the ideology of human being. In the second part of XIX century low level of general development was explained not only by its subjective characteristics but by "objective" differences between races, which had very different evolution path. By the end of the First World War institutional development of tolerance principles was way faster than possibility of European to accept them in their minds. As an example League of Nations was developing and

implementing idea of tolerance in a form of declaration and recommendation, which are de jure became official opinion of governments and therefore the opinion of majority of people who live in European countries and vote for this governments. The high point of tolerance principles became the process of decolonization, and "policy of open doors" that followed after. At this point we could see two clear tendencies. The first one was realized at the beginning of European integration, one part of which was "Eurabia" aimed to include countries of Greater Maghreb in European economy and politics. The second one was in cross cultural community which would weight out assimilation policy which is unfair to the once loosing a choice between a new culture and loyalty to their own culture. That was the last appearance of Enlightenment illusion. Superiority of culture based on rationalism appear so emphatic that people from less fortunate communities would prefer European life and way of thinking. However the crises of European identity associated with deterioration of intellectual values authority and social institutions lead to the society with cultural conflicts. It showed in two alternative consequences: popularity growth of ultra right movements that promoted xenophobia and asked for changes in emigration, social and educational policy, and in nonacceptance of idea of rights and freedom limitations in Europe. Intellectual and cultural values that would allow to build a nation of common welfare and open society was not suitable for cross-culture environment. The background of those processes was the demonstration of high irrationalism, as well as in individuals and in nations. Too much "free time" without unified mental values leads to "boredom" which manifested for example in growing violence as the only way to escape unbearable weight of having "free time". In the list of five threats that can destroy western civilization composed in 70th XX century by Harlow Shapley boredom comes after nuclear war and overpopulation, and before ecological catastrophe and epidemic of deadly disease. Another paradox is in fact the total idea of self-value of tolerance which become apparent in every field of activity of community ascends to European rationalism and at the same time it rejects it. It goes as far as tolerance comes into conflict with common values, the main one is the value of human life. "The Sleep of Reason Produces Monsters" - as was said by Francisco Goya. But Breivik and the other one Lubitz are the result of tolerance based on intellect. The first one legally purchased automatic rifle did not have tolerant views at all, but should we be tolerant to him? The other one used the right of medical secrecy secured his private life and personal issues, and our society also needs to be very gentle in this case. The problem of tolerance needs to be not only reconsidered, but we need to find means to limit it and regulate it. When there is no law that can solve the problem the only hope left for ethics. However the

question is where to begin and how to make it happen. I am afraid this question will remain without an answer.

Добродеева Ирина Юрьевна

К.ф.н. профессор, заведующая кафедрой философии и религиоведения Шуйский филиал Ивановского государственного университета

«Большая совесть» как мифологема морального сознания русской интеллигенции

В моральном сознании русской интеллигенции сформировалось устойчивое представление об особом отношении к народу, вине и ответственности перед ним. Это гипертрофированное чувство ответственности сложилось на основе феномена «больной совести», что нашло свое выражение в русской публицистике и художественных текстах. Во многом эта специфика морального сознания русской интеллигенции была обусловлена осмыслением собственной роли в общественном переустройстве, совершенствовании социального миропорядка, построении социальной реальности на моральных основаниях.

Dobrodeeva Irina

Shuisky branch of Ivanovo State University, Russia

"Sick conscience" as the myth of the moral consciousness of the Russian intelligentsia

In the moral consciousness of the Russian intelligentsia a stable idea of special treatment for the people, guilt and responsibility in front of them has formed. It has developed an exaggerated sense of responsibility on the basis of the phenomenon of "sick conscience" that was reflected in Russian journalism, and literary texts. In many ways, this specificity of the moral consciousness of the Russian intelligentsia was due comprehension of its own role in social reconstruction, improvement of the social world order, the construction of social reality on moral grounds.

Долоцкая Наталия Алексеевна

Магистр, 1 курс
Санкт-Петербургский государственный университет

Плюрализм и антагонизм как базовые предикаты демократии

Демократия, как политическое образование имеет существенные отличия от других форм правления. Прежде всего, в этой форме правления власть не концентрируется в одном локальном субъекте власти. Следуя концепции Жака Деррида, демократия можно рассматривать как сообщество друзей, где все выступают как равные друг другу с точки зрения прав и обязанностей (что является также характеристикой дружбы). С точки зрения Шантель Муфф демократия характеризуется как агонистические отношения, базирующиеся на определенном консенсусе, позволяющем мыслить не в антагонистических терминах уничтожения Другого (врага), но предполагающем подобную возможность. Следовательно, демократия предстает как уникальный в своей двойственности феномен, чья амбивалентность, (которую возможно трактовать в фрейдовском смысле, где конфликт, постоянно существующий в обществе, является олицетворением деструктивного, хотя и не в своей радикальной форме, а дружба олицетворением эротического, созидającego влечения), не редуцируема. Однако даже при условии рассмотрения демократии как сообщества друзей, она остается политическим феноменом, по причине невозможности учета всех существующих точек зрения. Следовательно, демократия не является полностью «свободной», так как лишает часть индивидов права на власть, отвергая их притязания как недемократические. Данные индивиды становятся Чужими в структуре данной системы, трансформируясь в ее врагов.

Dolotskaya Nataliya

St. Petersburg State University, Russia

Pluralism and antagonism as basic predicates of democracy

Democracy, as a political entity has significant differences from other forms of government. First of all, this form of government power is not concentrated in a single subject of the local authorities. Following the conception of Jacques Derrida, democracy can be seen as a community of friends, which all act as equal to each other in terms of rights and duties (which is also a characteristic of friendship). From the perspective of Chantal Mouffe, democracy is characterized as agonistic relations based on certain consensus. This consensus allows you to think not in antagonistic terms of the destruction of Other (the Enemy), but suggests such a possibility.

Therefore, democracy is presented as unique in its duality phenomenon, whose ambivalence (which might be interpreted in a Freudian sense, where the conflict is constantly present in the community, is the personification of the destructive, though not in its radical form, and friendship is the personification of the erotic, creating affection) is not reducible. However, even if considering democracy as a community of friends, it is a political phenomenon, for failure to take into account all existing points of view. Therefore, democracy is not completely "free" because it deprives individuals of the right to power, rejecting their claim as an undemocratic. These individuals become strangers in the structure of the system, transforming in its enemies.

◆◆◆

Дорохина Римма Викторовна

К.ф.н., доцент

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Свобода и ответственность в гендерных отношениях

О свободе в гендерных отношениях можно говорить лишь в том случае, если процент свободы между партнерами будет разделен и строго пропорционален проценту ответственности. Если же подобная дифференциация окажется неравнозначной, то в вопросе гендерных отношений следует говорить о зависимости, которая в свою очередь подразумевает ущемление свободы одним из партнеров.

Dorokhina Rimma

Voronezh State University of Architecture and Construction, Russia

Freedom and responsibility in gender relations

We can talk about freedom in gender relations only if the percentage of freedom will be divided between the partners and strictly proportional to the percentage of responsibility. If such a differentiation is unequal, we should talk about dependence in the question of gender relations, which further implies the infringement of freedom of one of the partners.

◆◆◆

Еременко Татьяна Вадимовна

Д.пед.н., профессор

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

Ответственность как критерий кейс-анализа информационно-этических ситуаций в вузовском сообществе

[Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00049]

Вузовское сообщество является средой, в которой постоянно возникают и находят то или иное разрешение информационно-этические ситуации. Хорошие перспективы для анализа таких ситуаций с позиций этической ценности «ответственность» открывает применение методики кейс-стади. Во-первых, ответственность влияет на выбор субъекта в разрешении нравственного противоречия в сфере отношений с информацией и, соответственно, информационно-этический кейс может быть проанализирован с точки зрения личностной ответственности людей, вовлеченных в ситуацию. Во-вторых, понимание совместной ответственности как осознания причастности к той или иной проблеме и принятие на себя ответственности за ее решение позволяет при анализе кейса определять долю ответственности за соблюдение норм вузовской информационной этики отдельных акторов, в частности, таких, как руководство вуза, кафедры и факультеты, отдельные преподаватели и студенты. Для апробации анализа информационно-этической ситуации с позиций ценности «ответственность» группе студентов второго курса Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина было предложено высказать свое мнение о кейсе «Курсовая работа». Кейс был разработан автором и представлял собой рассказ о студенте Артеме, который впервые пишет курсовую работу и сомневается, правильно ли он использует информацию в своем тексте. Он советуется со своими сокурсниками Настей и Кириллом и сталкивается с разным отношением к выполнению курсовой работы. В обсуждении также принимает участие старшекурсник, случайно услышавший разговор Артема и Насти. Анализируя кейс, студенты давали развернутые ответы на два вопроса: 1. Чья позиция из высказанных в ситуации Вам более близка: Насти, Артема, студента-старшекурсника, Кирилла? Почему? 2. Как, по-вашему, в дальнейшем поступит Артем? Почему? Как бы Вы лично поступили на его месте? Почему? Письменный анализ представили 36 студентов. Оценки, которые дали студенты поведению описанных в кейсе субъектов, позволили собрать ценную информацию об уровне личностной

ответственности их самих. Были сделаны следующие выводы: 1) среди студентов, принявших участие в анализе, доля тех, кто стремится следовать этическим нормам, принятым в вузовской среде в отношении использования информации, достаточно велика (80,6%); 2) только 2 студента (6,0%) готовы пойти на сознательное нарушение этих норм, даже предвидя возможность наказания за них; 3) более половины студентов (52,8%) в своих высказываниях показали высокий уровень личностной ответственности, т.к. объясняли выбор своей позиции необходимостью сознательного и добросовестного отношения к обучению и демонстрировали готовность взять на себя дополнительную работу по доведению курсовой до соответствия необходимым требованиям. В целом применение методики кейс-стади подтвердило предположение о ее хорошем потенциале в изучении информационно-этических ситуаций, возникающих в вузе, в том числе с позиций критерия «ответственность».

Eremenko Tatiana

Ryazan State University of S.A. Esenina, Russia

Responsibility as Criteria for Case Analysis of Information-Ethical Situations in the University Community

The university is the environment where information-ethical situations have been constantly arising and somehow resolved. The use of the case study method reveals good prospects for the analysis of such situations from the standpoint of the ethical value of "responsibility". First, the responsibility affects the choice of a person who has to resolve a moral conflict in relations with the information use. Consequently, information-ethical case can be analyzed in terms of personal responsibility of people involved in the situation. Second, understanding the shared responsibility as an awareness of involving in issues and taking part in their solutions allows to determine through the case analysis what is the share of each university actors (the university administration, the university schools and departments, the faculty members and the students) in complying with the university information ethics' requirements. In order to test the analysis of information-ethical situations from the standpoint of the responsibility a number of second-year students of Ryazan State University were asked to give their opinions about the case "Term Paper". The case is developed by the author and it is a story about a student Artyom, who write a term paper for the first time. Artyom doubts whether he uses the information correctly and he consults with his fellow students Nastya and Kirill. Artyom faces with different attitudes to the writing of the term paper. Moreover, a senior who has overheard the conversation is also involved into the discussion. The students were given

detailed answers to two questions: 1. Whose position (Nastya's, Artyom's, senior's, Kirill's) do you share? Why? 2. How, in your opinion, Artyom will go further? Why? What would you do in his place? Why is that? 36 students presented their answers in writing. Their opinions and moral judgments about the case allowed to gather valuable information on the level of the students' personal responsibility. The conclusions as follows are made: 1) among the students who studied the case the percentage of those who are eager to follow information ethics' norms is sufficiently large (80.6%); 2) only 2 students (6.0%) are willing to make a conscious violation of these rules, even they foresee the possibility of punishment for that; 3) more than a half of the students (52.8%) in their statements show a high level of the personal responsibility because the choice of their positions was based on the conscious and conscientious attitude to learning and the students demonstrated a willingness to take on extra work in order to match the requirements. In general, the use of the case study method confirmed the assumption of its good potential in analyzing information-ethical situations in higher schools, as well as from the standpoint of the criteria of "responsibility".

Ершов Глеб Олегович

Магистр, 1 курс

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Стандарты профессиональной этики историка в современную эпоху

Стандарты профессиональной этики историка в современную эпоху Примерно с середины 20 века специалисты в области этики и ученые других наук с необходимостью обращаются к проблеме профессиональной этики в науке. Этика – это учение о морали, о нравственности, а мораль – это совокупность идеалов, установок, ориентиров, которыми руководствуется человек в процессе конструирования себя, своей жизни. Так, профессиональная этика ученого призвана регулировать его поведение в рамках профессиональной исследовательской деятельности, т.е. она регламентирует, что следует делать в той или иной области, или на что налагается запрет. Проблема профессиональной этики в науке к концу 20 столетия начинает специализироваться, так, появляются профессиональные этики биологов, физиков, археологов и, конечно, историков. Создание профессиональной этики историка является сложной задачей в силу специфики их профессиональной деятельности. Для определения стандартов такого морального кодекса,

необходимо, прежде всего, определиться с тем, что есть сама история и как наука, и как феномен. Часто авторы этических кодексов для историков упускают этот момент и выстраивают свои рекомендации, опираясь на общие представления об исследовательской деятельности и науке: 1. «Кодекс историков» Баэтса (основывается на Всеобщей декларации прав человека, Рекомендации ЮНЕСКО о статусе преподавательских кадров высших учебных заведений, Международном пакте о гражданских и политических правах); 2. Кодекс Американской исторической ассоциации об основных ценностях и практиках профессии историка; 3. «Этические рекомендации» (Ethics Guidelines) Национального совета по общественной истории; 4. «Стандарты профессиональной деятельности и этики» (Statement of Professional Standards and Ethics) Американской ассоциации отечественной и региональной истории 5. «Рекомендации по оценке качества» (Evaluation Guidelines) Ассоциации устной истории; 6. «Принципы и стандарты федеральных исторических программ» (Principles and Standards for Federal Historical Programs) Исторического общества при Федеральном правительстве и др. Все эти документы имеют общую составляющую – описание работы исследователя, но эти рекомендации не отражают всей полноты работы историка. Для выполнения этой задачи необходимо, как уже было сказано выше, определить, что есть история как наука и как феномен, учитывая ситуацию 21 века.

Yershov Gleb

Perm State National Research University, Russia

Standards of professional ethics of the historian today

Standards of professional ethics of the historian today
In the 20th century, experts in the field of ethics and other sciences researchers with the need to address the issue of professional ethics in science. Ethics - is the study of morality, morality, and morality - is a set of ideals, attitudes, orientations that guide people in the process of constructing himself, his life. Thus, professional ethics scholar intended to regulate his conduct in professional research activities, ie it regulates, what to do in a particular area, or that the ban is imposed. The problem of professional ethics in science at the end of the 20th century begins to specialize, so appear professional ethics of biologists, physicists, archaeologists and, of course, historians. Create professional ethics of the historian is challenging due to the specifics of their profession. In order to determine the standards of the moral code, you must first of all decide what is the very history and science, and as a phenomenon. Often the authors of codes of ethics for historians overlook this moment

and build recommendations based on common understanding of the research and science: 1. "Code historians" Baetsa (based on the Universal Declaration of Human Rights, the UNESCO Recommendation concerning the Status of higher education institutions, the International Covenant on Civil and Political Rights); 2. Code of the American Historical Association on the basic values and practices of the profession of the historian; 3. "Ethical recommendations» (Ethics Guidelines) National Council on Public History; 4. "professional standards and ethics» (Statement of Professional Standards and Ethics) of the American Association of domestic and regional history 5. "Guidelines for quality assessment» (Evaluation Guidelines) Oral History Association; 6. "The principles and standards of the federal historical programs» (Principles and Standards for Federal Historical Programs) Historical Society of the federal government and others. All these documents have a common component - the description of the researcher, but these recommendations do not reflect the fullness of the work of the historian. To perform this task, as has been said above, to determine what is the history of science and as a phenomenon, given the situation of the 21st century.

◆◆◆

Жадунова Наталья Владимировна

К.ф.н., начальник центра дополнительного образования
Средне-Волжский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске

Этико-нормативные аспекты информационной войны

Проблема информационной войны актуализировалась в свете современных информационных технологий, позволяющих каждому пользователю сети быть объектом воздействия и субъектом, инициатором этого воздействия. При этом пользователь в силу дистанционности и отсутствия личной идентификации, он не связан нормами, кроме индивидуальных нравственных установок, при условии, что таковые имеются. В подобных условиях расширяются возможности для манипулирования массовым сознанием, особенно в контексте борьбы за признание, повышение статуса. Эффективными становятся публичные провокации, опирающиеся на агрессивные и противоречивые концепты. При этом манипуляторами и провокаторами могут быть не только официальные и неофициальные СМИ, но и частные лица, имеющие определенный авторитет. Представляется важным актуализировать необходимость нравственных ограничений

ведения информационной войны на разных уровнях. Поскольку в ситуации конфликта стороны преподносят информацию в выгодном для себя ключе, необходимо постоянно учитывать, что информационное противостояние не должно переходить в информационный терроризм, следовательно, принципы справедливости, ответственности, честности, уважения достоинства противника должны быть известны тем, кто взялся за «информационное оружие». Современная геополитическая ситуация свидетельствует, что эффективность информационной войны повышается с каждым годом, контроль информационного противоборства правовыми средствами не обеспечивает гарантий от несанкционированного воздействия на сознание ни гражданского населения, ни военнослужащим. Таким образом, важной проблемой становится достижение соглашения между моральными субъектами относительно содержания нравственных ограничений ведения данного вида информационной деятельности. Информационную войну понимаем, как любое негативное информационное воздействие на оппонента, которое может быть между любыми субъектами – как частными, так и публичными. Для детального изучения проблемы необходимо проанализировать причины отсутствия нравственных ограничений в ситуации информационного освещения; выявить содержание и нормативные основания нравственных ограничений информационной войны, необходимость которых признают коммуницирующие моральные субъекты; обозначить основные предложения по осуществлению нравственного контроля информационной деятельности. Одним из таких ограничений является принцип предосторожности как система внутреннего противодействия и контроля, то есть разграничения информационных потоков, их оценивания и принятия ответственного решения о трансляции информации с четким осознанием последствий. Моральные дилеммы принцип предосторожности позволяет рассматривать как поступки в ситуации неопределенности последствий и необходимости срочного реагирования на информационные «вбросы». Он может быть сформулирован следующим образом: решение неотложных, судьбоносных проблем не может зависеть от кажущейся достоверности источника информации, а при недостатке исходной информации должно ориентироваться на худший из возможных сценариев последствий принятия решения на основе полученных данных. Принцип предосторожности консенсуален по своему содержанию, он опирается не на анализ мотивов, запрещающих или разрешающих те или иные действия в информационной войне, а на

максимальное определение последствий, поскольку следование этому принципу разворачивается в реальном времени в политически детерминированной сфере. В контексте информационной войны принцип предосторожности имеет два уровня понимания и реализации: первый – макроуровень, собственно политический, когда речь идет о пропаганде, идеологической борьбе, направленной на признание международным сообществом, констатацию силы и значимости; второй – микроуровень, на котором разворачивают действия отдельной личности, ассоциированной с той или иной группой, здесь важным является совокупность нравственных мотивов, оценка действий и результатов. Таким образом, следование нравственным ограничениям информационной войны должно быть направлено на соблюдение принципа предосторожности, регулирующего поступки ответственных за распространение информации субъектов, и разработку международных правовых норм, регламентирующих борьбу за признание, привлекающих внимание международной общественности к проблемам межнационального взаимодействия.

Zhadunova Natalia

Sredne-Volzhsky Institute (branch) of Russian State University of Justice (MOJ Russia RPA) in Saransk, Russia

Ethics-normative aspects information war

In the context of actualization of the concept of struggle for recognition become aggravated ethnic conflicts. Since the national stereotypes are widely used in the public space, and often with the objectives of the escalation of the conflict, we can talk about this phenomenon as the information war of nations. One of the conditions to prevent war is the moral constraints (the precautionary principle, etc.).

Зимбули Андрей Евгеньевич

Д.ф.н., профессор
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Прикладная этика: компресс, припарка или компас?

Автор исходит из того, что судьбы этики в нашей стране занимательны. В советское время она была обязательной вузовской дисциплиной. Причём в «Словаре по этике», что выпущен в те годы, не так уж много лжи и обусловленных тогдашней идеологией перекосов. Достаточно объективно,

философски взвешенно описываются темы «Гуманизм», «Совесть», «Справедливость», «Счастье», «Поведение», «Проступок», «Преступление», «Предательство», «Героизм» и тому подобные. В наши же дни этику всё более активно заслоняет прикладная этика. Хотя этику ещё никто не отменял. Такая наука есть. И изучает она не только прикладные вопросы, не только сюжеты, связанные с моралью – предмет этики в себя, со времён основателя этой науки, Аристотеля, включает 1) реальные взаимоотношения, складывающиеся между людьми, 2) то, как эти взаимоотношения отражаются в человеческом сознании (в виде оценок, норм, принципов, идеалов), а также 3) нравственно-психологические переживания, испытываемые людьми по поводу этих взаимоотношений. Тогда как в рассуждениях про так называемую «профессиональную этику» авторы имеют в виду не философскую науку о нравственно-ценностных взаимоотношениях или переживаниях по поводу этих взаимоотношений. Речь, как правило, ведётся о свойственных той или иной профессиональной сфере ключевых нравственных проблемах, о социально значимых нравственно-психологических качествах занятого в данной сфере профессионала. То есть речь идёт о практике. Но ведь этика призвана изучать человеческие дела, переживания и мысли, а не просто дела. Вот почему крайне желательно учитывать системность, которой в теперешних профессионально-этических построениях часто не хватает. В каждой жизненно важной сфере нужно осмысливать взаимодополняющие социальные роли. Только тогда предмет науки этики будет не клочковатым, а целостным. Практикуемое в наше время прикладное применение этических знаний в значительной степени можно объяснить неспособностью современной этики (современных этиков-профессионалов, а также всех тех, кто пользуется её наработками) к мощным обобщениям, наподобие Моисеевых. Автору хочется понять, что будет с культурным потенциалом российских этиков. И хочется верить, что так называемая ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА в своих востребованных социумом результатах будет использоваться НЕ КАК ПРИПАРКИ, а скорее КАК КОМПРЕСС или ещё лучше КАК КОМПАС.

Zimbuli Andrey

Russian State Pedagogical University of A.I. Herzen,
Russia

Applied ethics: a compress, poultice or compass?

The author believes that the fate of ethics in our country entertaining. In Soviet times, it was mandatory academic discipline. And in the "Dictionary of ethics", which is released in those years, not so many lies and caused the then ideology warps. Quite

objectively, philosophically balanced describes the theme of "Humanism", "Conscience", "Justice", "Happiness", "Behavior", "Misconduct", "Crime", "Betrayal", "Heroism" and the like. In our days the ethics increasingly overshadows applied ethics. Although ethics has not been canceled. Such a science is. And she learns not only practical issues, not only the subjects connected with morality is the subject of ethics in itself, since the founder of this science, Aristotle, includes 1) a real relationship developing between people, 2) how these relationships are reflected in human consciousness (in the form of assessments, standards, principles, ideals), and 3) moral and psychological suffering experienced by people about these relationships. Whereas in the arguments about the so-called "professional ethics," the authors mean not a philosophical science of moral relationship or feelings about these relationships. It usually is a characteristic of the particular professional field key moral issues, socially significant moral and psychological qualities of the employed in this field a professional. We are talking about practice. But ethics is designed to study human actions, feelings and thoughts, not just business. That is why it is advisable to take into account consistency, which in current professional ethical constructions often lacking. In every vital area need to comprehend complementary social roles. Only then the subject of the science of ethics is not clumpy, and holistic. Practiced in our time, the application of ethical knowledge to a considerable extent can be explained by nesposobnosti modern ethics (modern atikul professionals, and all those who use its practices) to powerful generalizations, like Moses. The author would like to understand what will happen with the cultural potential of the Russian Atakov. And I want to believe that the so-called APPLIED ETHICS in popular society the results will NOT be used AS a POULTICE, but rather AS a COMPRESS or even better AS a COMPASS.

◆◆◆

Камнев Сергей Владимирович

Магистр, 1 курс

Санкт-Петербургский государственный университет

Императив ответственности в профессиональной этике медиа-пространства

Важность СМИ для современность настолько высока, что их называют "четвертая власть". Право не в состоянии обеспечить контроль СМИ, удовлетворяющий потребностям общества не нарушая при этом основных прав и свобод личности. Вследствие этого, сейчас, как никогда раньше стали инструменты саморегуляции профессионального медиа-сообщества. Комитеты и кодексы - механизмы для обеспечения такого

контроля. Ответственность же, та категория которая является "духом законом" всей внутренней регуляции профессионального сообщества.

Kamnev Sergei

St. Petersburg State University, Russia

The imperative of responsibility in the professional ethics of the media

The importance of the media for the present is so high that they are called "fourth power". The right not to be able to provide control of the media that meets the needs of society while respecting the fundamental rights and freedoms. Therefore, now more than ever become instruments of self-regulation of professional media community. Committees and Codes - mechanisms to ensure such control. The responsibility, that category which is "the spirit of the law" throughout the internal regulation of the professional community.

Карчагин Евгений Владимирович

К.ф.н., доцент

Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет

Идея справедливости в контексте теории языковых игр

[Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Администрации Волгоградской области в рамках научно-исследовательского проекта «Город, транспортная медиация, социальная справедливость: социологическое исследование городского общественного транспорта в г. Волгограде», проект № 14-13-34013а(р)]

Важные аспекты понимания идеи справедливости выявляет теория языковых игр позднего Л. Витгенштейна. Знать значение справедливости означает знать употребление этого термина в языковых практиках. Содержание справедливости определяется тем, как она существует и практикуется. Когда прерывается рутинное действие, объяснить себе или другим, почему ему следуют, невозможно или крайне затруднительно. Моральные практики организуются уже по другим правилам. В них есть: 1) представление об общем благе; 2) общественные санкции за нарушение правила; 3) имеется потенциальная возможность оправдаться. Правила или нормы, которые можно описывать в терминах справедливости, воплощаемые в нашем поведении, основаны на практическом и теоретическом представлении соответствия, уместности, упорядоченности и

общей правильности. Понятая самым общим образом справедливость есть мера должного распределения социальных благ и тягот. Мы часто говорим о справедливости как о свойстве самой реальности, самих ситуаций, людей, институций, вещей и явлений. Справедливость как идея оправданности социокультурного порядка в качестве предельной аксиологической опоры обеспечивает устойчивость морали данного сообщества. Моральные практики справедливости предполагают наличие возможности обвинения и возможность оправдания, что прямо запечатлено в языке: справедливость — оправдание; justice — justification. Абсолютных и вневременных значений, понятий с совершенно закрепленным и универсальным значением не существует, поскольку понятия являются элементами многообразных языковых игр. Языковые игры структурируют саму возможность высказываний о справедливости, являясь своеобразным аккумулятором опыта справедливости, накопленного сообществами, который, однако, трудно генерализировать. Трудность генерализации и универсализации правил справедливости составляет суть проблемы справедливости. Тем не менее нельзя сказать, что существует бесконечное число значений, контекстов употребления и норм справедливости. Современные исследования справедливости стремятся произвести своего рода инвентаризацию употреблений справедливости и выстроить приемлемую типологию ее значимых контекстов (М. Уолцер, Л. Болтански, Л. Тевено и др.). В этой связи можно выделить шесть областей справедливости по специфике циркулирующих благ, исходя из традиционных версий осмысления социальной реальности в социально-философской литературе. Кроме того можно выделить по крайней мере три уровня нормативных областей справедливости в зависимости от масштаба: микро-, макро- и мегауровень. Схематическое наложение областей на уровни дает возможность построить общую, комплексную модель социокультурной реализации справедливости.

Karchagin Evgeny

Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering, Russia

Idea of Justice in the context of language games theory

Late Ludwig Wittgenstein's theory of language games reveals important aspects of understanding of the idea of justice. To know the meaning of justice is to know the use of this term in language practices. The content of justice is determined by how it exists and practiced. When routine action is interrupted, it is hard to explain to yourself or to others, why we follow it. Moral practices are organized by different rules. They

include: 1) awareness of the common good; 2) public sanctions for violation of rules; 3) a potential opportunity to justify yourself. The rules or norms that can be described in terms of justice embodied in human behavior, based on practical and theoretical view of conformity, propriety, orderliness and general correctness. In general, justice is the measure of the proper distribution of social benefits and burdens. We often talk about justice as a property of reality itself, situations, people, institutions, things and phenomena. Justice as the idea of the justification of social and cultural order and the axiological support ensures the stability of the morals of given community. The moral practice of justice presuppose the possibility of prosecution and the possibility of justify, which is directly captured in the language of fairness, justification, justice — justification. Absolute and timeless values, concepts with a completely fixed and universal value do not exist, because the concepts are the elements of diverse language games. Language games provide the possibility of statements about justice, accumulating experience of justice, gained by the communities, which, however, is difficult to generalize. The difficulty of generalization and universalization of the rules of justice is the essence of the problem of justice. Nevertheless, we cannot say that there are an infinite number of meanings, contexts of use and rules of justice. Contemporary justice theories aim to produce a sort of inventory of meanings of justice and to build a reasonable typology of its relevant contexts (M. Walzer, L. Boltanski, L. Thevenot, etc.). We can name six areas of justice based on the specifics of circulating goods supported by traditional versions of understanding social reality in the socio-philosophical literature. It is possible to distinguish at least three levels of normative levels of justice depending on the scale: micro-, macro - and mega-. Schematic overlay of areas on levels gives the opportunity to build a general, integrated model of socio-cultural realization of justice.

Кашников Борис Николаевич

Д.ф.н., профессор

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)

Справедливость как форма оправдания массового насилия

Настоящее исследование объединяет в себе три уровня. Один из них связан с историческим происхождением и развитием морали. Новые данные позволяют утверждать, что насилие не только глубоко укоренено в человеческой природе, но и сама эта природа крайне подвижна. Насилие действительно всегда сопутствовало человеку и его животным предкам, но это не означает, что она не

может быть поставлено под контроль. В действительности человечество не имеет иной альтернативы. Речь идет о том, чтобы все же поставить насилие под контроль или погибнуть. Другой уровень исследования имеет отношение к современным парадигмам массового насилия, таким как преступное насилие, геноцид, терроризм, война, массовая полицейская операция и т.д.; а также некоторые специальные формы этого насилия структурное насилие, культурное насилие, религиозное насилие, политическое насилие, легальное насилие и т.д. Третий уровень исследования имеет отношение к нормативному или этическому оправданию насилия посредством прескриптивных суждений и логики. Насилие всегда получало некоторое моральное оправдание даже в его самых ужасных формах. Это могла быть ссылка на добрые намерения, или благородные цели или как сопутствующее необходимое зло на пути в высшему благу. Подобные усилия особенно стали характерны с возникновением доктрины справедливой войны. Недавние развития в этой сфере ознаменовались появлением новой парадигмы этой доктрины под названием «парадигма прав человека». Парадоксально, но факт эта парадигма не только позволяет оправдывать войну, но также и пытки, нелегитимные аресты, политические убийства политических оппонентов, все то что ранее рассматривалось как *mala in se*. Таким образом, ограничения международного права более не действуют и глобальный либеральный суверен действует в рамках исключительного права. Проблема в том, что исключение грозит стать правилом. Это приводит по меньшей мере к трем последствиям. Во-первых, различие между глобальным терроризмом и глобальным либерализмом становится мало заметным. Во-вторых, война превращается в некоторую нерасчлененную тотальность насилия, в которой уже невозможно отличить войну от полицейской операции или избирательных убийств, или геноцида или террора. Иными словами война растворяется в иных, менее благородных формах массового насилия. Человечество оказывается отброшено в состояние до-модерна, а вражда приобретает абсолютный характер.

Kashnikov Boris

National Research University "Higher School of Economics", Russia

Justice as a form of justification of mass violence

There are three major research fields I am going to bring together. One is the research on historical emergence and development of morality. The new data make it possible to claim that violence is not only deeply “embedded” in “human nature”, but also that

this nature is very flexible. Violence always has been one of the character traits of human and even pre human existence, but it does not mean that it was never controlled and could not be reduced at least to some acceptable level. The humankind has little choice. It has to put violence under control or perish. The second field of research is related to the contemporary paradigms of mass violence such as criminal violence, genocide, terrorism, war, police operation, etc., as well as some special forms of this violence like structural violence, cultural violence, religious violence, political violence, legal violence, etc. The third field, under consideration is related to the normative or ethical justification of violence by means of prescriptive language and logic. It has always been the case that violence was justified at least to some extent. Even the most vicious forms of violence were usually justified by reference to the good intentions or as a collateral damage on the road to the summum bonus. The like efforts were always ripe and with the emergence of the Just War Doctrine they became systematic and consistent. The latest development in the field is the new paradigm of the Just War Theory, namely the Human Rights Paradigm. By way of paradox it not only allows to justify war whenever one thinks fit, but it also ends up justifying torture, extrajudicial confinement and targeted killing of the political enemy, which has always been regarded as mala in se. In this case the restrictions of international law are no longer deemed valid and the new global liberal sovereign tends to act on the exception. The problem is that the exception tends to become the rule. It triggers at least two consequences. First of all, the difference between global liberalism and radicalisms of all stripes tends to blur. Second, war itself tends to degenerate into some indistinguishable totality of violence, with fuzzy margins between police operation, terrorism, war proper, targeted killings and genocide. In other words, war as an institution tends to dissolve in some other much less honorable forms of mass violence. Humanity is catapulted back to pre modernity and the general enmity adopts absolute status.

Ковалева Татьяна Викторовна

К.ф.н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Биоэтика в научной картине мира

Биоэтика – относительно новая наука, сформировавшаяся только в конце 1960-х годов, решает проблемы, пришедшие из глубины веков и современные, порожденные научно-техническим прогрессом. В конце XX века академическая медицина вынуждена была признать необходимость в биоэтики, как некоей совести этой

профессии, которая под давлением прогресса обращала внимание на узкопрофессиональные проблемы внутри себя, теряя наработанные предыдущими поколениями врачей особые нравственные принципы, присущие только этой профессии. Биомедицинская этика постаралась вывести человека с позиции объекта исследование на уровень субъекта. Она ставит перед собой трехстороннюю задачу: 1. Обсуждение важных вопросов общей медицинской практики и принципов организации системы здравоохранения в России и в других экономически развитых странах. 2. Борьба с последствиями новых биомедицинских технологий, внедряемых в медицинскую практику, т.е. с появлениями биоэтических дилемм. 3. Активизация усилий международных медицинских организаций в области международного общественного здравоохранения и оказания медицинской помощи в экономически слаборазвитых районах земного шара. Особое внимание уделяется этическим дилеммам в области генетики, исследования стволовых клеток и нанотехнологий. Наравне с вышеуказанными направлениями своего исследования, биоэтика и биомедицинская этика вынуждена решать внутренние дилеммы, которые вызывают противоречия изнутри и мешают правильно функционировать. Наиболее значимые проблемы – это сращивание понятия "биоэтика" с "биомедицинской этикой", когда одно подменяют другим. Тем самым вносится определенная путаница и подмена понятий, что негативно сказывается на понимании научной дискуссии, особенно с учетом проблем возникающих в междисциплинарном диалоге. Междисциплинарность сама по себе несет массу противоречий в терминологическом и коммуникационном плане. Более того, каждая наука, входящая научную картину мира, должна себя тестировать на момент актуальности и значимости для человечества. Обучающая и научающая часть каждой науки должна быть закреплена учебными, методическим пособиями и монографиями. Любое учебное пособие должно содержать устоявшуюся часть методологии и меняющуюся прикладную часть. Быстро меняющаяся прикладная часть приводит к устареванию информации и изменению акцента моральных дилемм и т.д. Актуальность, подвижность биоэтики и биомедицинской этики заставляет специалистов в этой области к постоянному диалогу и дискурсу с представителями других научных направлений, школ, общественных организаций и конфессий.

Kovaleva Tatiana

St. Petersburg State University, Russia

Bioethics into the scientific view of world

Bioethics is a relatively new science, emerged only in the late 1960-ies, and solves problems that have come from time immemorial and modern problems, produced by scientific and technical progress. At the end of the twentieth century academic medicine was forced to recognize the need for bioethics as a conscience of the profession, which has drawn attention to specific problems under the pressure of progress within themselves losing accumulated by previous generations of doctors particular moral principles that are unique to this profession.

Biomedical ethics have tried to deduce from the object of study on the subject. It has set itself a threefold mission: 1. Discussion of important issues, General medical practices and principles of the organization of the health system in Russia and in other industrialized countries. 2. Wrestling with the implications of new biomedical technologies introduced into medical practice, i.e. with appearances of bioethical dilemmas. 3. Intensification of efforts in international medical organizations in the field of international public health and medical care in economically underdeveloped areas of the globe. Special attention is paid to ethical dilemmas in genetics, stem cell research and nanotechnology. Along with the above mentioned directions of his research, bioethics and biomedical ethics must deal with the internal dilemma that cause contradictions inside and prevent proper function. Is there a difference between the terms "bioethics" and "biomedical ethics"? The answer is 'yes' as they cannot tend to be used interchangeably. In a word, some foreign researchers can consider both of them to be exactly the same thing; however they differ on provided by the spheres of scientific research. In doing so it would be some confusion and equivocation, which have the negative impact on the understanding of scientific discussion, especially including the problems of the interdisciplinary dialogue.

Interdisciplinarity provides a lot of terminological and communicational contradictions. Moreover, every science, which is a part of the scientific world of view, has to test himself in the context of its relevance and importance to humanity. Training and educative part of each science must be corroborated by the training, teaching AIDS and monographs. Any training manual should contain an academical part and a changing application part. Rapidly changing application part leads to outdated information and the change of emphasis in moral dilemmas, etc. The relevance, mobility of bioethics and biomedical ethics makes specialists in this field to conduct a dialogue and discourse with other scientists from directions,

schools, members from social organizations and religious leaders.

Коваль Екатерина Александровна

К.ф.н., доцент

Средне-Волжский филиал Российской правовой академии Министерства юстиции РФ (г. Саранск)

Нормативный конфликт права на признание и права на забвение в условиях информационной войны

[При финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-03-00414]

В современной социальной и моральной теории довольно популярным и перспективным концептом является признание. Сегодня индивиды и группы борются уже не за экономическое, а за статусное равноправие. Право на признание, по сути, является нормативной конкретизацией принципов терпимости, изложенных в Декларации ЮНЕСКО 1995 года. Философская рефлексия феномена признания отражена в работах Ю. Хабермаса, А. Хоннета, Ч. Тэйлора, Н. Фрэйзера и др. Признание носит коммуникативный характер, поэтому право на признание концептуально связано с возможностью реализации, в первую очередь, таких прав и свобод, как свобода слова, свобода совести, право на объединение. Однако в условиях информационной войны право на признание должно иметь нормативные (в первую очередь, нравственные) ограничения во избежание злоупотребления данным правом асоциальными индивидами и группами (экстремистские и террористические объединения и движения и др.). Представляется интересным сочетание борьбы против феномена, который А. Хоннет обозначает термином «lookingthrough», и нормативного обеспечения права на забвение. С одной стороны, признание личности или социальной группы включает в себя обмен информацией друг о друге между коммуникантами, причем полнота информации обеспечивает формирование устойчивого признания. С другой стороны, право на забвение означает, напротив, уменьшение полноты информации, в том числе, не конфиденциальной, циркулирующей в публичном пространстве. В условиях информационной войны право на забвение, как и право на признание, должно иметь нормативные ограничения. Злоупотребление правом на забвение может привести к удалению общественно значимой информации, сокрытию данных, которые необходимы для формирования адекватных отношений с контрагентом, утаиванию неблагоприятных поступков публичными лидерами. Право на забвение – это топор, которым, вопреки

поговорке, можно вырубить написанное пером. Возможность уничтожения своего информационного следа – это возможность скрыть свое участие в любой информационной «перестрелке», нивелировать ответственность за информационное загрязнение. Таким образом, право на признание и право на забвение могут вступать в сложный нормативный конфликт: Я жаждет признания, реализует свободу слова, говоря о себе и Другом; Другой, используя право на забвение, удаляет то, что заявлено Я о Другом в публичном пространстве. При этом Я, притязающее на хабермасовскую триаду истинности, правильности и правдивости, оказывается обманутым. Есть и другая - парадоксальная сторона конфликта: право на забвение может обернуться получением признания. Так, например, разработка европейского варианта нормативных механизмов реализации права на забвение связана с решением Европейского суда в пользу Марио Костехи Гонсалеса, который пытался уничтожить информационный след о своих прошлых финансовых проблемах. Однако поскольку судебный прецедент не в пользу Google был уникален, вместо забвения Гонсалес получил признание, его имя, его история, включая финансовые проблемы в прошлом, доступны по тысячам ссылок в сети Интернет на разных языках мира. Представляется, что нравственным ограничением права на признание может быть принцип предосторожности: ответственная оценка возможных последствий публикации информации оберегает морального субъекта от злоупотребления свободой слова. В то же время, суть одного из правовых механизмов реализации права на признание свидетельствует о том, что субъект имеет право на удаление неактуальной информации. В данном случае принцип предосторожности нерелевантен, поскольку поступок уже совершен. При этом поступок может быть как внеморальным, так и аморальным, например, распространение информационного загрязнения как способ ведения информационной войны. Здесь нравственным ограничением злоупотребления правом может быть добровольное принятие на себя ответственности за все сказанное личностью в публичном пространстве, смирение с тем, что достоверно сказано о личности Другим и уважением к честному, нормативно правильному публичному слову Другого о себе.

Koval Ekaterina

Sredne-Volzhsky branch of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, (Saransk), Russia

Normative conflict of right to recognition and right to oblivion in conditions of information war

[With the financial support of RFH, project # 15-03-00414]

In today's social and moral theory quite popular and promising concept is the recognition. Today, individuals and groups are fighting not for economic equality but for equality of status. Right to recognition is a normative concretization of principles of tolerance from the Declaration of UNESCO in 1995. Philosophical reflection of the phenomenon of recognition is presented in the works of Habermas, Honneth, Taylor, Fraser, etc. Recognition is communicative phenomena in nature, so right to recognition is conceptually related to the possibility of realization, in the first place, such rights and freedoms as freedom of speech, freedom of conscience, freedom of association. However, in terms of the information war right to recognition should have normative (primarily ethical) constraints to avoid abuse of this right on the part of antisocial individuals and groups (extremist and terrorist movements and associations, and others.). It is an interesting combination of the fight against a phenomenon that Honneth represents as «lookingthrough», and normative ensure the right to oblivion. On the one hand, the recognition of a person or social group includes the exchange of information about each other between the communicants, and completeness of the information ensures the formation of stable recognition. On the other hand, the right to oblivion conversely means reducing the completeness of information, including non-confidential information that circulates in the public space. In the information war the right to oblivion, like right to recognition, should have normative restrictions. Abuse of the right to oblivion can lead to the removal of public important information, concealing data which are needed for the formation of an adequate relationship with a counterparty, conceal unseemly actions by public leaders. The right to oblivion is Axe, which, contrary to the saying, you can cut out what a pen has written about. The ability of destruction of information trace is the ability to conceal involvement in any information "shootout" and avoid responsibility for the information pollution. Thus, right to recognition and right to oblivion may enter into a complex normative conflict: Self hungry for recognition, realizes freedom of speech, speaking of Self and Other; Other, using the right to oblivion, removes what Self declared about the Other in the public space. At the same time Self, that want to have Habermasian triad of truth, correctness and veracity,

is deceived. There is another side of the conflict: the right to oblivion could turn obtain recognition. For example, the development of a European version of normative mechanisms of realization of the right to oblivion associated with the decision of the European Court of Justice in favor of Mario Costeja González, who tried to destroy the information trace about their past financial problems. However, since judicial precedent no in favor of Google was unique, instead of oblivion González received recognition, and his name, his story, including the financial problems in the past, available on the Internet in different languages. It seems that the moral restriction of the right to recognition may be the precautionary principle. Responsible evaluation of possible consequences of publishing information protects the moral subject from abuse of freedom of speech. At the same time, the essence of one of the legal mechanisms of realization of right to recognition demonstrates that the subject has the right to delete irrelevant information. In this case, the precautionary principle is irrelevant, because action has already been committed. This act may be nonmoral and amoral, for example, the spread of information pollution as a way of active participation in the information war. Here the moral restriction of abuse of the right can be voluntarily acceptance of responsibility for all that has been said in the public space, the humility to the fact that authentically said about the person by Other and respect for honest, normative right public word of Other about themselves.

◆◆◆

Косых Михаил Петрович

К.ф.н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

О "плохом" и "благих страстях"

Сообщение посвящается одной из форм прикладной этики, связанной с работой над собой. С этой точки зрения рассматриваются концепция адъективного и субстантивного смыслов "хорошего" и "плохого" и учение о "благих страстях". Кроме того, в нем обсуждается возможность существования и достижения благих эмоциональных состояний в отношении к телесному и душевному страданию, а также признанию себя плохим.

Kosykh Mikhail

St. Petersburg State University, Russia

On "bad" and "good passions"

The report is devoted to one of forms of applied ethics connected with working on oneself. The conception of adjective and subjective senses of "good" and "bad"

and the doctrine of "good passions" are considered from this point of view. Moreover, it discusses the possibility of existence of good emotional states and achieving them in relation to corporal and mental pain, and confessing oneself as bad, too.

◆◆◆

Кузнецов Никита Всеволодович

Д.ф.н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Моральные ценности в условиях социальных преобразований (опыт современной России)

[Грант РГНФ № 14-03-00361 «Историософия социальных преобразований в России»]

Динамизм социальной жизни является несомненным фактором, влияющим на систему моральных ценностей общества. Социальные преобразования последних десятилетий, происходившие в России, не могли не отразиться на поведенческих практиках и моральном сознании общества. В связи с этим возникает проблема комплексного этического анализа ценностных структур и поведенческих практик в пространстве общественной морали современной России. Одним из направлений исследований нам видится проблема выявления, анализа ценностных оснований социальной политики, моральных векторов социальной политики и в связи с этим – анализ ценностной составляющей практик предупреждения конфликтов, поскольку моральные ценности выступают интегративной основой общества.

Kuznetsov Nikita

St. Petersburg State University, Russia

Moral values in terms of social change (the experience of modern Russia)

The dynamism of social life is a definite factor in the system of moral values of society. Social transformations of the last decades that have taken place in Russia, affected the behavioral practices and moral consciousness of society. In connection with this appears the problem of complex ethical analysis of the value structures and behavioral practices in the area of public morals in modern Russia. One of the research areas we see the problem of identifying, analyzing value grounds of social policy, the moral vectors of social policy and in this context - the analysis of the value component of conflict prevention practices as moral values are the integrative framework of society.

◆◆◆

Куманьков Арсений Дмитриевич

К.ф.н., преподаватель

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)

Концепция минимальной справедливости в политической этике Брайана Оренда

Брайан Оренд, профессор Университета Уотерлу, известен как один из наиболее заметных авторов нового поколения теоретиков справедливой войны. В своей первой монографии «Война и международная справедливость: взгляд с кантианской точки зрения» Оренд сформулировал оригинальную концепцию минимально справедливого (minimally just) политического сообщества, которую последовательно развивал в последующих работах. Идея минимально справедливого сообщества необходима Оренду для обоснования ключевых положений своей теории справедливой войны, но может рассматриваться и как автономная этико-политическая концепция. Оренд занимает специфическую кантианскую позицию. Рациональный субъект, по мнению канадского философа, может признать над собой власть только такой политической системы, которая способна обеспечить удовлетворение всех его жизненных потребностей. Основой морали становится не понятие достоинства, а потребности. Кроме того, властная институция должна выступать в качестве гаранта прав человека. Две основные функции государства сводятся, таким образом, к защите права человека и обеспечению порядка. Однако поскольку права человека обладают универсальным значением, государство обязано в определённой мере содействовать осуществлению прав всего человечества, что проявляется себя в отказе от причинения вреда иностранным гражданам. Оренд определяет минимально справедливое сообщество посредством следующих критериев: 1) государство признано собственными гражданами и мировым сообществом 2) оно не нарушает права соседних государств 3) оно обеспечивает соблюдение прав собственных граждан. Легитимность правительства должна подтверждаться его моральностью. Наличие у государства определённых прав, в том числе и права на ведение войны, связывается Орендом со способностью государства реализовывать права человека. Невозможность удовлетворить потребности человека или группы означает потерю государством уважения к достоинству человека; соответственно, люди могут выйти из подчинения правительства, которое не считается с их потребностями. Принципиальной является космополитическая ориентированность проекта Оренда. Минимально справедливое сообщество должно заменить такие обобщающие понятия, как

«демократический», «либеральный» или «западный». Минимально справедливым сообществом может быть любое государство или крупная группа вне зависимости от конкретной формы правления, господствующего курса политического развития, географического положения или национального состава сообщества. Важным следствием из теории минимально справедливого государства становится включение в список справедливых причин войны (в соответствии с требованиями принципа правого дела) положения о легитимности войны ради изменения агрессивного или несправедливого режима на минимально справедливый. Основной целью войны при этом оказывается не военная победа, а создание искусственной властной структуры, руководствующейся во внутренней и внешней политике заботой об основных правах человека. В докладе пойдёт речь о том, насколько близка подобная позиция моральной и политической философии Канта. Кроме того, будут критически осмыслены возможные теоретические и практические следствия из интеграции концепции минимальной справедливости в теорию справедливой войны.

Kumankov Arseniy

National Research University "Higher School of Economics", Russia

Conception of minimally justice in Brian Orend's political ethics

Brian Orend, Professor at the University of Waterloo, is known as one of the most prominent authors of new just war theorists generation. In his first book "War and International Justice: A Kantian Perspective", Orend formulated original conception of minimally just political community which has been consistently developed in subsequent works. Orend used notion of minimally just community as supplementary argument for his own revision of just war theory, but this notion can be considered as an autonomous ethical-political conception. Orend takes specific Kantian position. A rational person, according to the Canadian philosopher, can recognize the authority of only political system that is able to ensure the satisfaction of all people's vital needs. Not dignity but need is the basis of morality now. In addition, institution of power should act as the guarantor of human rights. Two main functions of the state are reduced thus to protection of human rights and maintaining order. However, as human rights have a universal value, state is obliged promote in a certain extent rights of all humankind. This manifests itself in the refuse to make harm to foreign citizens. Orend defines minimally just community in accordance with the following criteria: 1) state is recognized by its own citizens and the world community 2) it does not violate rights of neighboring

states 3) it respects human rights of its own citizens. The legitimacy of government should be supported by its morality. State obtains certain rights, including the right to wage war, only in consequence with the ability of state to implement human rights. Inability to meet the needs of an individual or a group means that state has lost respect for human dignity; and people can withdraw from the obedience to the government which does not respect people's needs. Cosmopolitan character of this project is principal for Orend. The minimally just community should replace general concepts such as "democratic", "liberal" or "Western". Any state or major group could be minimally just regardless to the particular form of government, ruling course of political development, geographical location or ethnical diversity of community. Legitimacy of war for the sake of change of unfair aggressive regime to minimally just is an important consequence of minimally just community theory. Regime change becomes another just cause of war. The main aim of war is therefore not a military victory but creation of an artificial power structure guided in its domestic and foreign policy by basic human rights concern. Presentation will pay attention to question of how close is such position to moral and political philosophy of Kant. In addition, we will consider critically possible theoretical and practical consequences of integration of minimally justice conception to just war theory.

Курочкин Сергей Сергеевич

Магистр, 2 курс

Санкт-Петербургский государственный университет

Типология ответственности в музейной этике

Роль музея, как института культуры, а по словам некоторых крупных деятелей современности – и как хранилища культуры, хранилища ДНК цивилизации, сегодня мало кем будет оспариваться. В век развитых социальных и всевозможных интерактивно-мультимедийных сетей и технологий музей так же активно приспособливается и встраивается в новую, инновационную структуру глобальной (нравится нам это или нет) модели общества: помимо классического фактического представления объекта «наследия», сегодня мы видим уже иные формы взаимодействия с целевой аудиторией. К ним относятся визуальные, аудиальные, мультимедийные средства, представляемый(е) объект(ы) словно раскрывается в нескольких измерениях, передавая информацию о себе (и о том, с чем он имеет связь) в более концентрированном и насыщенном формате, нежели классическое восприятие. Эффект «погружения», ставший нам уже привычным в других сферах общественного бытия так же пришёл

и в музейную практику. Средства передачи и взаимодействия так же изменяются: мы видим всевозможные интерактивные экскурсии, подготовленные специально под конкретную целевую аудиторию; в интернет мы видим цифровые модели, позволяющие нам путешествовать по коридорам и залам Лувра, находясь в Петербурге, музей, идя в ногу со временем, становится не только хранилищем культуры, но действительно и мощным транслятором образов и смыслов. Именно поэтому, как возможно никогда ранее, становится актуальным вопрос об ответственности музея и тех кто создаёт сегодня его образ. Ответственности не просто «перед кем-то», а ответственности в «пространственном» смысле, ответственности в таком же многоуровневом смысле, каковым сегодня становится (многоуровневым с точки зрения восприятия) и сам музей. Кто является субъектом ответственности, кто или что является объектом ответственности? Необходимо чётко и конкретно представлять данные позиции, чтобы, различая их и выделяя, иметь хотя бы возможность установить критерии ответственности, и опираясь на них впоследствии, выстраивать линию не только современного музея, но так же и ответственного, социально эффективного музея. Некоторые авторы (например Мизиано В.) выделяют как бы три ступени «этической мобилизации»: институция, с которой происходит сотрудничество, публика и сам объект. И здесь мы можем говорить о различного рода ответственности: за экспозицию (что мы показываем, кому показываем), за сохранность (как демонстрация повлияет на объект, как с физической так и с моральной позиции) и так же значимым является вопрос о том, какие последствия могут возникнуть в социальном плане при демонстрации некоторого объекта (возможно сакрального артефакта культуры).

Kurochkin Sergey

St. Petersburg State University, Russia

The typology of responsibility in museum ethics

The role of museum as a cultural institution, and according to some of the major figures of our time - and as a repository of culture, civilization, DNA storage, today very few people will be challenged. In the age of the development of social and various interactive-multimedia networks and technology museum as actively adapts and integrates a new and innovative structure of global (whether we like it or not) models of society: in addition to the classic actual presentation of the project "Heritage" today we already see some form interaction with the target audience. These include visual, auditory, multimedia, representation of the object if disclosed in several dimensions, conveying information about themselves

(and that with which he is connected) in a more concentrated and saturated format, rather than the classical perception. The effect of "immersion", we have already become commonplace in other spheres of social life as well come in museum practice. Funds transfer and cooperation have also changed: we see all sorts of interactive tours, prepared especially for a specific audience; in the Internet we see digital models that allow us to travel through the halls and corridors of the Louvre, located in St. Petersburg, the museum, keeping pace with the times, is not only a repository of culture, but powerful translator of images and meanings. That is why, perhaps more than ever, becomes relevant the question of responsibility of the museum and those who create its image today. Responsibility is not just "in front of someone," and responsibility "spatial" sense of responsibility in the same multi-level sense, what is becoming (multi-level in terms of perception) and the museum itself. Who is the subject of responsibility, who or what is the object of responsibility? It should be clearly and specifically to provide this position, distinguishing them and separating, at least have the opportunity to establish the criteria for responsibility, and relying on them build a line of a modern museum, also responsible, socially effective museum. Some authors (eg Miziano V.) is isolated as if the three stages of "ethical mobilization": an institution with which cooperation takes place, the audience and the object itself. And here we can talk about the different kinds of responsibility: of exposure (that we show who show), for safety (as a demonstration effect on the object, both physical and moral positions) and also significant is the question of what consequences may have in social terms in the demonstration of an object (perhaps sacred artifact of culture).

Ларионов Игорь Юрьевич

К.ф.н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Актуальные проблемы этики в учении о свободе Ансельма

Детальное исследование рассуждений Ансельма Кентерберийского о свободе позволяет выявить ряд актуальных тем. Помимо известной формулировки знаменитого онтологического доказательства бытия бога, схоласт не только непосредственно повлиял на развитие философии средневековья, но также поставил ряд проблем, выходящих за пределы собственно средневековой христианской этики. Известный исследователь философии Ансельма Д.П. Хенри указывал на близость позиций Ансельма и Кембриджского неоплатоника Уильяма Уолластона (1659-1724): оба полагают, что благодеяние можно рассматривать

как утверждение истины (а злодеяние - как ее отрицание) в том же смысле, в каком истина утверждается или отрицается в высказывании. Скрупулезный концептуальный анализ Ансельма позволяет ему придерживаться такого исследовательского подхода, при котором анализ свободы ведется с сохранением ценностно неоднозначного отношения к ней, с избеганием резких ценностных суждений. Ансельм выводит анализ нравственной свободы за рамки классической христианской этики воздаяния. Он ставит проблему: существование нравственного закона и его осознание человеком само по себе не предоставляет мотива для нравственного поступка. В этом схоласт близко подходит к проблематике, развернутой Кантом. В определении праведности (нравственного идеала) как "правильности воли, избираемой ради нее самой", Ансельм не просто повторяет формулу Аристотеля, но предвосхищает формулировку категорического императива у Канта. Более того, можно утверждать, что он подходит к концепту автономии воли, т.к. определением свободы выбора у Ансельма выступает "способность стремиться к праведности ради нее самой". Суждения о близости положений этики Ансельма и И. Канта уже высказывались в исследовательской литературе. Р. Пуше указывает на возможность сопоставления «правильность воли» Ансельма и «доброй воли» Канта. А.Г. Гаджигурбанов, интерпретируя примеры Ансельма с вором, принужденным отдать украденное, и неискренним милосердием, говорит о них как о случаях, противоположных «уважению к моральному закону» по Канту. Противопоставляя нравственную свободу стремлению к эмпирически понимаемому собственному благу (удобству), Ансельм указывает на сверхприродный характер свободы. Ансельм также осознает концептуальную важность увязывать свободу не с необходимостью как таковой, а с понятием должного как специфического понятия необходимости. Из прикладных этических вопросов Ансельм один из первых обращается к проблеме вынужденного безнравственного поступка, а также к возможности считать свободным поступок, совершению которого не предполагается альтернатив.

Larionov Igor

St. Petersburg State University, Russia

The Important Problems of Ethics in Studies of Freedom by St. Anselm of Canterbury

The close investigation of St. Anselms's arguments on freedom reveals several currently important topics. It is notorious that this scholastic thinker is the author of the ontological argument for the existence of God. He not only influenced the development of the philosophy of the Middle Ages, but also posed a

number of questions beyond the scope of medieval Christian ethics. D.P. Henry pointed the closeness of St. Anselm to the Cambridge Neo-Platonist William Wollaston (1659-1724): both believed that good deeds can be regarded as truth (and wickedness as its negation) in the same sense in which we speak about the assertion and negation of truth in proposition. With his scrupulous conceptual analysis St. Anselm managed to develop a research attitude, which lead him to acknowledge the ambiguous nature of freedom as value and avoid the extreme value judgments about freedom. Anselm carried his analysis of moral freedom beyond the framework of the classical Christian ethics of retribution. He posed the problem that the existence of the moral law and even its understanding by the actor doesn't itself provide a motive for moral action. This comes close to the topics developed by I. Kant. In his definition of the moral ideal of "the righteousness of will observed for its own sake", St. Anselm did not merely repeat the formula of Aristotle, but anticipates the definition of the Kantian categorical imperative. Moreover, we can claim that St. Anselm came close to the notion of autonomy of the will, because of his definition of freedom of choice as the "capacity to strive for the righteousness of the will for its own sake". Scholars have already pointed at the proximity of St. Anselm's reasoning with the Kantian ideas. R. Pouchet discussed the possibility of comparing the "righteousness of the will" by St. Anselm and the Kantian "good will". A.G. Gadzhikurbanov (А.Г. Гаджикурбанов), while interpreting the St. Anselm's illustration of a thief forced to give back the stolen goods and the examples of insincere charity, declares that these are the cases opposing Kantian "respect for the moral law" St. Anselm indicates supernatural character of freedom by contrasting the moral freedom to the desire for person's own well-being ('commodum') as an empirical reality. Furthermore St. Anselm realized that instead of association the concepts of freedom and necessity in general, we should correlate the concepts of freedom and duty as a particular form of necessity. St. Anselm also addressed several questions of applied ethics, e.g. if the immoral act could be forced and if we can call free the action that has no conceivable alternative.

◆◆◆

Лисанюк Елена Николаевна

К.ф.н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Протагор есть, а Еватла нет

Elena Lisanyuk

St. Petersburg State University, Russia

Euatlus is virtual in the dispute about Protagoras's tuition fee

[Supported by RFH, project # 15-03-02001]

In my presentation I suggest a reconstruction of the famous dispute between Protagoras and Euatlus concerning Protagoras's tuition fee reportedly owed to him by Euatlus. The reconstruction is outlined on the basis of the formalized logical-cognitive theory of argumentation which allows distinguishing between three kinds of argumentation: justification, conviction and persuasion. In the course of the theory argumentation is understood as a kind of intelligent agents' cognizing activity in which the agents seek to verify the consistency or cogency of their positions in an argumentative dialogue. According to the theory, persuasion is a kind of deliberative argumentation concerning actions, and I call it practical argumentation in contrast to the two other kinds of argumentation, justification and conviction, in which agents argue about their beliefs. In practical argumentation agents pursue the relative cogency of their positions as regards to the goal of their intentions to act put forward in the argumentative dialogue. In the reconstruction of Protagoras vs Euatlus dispute, I treat the dispute as the practical argumentation, in which the arguments are the agents' lines of behavior consisting of not only their knowledge and beliefs, but also of their goals for actions, intentions, values and desires. I argue that despite the seemingly strategic character of the dispute, nevertheless it bears cognitive character and investigates the issue whether can both paying and not paying the fee be persuasively demonstrated. The reconstruction results in a somewhat surprising outcome which suggests that there is only one agent in this dispute, most likely Protagoras, while the other agent named Euatlus plays a virtual role and probably is invented by Protagoras himself for the sake of creating a challenging sophism. This outcome follows out of three statements which are supported by the reconstruction. First, there are only two distinct lines of behavior in this dispute, and not four of them, as some ancient reports suggest. Second, each of the two lines can be outlined in two different settings, in terms of paying the fee and in terms of not paying it, and contrary to what the ancient records and some contemporary reconstructions say, the pairs of the lines in the settings are perfectly compatible with each

other. Third, each of the two lines is equally available to both discussants, and in the course of the dispute they both adopt both of them though the discussants do so each time with the different settings of the line. On the basis of the three statements, we conclude that there is only one cognitive agent in this dispute who in the two seemingly incompatible dispute's outcomes chooses first the one of the two lines and then the other one. The presentation is organized in five sections. Section 1 gives a general overview of Protagoras vs Euatlus dispute and formulates the key problem: why we have to admit that in the dispute there exists only one cognitive agent and there are only two lines of behavior available to him against to what several eminent ancient authors tell us about the story? In Section 2 I briefly outline my logical – cognitive theory of argumentation paying special attention to the practical argumentation in the framework of which the dispute is then reconstructed in Section 3. In Section 4 I discuss the reconstruction and show the three conceptual statements follow from it, and Section 5 consists of the concluding remarks.

Лобова Татьяна Геннадьевна

К.ф.н., доцент

Максименко Людмила Александровна

Д.ф.н., заведующая кафедрой философии
Омский государственный медицинский
университет Минздрава России

Альтруизм: к вопросу «родовых пределов» эго

В статье рассматривается проблема трансформации этического сознания в условиях современной культуры, творцом которой является автономная личность, заявляющая о своей этической самотождественности (моральный релятивизм). Приоритет автономности обусловлен изменением отношения к телу, произошедшем в эпоху постмодерна: культура стала телодоминантной, ее доминантой оказалось тело. При этом модификации человеческой телесности, с одной стороны, зависят, а с другой – определяют социальное, историческое, морально-нравственное существование и возможности будущего для человека и общества. Одним из следствий взаимосвязи морального релятивизма и телодоминантности оказались парадоксы свободы и ответственности в жизни обособленных и независимых индивидов. Последние реализуя свое право на автономию, могут все же затрагивать интересы друг друга. В данной ситуации трудно говорить о какой-то соединенности, слитности личностей, об их альтруистичном отношении друг к другу. В реалиях телесной обособленности альтруизм как ценностная ориентация оказывается

не понятным и не востребованным. Взаимоотношения индивидов регулируются и выстраиваются по логике «разумного эгоизма» в формате конвенциональных договоренностей. Однако достижение своеобразного «дна индивидуализма», связанного с максимальным обособлением индивидов на основе принципа телодоминантности, открывает и новую перспективу для самого Я. Именно перспективы телесного (природного) бытия в связи с возможностями его технологической модификации ставят проблему ответственности за последствия собственных действий и выживания человека и человечества. В этом смысле тело отдельного индивида представляет собой топос Жизни рода (человечества). Невозможно отрицать наличие «внешних» связей тела человека с миром, причем как миром социальным, так и природным. Обращение к «родовому» масштабу собственной жизни «Я» (я есть не только мои дети, но и мои предки, которых я даже не знаю, но благодаря которым я есть) позволяет как актуализировать принцип ответственности (в рамках этики), так открыть и пережить единство, связанность с миром как «непостижимым целым», где все соединено со всем. Имея отношение и к телесной, и духовной открытости человека (о чем размышлял П. Флоренский), род обнаруживает свое метафизическое измерение, являясь не только «природным фактом», но уже «темной подосновой бытия», противоположной автономному «Я», которое в масштабах рода кажется уже чем-то незначительным: «Я» есть вместе и благодаря жизни рода. Тогда реальность тела отдельного человека, отсылая к реальности рода, заявляет об укорененности человека в мире, чем и преодолевается обособленность «Я». В этом случае альтруизм может быть понят не только как рационально обоснованная стратегия существования, в основе которой – страх за жизнь. Он есть не столько «вынужденная мера» (необходимо быть ответственным и заботиться о будущем, чтобы было возможно настоящее), он есть следствие признание единства и слитности всего живущего, а точнее, в терминах русской философской мысли – едино-сущности (глубинного родства всего со всем) личности и всего существующего. Такой альтруизм имеет своим истоком способность «переживания нераздельного единства», связанности, что позволяет человеку принимать ценность личности другого. Эта другая личность не есть еще один автономный субъект, другая личность не безлика, поскольку в ней обнаруживается близкий, к которому «Я» причастно в силу своей «сродственности». Таким образом можно говорить как об актуальности принципа ответственности (одним из определяющих принципов современной этики), так и о его соотношении с различными модусами

телесного бытия человека. Осмысление данного соотношения расширяет понимание категорий «альтруизм» - «эгоизм», обращая к их онтологической перспективе.

Lobova Tatiana

Maksimenco Ludmila

Omsk State Medical University, Ministry of Health of Russia, Russia

Altruism: on the issue of “race limits” of the ego

The article reviews a problem of ethical consciousness transformation in the modern culture, which is created by the autonomous personality, claiming his ethical self-identity (moral relativity). The priority of autonomy is caused by change of the attitude to the body, which took place in post-modern age: the culture has become body-centered, the body has become its dominating idea. The modification of the human corporeality is, on the one hand, dependent and on the other hand define social, historical, moral existence and possibility of the future for the man and society. One of the consequences of the interrelation of moral relativity and body-centeredness are paradoxes of freedom and responsibility in the life of isolated and independent individuals. The latter, realizing their right for autonomy, can still affect interests of each other. In this situation it's difficult to say about some connection, oneness of personalities, about their altruistic attitude to each other. In the reality of the bodily isolation altruism as a value orientation becomes non-comprehensible and out of demand. Interrelations of individuals are regulated and built following the logic of “rational egoism” in the frame of conventions. But reaching? so to speak “the bottom of the individualism”, connected with maximum isolation of individuals based on body-centeredness principle, also opens a new perspective for the Self. It is perspective of the bodily (natural) existence connected to the possibilities of its technological modification which pose a question of the responsibility on consequences of one's actions and the human and humankind's survival. In this sense the individual's body is a topos of the kindred life (the life of the humankind). It's impossible to deny the existence of the “outer” connections of the human body with the world, both social and natural one. The appeal to the “race” scale of the life of the Self (I am not just my children, but also my ancestors whom I don't even know, but thanks to whom I exist) allows to actualize the principle of responsibility (in the ethical frame) and to open and to feel the oneness, connectivity with the world as an “inconceivable whole”, where everything is connected with everything. Having relations not only to the bodily, but also to the spiritual openness of the human being (it was pondered by P. Florenskiy), the race reveals its metaphysical dimension, being not only a “natural

fact”, but also a “dark under-basis of the existence”, opposite to the autonomous Self, which seems to be insignificant in the scale of the race: the Self is together and due the life of the race. Then the reality of the single human body, referring to the reality of the race, declaring the rootedness of the man in the world, which overcomes the isolations of the Self. In this case altruism can be understood not only as a rationally proved strategy of existence, based on the fear of death. It is not just “compulsory measure” (one is have to be responsible and take care of one's future to make a present moment possible), it is a consequence of the acceptance of the oneness and unification of all that lives. In the terms of the Russian philosophy it is consubstantiality (a deep kindred of everything with everything) of the personality and all that exists. Such altruism originates from ability to “feel the undivided oneness”, connectivity, which allows a human being to accept the value of another personality. This another personality is not another autonomous individual, another personality of not impersonal, because there is a close one, in whom the Self is participating due to his “kinship”. Thus it's possible to say about topicality of the responsibility principle (one of the dominating principles of the modern ethics) and about its correlation with different modes of the bodily existence of the human being. Understanding of this correlation extends the comprehension of the “altruism” – “egoism” categories, appealing to their ontological perspective.

◆◆◆

Марей Александр Владимирович

К.ю.н., доцент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

Предательство в средневековом мире: на грани этики, политики и права

В мире средневековой Европы предательство традиционно считалось наиболее страшным из всех преступлений, которые только мог совершить человек. Это становится понятным, если иметь в виду, что феодальное общество было построено, прежде всего, на системе личных связей, в основе которых лежали межличностные соглашения-пакты, генетически восходившие к римско-правовому *rustum*. Пакты объединяли между собой не только рыцарей, приносивших вассальную присягу-оммаж своим сеньорам, но также и горожан, и представителей Церкви. В условиях правового плюрализма, подразумевавшего отсутствие единой правовой системы и, по сути, нормативный хаос, наиболее действенным регулятором внутриобщественных отношений феодального мира становились именно такие, не всегда формализуемые, связи личной

верности. Соответственно, и покушение на них возводилось, по сути, в ранг покушения на основы самого миропорядка: недаром первым предателем считался дьявол, восставший против Господа, а его подобием в Новом Завете – Иуда Искариот, предавший Иисуса. Эти соображения объясняют и внимание, уделявшееся средневековым законодателем фигуре предательства, и место, отведенное этим законам в правовых сводах Средних веков, в частности, – в «Семи Партидах» Альфонсо X Мудрого, на анализе которых и строится данный доклад. Касаясь вопроса о потерпевшем в результате предательства, Партиды акцентируют внимание на том, что оно всегда направлено только и исключительно против короля. Даже тогда, когда конкретное действие преступника наносит ущерб кому-либо из официалов или, более абстрактно, «общей пользе королевства», конечным пострадавшим все равно является король. Это и обуславливает трактовку предательства как «главы всех зол» и уподобление его по вредоносной силе проказе. По сути, в этих законах формулируется концепция уже не феодального, но государственного преступления, концепция, свойственная, скорее Новому времени, нежели Средним векам. Эффекты, порождаемые предательством, могут быть разделены на два вида: этические и юридические. К первым относятся ослабление сердца человека, разрушение в нем верности, и, как следствие, зарождение лжи, трусости и подлости. Сюда же можно отнести и ущерб, наносимый предательством репутации как самого человека, совершившего преступление, так и членам его рода – законодатель отмечает, что предательство, подобно проказе, накладывает свою печать не только на самого преступника, но и на тех, кто живет с ним вместе и ведет от него свой род. Впрочем, этот эффект имел и вполне конкретные юридические следствия – сыновья предателя лишались права вести нормальную жизнь, быть рыцарями, жить при дворе, и даже оставлять завещания и наследовать другим людям их имущество. С ограничениями имущественных прав личности связаны и чисто правовые эффекты предательства. Человек, совершивший предательство, не мог никоим образом подвергать свое имущество отчуждению, то есть, продавать его, дарить, оставлять в залог и т.д. Связано это с тем, что, по мнению средневековых законодателей, с того момента, когда человек замыслил предательство и приступил к осуществлению своего преступного замысла, он перестал быть сеньором своего имущества, оставаясь, при этом, его держателем от имени короля. Таким образом, конфискация имущества, закрепленная в качестве одного из наказаний за предательство, является лишь логичным следствием рассматриваемого эффекта:

предательство оказывается сильнее права собственности и, в силу самого факта своего возникновения, отменяет его. Поскольку единственным потерпевшим от предательства является король, сеньория над указанным имуществом автоматически переходит к нему, становясь частичной компенсацией понесенного им ущерба.

Marey Alexander

National Research University "Higher School of Economics", Russia

A Treason in Medieval World: between Ethics, Politics and Law

In the world of medieval Europe, a treason traditionally was considered as a most frightful act that a man could perform. It is necessary to bear in mind that the feudal society was constructed on the system of personal relations which were based upon the interpersonal covenants-pacts. The latter, in these turn, could be traced to the pacta of Roman Law. These pacts existed not only between the knights who had alleged an oath of fidelity to their seniors but also between the townspeople and the clergy. Such relations of the personal fidelity were the most efficient regulator of the social ties of the feudal world under the conditions of the juridical pluralism and the absence of the united legal system. That is why an encroachment upon these relations was considered as an attempt to destroy the principal pillars of the universe. The first traitor was a Satan, who betrayed a God, his successor in the New Testament – Judas, the traitor of the Christ. By these considerations can be explained the special attention paid by the medieval legislator to the figure of the treason and the special place occupied by the laws about the treason in the medieval legal texts, specially, in the Partidas of the king of Castile Alphonse X the Wise (1252 – 1284). The Partidas formulated an interpretation of the treason peculiar rather to Modernity than to the Middle Ages. The unique victim of the treason could be the king. Moreover, even if the treason was committed against one of the officials of the Crown or, more abstractly, against the Commonwealth, only the king was so to speak the beneficiary of this crime. That is why the treason in the Partidas was likened to leprosy. The effects of the treason fixed in the medieval legislation could be divided into two parts – the ethical and juridical. The first group included a weakening of the human heart, a destruction of the fidelity and, consequently, a birth of the cowardice, meanness, and lie. Also to the same group could be ascribed the detriment made by a treason to the reputation of the traitor and all his posterity. This effect also had some purely juridical effects, because the heirs of the traitor had not the right to the normal life, could not be the knights, leave and accept the inheritance, etc.

Between the most interesting juridical effects of the treason, it is necessary to mark the next one. The man who had committed a treason could not alienate his property on account of one fiction. When he began think about a treason he had lost all his rights of property, remaining only a holder of his goods ex parte of a king.

Меркулова Ольга Геннадьевна

Преподаватель

Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище имени генерала армии В.Ф. Маргелова

Кодификация норм и ценностей информационной этики студентов в университетах США

Данная статья посвящена системе правил и этических принципов, регулирующих поведение в вузе на основе идеалов, норм, эталонов поведения внутри вузовского сообщества, которые закреплены в академическом кодексе чести студента США. Автор выявил следующие особенности кодексов данной страны: 1) Как правило все кодексы базируются на основе принципов академической целостности: честности, уважении, ответственности, справедливости и доверии. 2) Выполнение принципов кодекса контролируется самим студенческим сообществом. 3) Для профилактики и борьбы с нарушениями академической честности в вузах создается судебная система. 4) Суровость наказания зависит от степени тяжести совершенного нарушения, правдивости обвиняемого студента и преднамеренности поступка. Автором выявлены основные нарушения академической честности: нечестное поведение на экзаменах (помощь другому студенту, использование подсказок, шпаргалок), вымогательства, плагиат, в том числе фальсификация, искажение информации. Так, академический компонент кодексов представляет собой нормы и ценности информационной этики: нормы авторского правила, ценности уважения, ответственности, справедливости и честности при обращении с информацией. Кодексы созданы для того, чтобы создать справедливые, равные для всех условия обучения, создать среду, в которой каждый участник способен реализовать свой потенциал для интеллектуального и социального роста. Такая среда возможна в сообществе, в котором взаимодействие его членов основано на честном, корректном отношении к информации в вузовской среде. Опыт высших учебных заведений США, в образовательной среде которых члены вузовского сообщества взаимодействуют на основе принципов информационной этики, закрепленных в кодексе, уже активно начал использоваться в российской высшей школе, причем не только в

ведущих университетах страны, но и во многих региональных вузах.

Merkulova Olga

Ryazan Higher Airborne Command College of General of the Army V.F. Margelov, Russia

The codification of norms and values student information ethics in US universities

This article focuses on the system of rules and ethical principles that regulate the behavior in the university on the basis of ideals, norms and standards of behavior within the university community, which are fixed in the academic Student Honor Code of USA. The author has identified the following features of the codes in this country: 1) As a rule, all the codes are based on the principles of academic integrity: honesty, respect, responsibility, fairness and trust. 2) Implementation of the principles of the code is monitored by the student community. 3) For the prevention and suppression of violations of the academic integrity in the higher education created the judiciary. 4) The severity of the punishment depends on the severity of the violation, the truthfulness of the accused student and deliberate act. The author has analyzed the experience of the codification of the moral responsibility of students in US universities and has identified major violations of academic honesty: dishonest behavior on exams (helping another student, using hints, cheat sheets), extortion, plagiarism, including the falsification, misrepresentation. Thus, the academic component of the Codes is the norms and values of information ethics: copyright rules, values of respect, responsibility, fairness and honesty in the use of information. Codes established to create a fair, equal for all conditions for learning, to create an environment in which each participant is able to fulfill their potential for intellectual and social growth. Such an environment is available in the community in which the interaction of its members based on the fair, correct use of information in the environment of higher education institutions. The experience of US higher education institutions in which members of the educational environment interact on the basis of information ethics enshrined in the Code, has actively started to be used in the Russian high school, not only in the leading universities of the country, but also in many regional universities.

Микиртумов Иван Борисович

Д.ф.н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Ценности в правовой аргументации

Использование аргумента к ценностям является редким случаем в правовой аргументации. Обычно это происходит в гражданском или конституционном судопроизводстве, затрагивающим основополагающие вопросы прав человека и устройства государства. На примере «Дела Маркина», которое рассматривалось и Конституционным судом РФ и Европейским судом по правам человека, а также вызвало достаточно широкий общественный интерес, можно увидеть иерархическую структуру ценностей, которая отражается в использовании их как аргументов. Причём ценностная окрашенность аргументов присутствует не только при обсуждении вопроса по существу, но и при обозначении коммуникативных целей сторон. «Дело Маркина» состояло в следующем. В силу жизненных обстоятельств в 2005 году военнослужащий Маркин (далее – М) оказался единственным родителем, осуществлявшим заботу о трёх детях, один из которых – новорождённый. М обратился к руководству воинской части с просьбой о предоставлении ему отпуска по уходу за ребёнком до достижения им 3-летнего возраста. В этом ему было отказано, поскольку такой отпуск в соответствии с законодательством предоставляется только военнослужащим женского пола. Позднее отказ был дан и судом первой инстанции. М усмотрел в этом дискриминацию по половому признаку и обратился ЕСПЧ. Спустя два года М обратился и в Конституционный суд РФ, который вынес определение, согласно которому ограничение прав М было признано обоснованным. В качестве аргументов приводились следующие: (1) М – военнослужащий и его функции в этом качестве отражают публичный интерес (безопасность государства), приоритетный по сравнению с выполнением функций по уходу за детьми, (2) предоставление отпуска по уходу за ребёнком военнослужащим женского пола оправданно меньшей значимостью их работы в вооружённых силах, а также наличием естественной связи матери с детьми. В 2010 году было оглашено решение Палаты ЕСПЧ по делу Маркина, в котором законодательство РФ фактически подвергалось критике. В частности, аргумент о фактической приоритетности выполнения гражданами мужского пола обязанностей военнослужащего перед уходом за малолетними детьми в условиях, когда нет второго родителя, оспаривался отсутствием фактических данных, подтверждающих возникающий при этом ущерб публичному интересу. Говорилось также о

негибкости законодательства в рассматриваемом вопросе, о том, что не учитываются конкретные обстоятельства: важность функций конкретного военнослужащего, степень военной опасности и т.д. Дифференциация же лиц женского и мужского пола, а также указание на особую связь матери и ребёнка в процессе ухода за ним и его воспитания было оценено как следование гендерным предрассудкам. Палата ЕСПЧ специально отметила, что обеспечение гендерного равенства принадлежит к числу основных принципов деятельности суда. Реакция Конституционного суда РФ была ответом на критику. Здесь в качестве центрального использовался аргумент о важности следования национальным традициям и самостоятельности принимаемых решений. Фактически заочная дискуссия свелась к предъявлению конечных аргументов, каждый из которых имел ценностный характер и анонсировался как данность особого рода, не подлежащая критике. Аргументы ЕСПЧ имели доктринальный характер и основывались на концепции человека, сформированной в эпоху Просвещения, в то время как аргументы Конституционного суда РФ апеллировали к архетипическим концептам независимости и самостоятельности, а также к традиционализму.

Mikirtumov Ivan

St. Petersburg State University, Russia

Values in the legal reasoning

Using the value's arguments is a rare case in the legal reasoning. This usually occurs in the civil and constitutional proceedings involving fundamental issues of human rights and the state's building. "Markin's case" was considered by the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights, and caused quite a wide public interest. Here it is possible to see the hierarchical structure of values, which is reflected in the use of them as arguments. Value coloration exists not only in the discussion of the subject, but in referring to the communicative goals of the parties. "Markin's case" consisted of the following. Due to circumstances of life military Markin (hereinafter – M) appeared the only one parent carries the care of three children, one of whom was a newborn. M appealed to the leadership of the military unit with a request to grant him leave of absence to care for a child until the younger reach the age of 3 years. This was refused, as a leave of absence in accordance with the Russian legislation provided only a female military. Later, the refusal was given by the court of first instance. M perceived gender discrimination and appealed the ECHR. Two years later M appealed to the Constitutional Court of the Russian Federation too. Constitutional Court issued a ruling, according to which the limitation of rights of M was

deemed justified. As the argument is as follows: (1) M is the soldier and his functions as such satisfy the public interest (security of state and society), which has a priority compared with the functions of care for a child, (2) the allowing of leave to care for a child for female military is justified by a lesser significance of their work in the armed forces, as well as the existence of a natural link between mothers and children. In 2010 it was announced the decision of the Chamber of the ECHR on the "Markin's case", where the legislation of the Russian Federation been in fact criticized. In particular the argument about the actual implementation of the priority of a male soldier army crevice before the care for young children in circumstances where there is no other parent wasn't supported by the information about the similar cases, in which the damage of the public interest happened. It was also token about the inflexibility of legislation in this matter: no specific circumstances could be taken into account – the importance of the functions of a particular soldier, the degree of danger of war, and so on. The differentiation of male and female militaries as well as an maintaining of the special relationship of mother and child in the process of care and education was rated as following gender bias. Chamber of the ECHR specifically noted that gender equality is one of the basic principles of the court. The reaction of the Russian Constitutional Court was a response to the criticism. The central argument consists in the postulating of the importance of following the national traditions and making independent decisions. In fact the debate has been reduced to presentation of final arguments, each of which had a value character and was announced as a reality of a special kind beyond any criticism. Arguments of ECHR had doctrinal character and are based on the concept of man's essence, formed in the Enlightenment time, while the arguments of the Constitutional Court of the Russian Federation appealed to the archetypical concepts of independence and autonomy, as well as to traditionalism.

Овчинникова Елена Анатольевна

К.ф.н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Концептуализация ответственности в русской мысли

Понятие ответственности в русской мысли формируется, как и в европейской традиции, в поле социального, политического дискурса. Обсуждение проблемы ответственности можно найти в текстах декабристов, в русской публицистике середины XIX века, в русской художественной литературе и критике. Однако, если в европейских концепциях правовое толкование данного термина во многом предшествует этическому значению, в русской

мысли данный термин будет рассматриваться прежде всего в соотношении с моральными понятиями (вина, долг). В русской мысли ответственность представлена не только в рамках индивидуального морального сознания как личностный императив, но и как социальное понятие, позволяющее апеллировать к социальному субъекту, общественной морали. В советский период становления отечественной этики ответственность предстает дискуссионным понятием в контексте обсуждения проблемы категориального аппарата теоретической этики. Актуальность обращения к данному понятию в современной этической теории продиктована развитием прикладных этических исследований.

◆◆◆

Ovchinnikova Elena

St. Petersburg State University, Russia

Conceptualization of responsibility in Russian thought

The notion of responsibility in Russian thought is formed, as in the European tradition, in the social, political discourse. Discussion of the issue of liability can be found in the texts of the Decembrists, Russian journalism in the middle of XIX century Russian literature and criticism. However, if the European concept of legal interpretation of the term largely precedes the ethical significance in Russian thought the term would be considered primarily in relation to the moral concepts (wine, debt). In the Russian thought the responsibility is represented not only in the moral consciousness of the individual as a personal imperative, but also as a social concept that allows you to appeal to the social actors, public morality. During the Soviet period of becoming of domestic ethics responsibility appears controversial concept in the context of discussing the problem of categorical apparatus of theoretical ethics. The relevance of this concept to the treatment in the modern ethical theory is dictated by the development of applied ethics research.

◆◆◆

Павлова Александра Михайловна

Аспирант, 3 курс

Санкт-Петербургский государственный университет

Логические аспекты многообразия агентов в практических рассуждениях

В рамках изучения практических рассуждений и рационального поведения в настоящее время используются подходы, моделирующие взаимодействие агентов с использованием, в частности, аппарата так называемой философской, или модальной, логики. Многие формальные

теории описывают идеализированных агентов, хотя в реальном рассуждении и взаимодействии присутствуют определенные ограничения. При этом агенты могут различаться по ряду параметров, именуемыми когнитивными презумпциями. Мы будем рассматривать проблему многообразия агентов в логических теориях с целью выявления различных подходов к тому, каким образом многообразие агентов можно моделировать формальными средствами. Мы предлагаем общую классификацию когнитивных презумпций агентов, выделяя три наиболее общих класса: эпистемические, целевые и логические презумпции. Далее будут рассмотрены параметры для выделения различных типов агентов в рамках класса эпистемических презумпций, а также подходы к рассмотрению различных типов агентов в одноагентных и многоагентных системах эпистемической и BDI логик.

Pavlova Alexandra

St. Petersburg State University, Russia

Logical Aspects of the Diversity of Agents in Practical Reasoning

Nowadays one of the major approaches to the study of practical reasoning and rational behavior is based on formal systems that provide it with various models. The majority of logical formalisms that are used describe an idealized agent that cannot be found in the process of real communication. Given that various agents can differ in parameters that are called cognitive presumptions. In the present paper the problem of the diversity of agents in logical theories is discussed. The aim is to reveal different approaches to the way the diversity of agents can be modeled by means of logical formalisms. The paper proposes a general classification of cognitive presumptions, with three most general classes proposed: epistemic, goal and logical. The parameters that serve to single out different types of agents in the framework of the above mentioned classes of epistemic presumptions are scrutinized. Several approaches to the study of various types of agents within the frameworks of single agent and multiagent systems of epistemic and BDI logics are suggested.

◆◆◆

Парийская Елена Николаевна

К.б.н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Научное обоснование биоэтических проблем современных технологий замещения в экспериментальной и практической медицине в России

Данный проект посвящен анализу и решению биомедицинских проблем в российской экспериментальной и клинической медицине по средствам классических (3R) и современных технологий замещения, моделей и тестов. Прикладная медицина в последнее десятилетие активно интегрирует в свою область интересов достижения смежных наук таких, как ядерная физика, молекулярная биология, биотехнологии и т.д. Новые методы и технологии диагностики и лечения требуют тщательной проверки и отработке на БИОСе. Эти исследования являются актуальными, поскольку интерес к данной проблеме возникает в разных областях теоретических и прикладных знаний. Междисциплинарный подход, как путь, с помощью которого решаются проблемы, возникающие на стыке биомедицинской этики и экспериментальной и клинической медицины, наиболее эффективен в исследовании данного проекта. Проект предполагает ретроспективный анализ этических подходов использования животных в острых и хронических экспериментах и исследование на человеке. Сравнительный анализ в рамках «классика - современность» биоэтических проблем в экспериментальной медицине. Анализ и исследование биомедицинских проблем в различных областях прикладной медицины на примере использования высокотехнологичных инвазивных и неинвазивных методов изучения структуры и функции различных систем организма человека. В рамках проекта предполагается провести исследование принятых русским сообществом врачей и исследователей биоэтических принципов в классификации Р. Витча, которые применяются в экспериментальной и клинической медицине РФ. Работа будет нацелена на проверку гипотезы американских исследователей Т.Л. Битеча и Дж.Ф. Чайлдресса, которые предположили, что разработанные для одной системы биоэтические принципы могут быть несостоятельны для другой. В ходе работы необходимо выявить социальные и культурные несоответствия в применении их в системе здравоохранения и в отдельно взятой социально-культурной среде. А так же предусматривается провести подборку и анализ регламентирующих документов, определяющих требования к исследованиям в области экспериментальной медицины, как важнейшего элемента системы здравоохранения. В данный проект будет включено рассмотрение морально-нравственных дилемм «субъектно-объектных отношений» в медицинской практике.

Pariyskaya Elena

St. Petersburg State University, Russia

Scientific basis of bioethical problems of modern replacement technologies in experimental and practical medicine in Russia

The aim of the project is to develop a common approach in a comparative content analysis of bioethical principles proposed by R. Witch, to determine the criteria for models of doctor - patient relationship in a medical practice, the researcher - studied in experimental physiology and medicine with the real conditions of the Russian mentality of doctors and patients in specific socio-cultural environment. The work will be aimed at testing the hypothesis by American researchers T. L. Beauchamp and J. F. Childress, which suggested that developed bioethical principles for a system can be untenable for the other. The relevance of this project is that it, first, devoted to scientific analysis and solution of biomedical problems of the Russian experimental and clinical medicine by means of classical (3R) and modern replacement technologies, models and tests. Secondly, the project will focus on the hypothesis test, U.S. researchers T. L. Beauchamp and J. F. Childress, which suggested that developed bioethical principles for a system can be untenable for the other. During the work it is necessary to identify social and cultural discrepancies in the application of them in the health system and in a particular socio-cultural environment. As well as scheduled for the compilation and analysis of regulatory documents defining the requirements for research in the field of experimental medicine, as an important element of the health system. The project aims to conduct a study undertaken by the Russian community of doctors and researchers bioethical principles in the classification of R. Witch applied in experimental and clinical medicine of the Russian Federation. The fundamental level of research lies in the interdisciplinary approach, which resolves the problems that arise at the intersection of biomedical ethics and experimental and clinical medicine. The project believes retrospective analysis of ethical approaches to the use of animals in acute and chronic experiments and research on human beings. Comparative analysis in the framework of the "classic modernity" bioethical issues in experimental medicine. Analysis and research of biomedical problems in various fields of applied medicine with the use of high-tech invasive and non-invasive methods for studying the structure and function of various systems of the human body. In this project included the consideration of moral dilemmas "of subject-object relations" in medical practice. In this project it is assumed the use of multivariate methods for the analysis of biomedical ethics, which include: •A systematic research method for the development of relations between the researcher and the research

subjects (human or animal) in the context of replacement technologies. •Typological-comparative analysis in conjunction with a socio-cultural approach for studying the adequacy of the application of bioethical principles in medical practice. •Integrated and interdisciplinary approach to the solution of bioethical problems.

Петров Анатолий Григорьевич

Магистр, 1 курс

Санкт-Петербургский государственный университет

Теоретические основания этики современного искусства

Проблема определения роли этики в современном искусстве в настоящее время актуальна, т.к. последнее подразумевает нарушение табу, «расширение границ свободы» и т.д., в то время как этика зачастую сводится к различного рода ограничениям и запретам. Разговор об оправдании самоограничения художника ради соблюдения тех или иных этических принципов обычно приводит к обсуждению роли искусства в обществе и последующему вычленению двух противоположных позиций: "искусство ради искусства" - "искусство на службе у общества". В рамках подобного противопоставления достаточно сложно прийти к некому общему выводу. Кроме того, рассматривая проблему с точки зрения общества, мы будем либо уповать на то, что сам художник видит себя в первую очередь частью социума и только потом представителем мира искусства, либо на то, что те или иные санкционные механизмы позволят удерживать его в рамках общепринятых моральных ограничений. Подобная постановка вопроса не подразумевает существования этики искусства как таковой, т.к. здесь речь не идет о какой-либо специфике деятельности художника и сводится к банальным требованиям, которое могут быть выдвинуты к любому члену общества. Тем не менее, очевидно, что область искусства имеет свои отличительные признаки и потому далеко не всегда может рассматриваться без их учета. Таким образом говорить об этике искусства невозможно без ответа на вопрос: «какова роль этики в современном искусстве?», т.е. другими словами, зачем условному художнику нужны те или иные этические принципы? В рамках данного доклада будет предпринята попытка ответить на вышеуказанные вопросы, исходя из того, что требование к свободе художника, которое зачастую выдвигается деятелями искусства, само по себе является требованием этическим и несет в себе определенные основания считать, что этика здесь может играть роль не столько навязанного из

вне требования тех или иных групп лиц, сколько некоего внутреннего механизма, который обнаруживает себя при возникновении факторов внешнего давления и, следовательно, требует дальнейшего изучения.

Petrov Anatoliy

St. Petersburg State University, Russia

Theoretical foundations of contemporary art ethics

The problem of definition role of ethics in the contemporary art is actual now because the last means violation of a taboo, "expansion borders of freedom", etc. while ethics are often reduced to different restrictions. Conversation about justification of self-restriction of the artist for the sake of observance of these or those ethical principles usually leads to discussion of a role of art in society and to the subsequent exarticulation of two opposite positions: "art for an art" - "art on service of society". In this opposition it is rather difficult to come to the general conclusion. Besides, considering a problem from the point of view of society, we will or hope that the artist sees himself first of all like a part of society and only then he representative the world of art, or that these or those sanctions mechanisms will allow to hold it within the standard moral restrictions. Similar statement of a question doesn't mean existence of ethics of art as that since here the speech doesn't go about any specifics of activity of the artist and is reduced to banal requirements who can be nominated to any member of society. Nevertheless, it is obvious that the area of art has the distinctive signs and therefore can be not always considered without their account. So, it is impossible to speak about ethics of art without answer to a question: "what role ethics play in the contemporary art?", or in other words, why artist needs these or those ethical principles?

Перов Вадим Юрьевич

К.ф.н., доцент, заведующий кафедрой этики Санкт-Петербургский государственный университет

Особенности этической экспертизы

В настоящее время понятие этической экспертизы наиболее часто ассоциируется с биоэтикой, в которой принципы, правила и процедуры этической экспертизы являются наиболее разработанными и часто применимыми. При этом следует отметить, что сфера использования этической экспертизы постоянно расширяется. Например, существует практика этической экспертизы рекламы, этическая оценка произведений искусства, культурных и социально значимых событий и т.д. В связи с этим возникает

необходимость выработать более широкое понятие этической экспертизы. Любая экспертиза - это исследование и/или разрешение каких-либо вопросов, решение которых требует специальных знаний, проводимое на основе научно-разработанных (верифицируемых) методик, с представлением мотивированного заключения. К особенностям этической экспертизы следует отнести (1) ее публично-значимый характер, поскольку причины и результаты экспертизы затрагивают интересы большого неопределенного количества людей; (2) она имеет характер моральной дилеммы, то есть ситуация, требующая этической экспертизы, имеет в причиной конфликт между существующими в обществе моральными нормами и ценностями (3) она является междисциплинарной, в связи с чем этическая экспертиза требует специальных знаний в соответствующей области общественной или профессиональной жизни. Последнее обстоятельство является источником многочисленных дискуссий по поводу того, кто является специалистом в прикладной этике: профессионал или профессиональный этик. Если говорить об особенностях проведения этической экспертизы, то, во-первых, следует указать на проблему вычленения собственно этического предмета экспертного исследования. Наиболее частыми теоретико-методологическими ошибками являются: 1) Предмет этической экспертизы рассматривается с пруденциально-расчетливой точки зрения, то есть при его описании используется аргументы о политической, экономической, социальной и т.д. целесообразности. 2) Этическая экспертиза подменяется другими видами экспертиз: правовой, филологической, психологической и т.д. Все это может выступать только контекстом для принятия решения на основе результатов этической экспертизы, которая требует придерживаться существующих в современной этике критериев выделения сферы нравственности и моральных явлений, отбора именно моральных фактов и использование этического понятийно-категориального аппарата. Во-вторых, важным является вопрос об особенностях этического анализа и мотивированного экспертного заключения. Наиболее распространенными ошибками являются: 1) Аргументы экспертизы сводятся к вопросам о психологических переживаниях, тем самым этический анализ подменяется рассуждениями о субъективных эмоциональных предпочтениях. 2) Этический анализ ограничивается приведением примеров морального поведения, которым придается неоправданное универсальное значение. В связи с этим формулируемые выводы оказываются основанными на ложных обобщениях. 3) В качестве основания экспертного заключения используются

принятые в обществе обыденные моральные представления, большинство из которых имеют неопределенное содержание и многозначные смысловые значения. Полученное в результате заключение не имеет верифицируемого характера. В противоположность этому, этическая экспертиза требует, чтобы (1) используемые понятия и категории имели как можно более полное и строгое определение, (2) в качестве критериев выводы должны быть основаны на сформулированных положениях моральных принципов, норм и правил. При этом важно учитывать, что эти положения должны отличаться от переформулированных в требования описаний предмета этической экспертизы. В качестве основного вывода можно сформулировать следующее положение: этическая экспертиза, несмотря на междисциплинарный характер прикладных и профессиональных этик, является обоснованной и ее результаты мотивированны, тогда и только тогда, когда она ограничивается этическим предметом и использует методы этического анализа.

Perov Vadim

St. Petersburg State University, Russia

The specifics of ethical expertise

Currently, the concept of ethical expertise most often associated with bioethics, in which the principles, rules and procedures ethical expertise are the most developed and often applicable. It should be noted that the field of use ethical expertise is constantly enhanced. For example, there is a practice ethical expertise of advertising, the ethical evaluation of works of art, cultural and of socially significant events, etc. In this regard there is a need to develop wider concept of ethical expertise. Any expertise is a research and / or resolution of some issues which decision demands special knowledge, carried out on the basis of scientifically developed (verifiable) methods with a submission of the motivated conclusion. The features of ethical expertise are (1) its significant public character as the reasons and results of the expertise affect the interests of a large of uncertain number of people; (2) it has the character of a moral dilemma, the situation demanding ethical expertise, it has as a source of the conflict between the moral norms and values existing in the society; (3) it is interdisciplinary, and therefore the ethical expertise demand special knowledge in the corresponding field of social or professional life. This circumstance is a source of numerous discussions about the one who is an expert in applied ethics: professional or professional in ethics. Talking about the features of carrying out ethical expertise, firstly, we should point to the problem of determining the actually ethical subject of expert research. The most

common theoretical and methodological mistakes are: 1) The subject of ethical expertise is considered from the calculating prudential point of view, that is at its description is used arguments about political, economic, social, etc. expediency. 2) Ethical expertise is replaced by other types of expertise: legal, philological, psychological, etc. All of this can only be the context for decision-making on the basis of the results of ethical expertise, which demands to correspond to the criteria of allocation of the sphere of moral and definition of the moral phenomena, selection of moral facts existing in modern ethics and using of the ethical concepts and categories. Secondly, the question of features of the ethical analysis and the motivated expert conclusion is important. The most widespread mistakes are: 1) Arguments during the expertise are reduced to questions of psychological experiences; thereby the ethical analysis is substituted for reasonings on subjective emotional preferences. 2) Ethical analysis is restricted to giving examples of moral behavior, which is attributed to unjustified universal significance. Therefore the conclusions are formulated by false generalizations. 3) As the basis of the expert conclusion using the ordinary moral representations accepted in society, most of which have an indefinite-valued content and uncertain meaning. The resulting conclusion has not the verified character. Contrary to it, the ethical expertise demands that (1) concepts and categories used were as much as possible complete and strict definition, (2) as criteria of conclusions should be based on the formulated provisions of the moral principles, norms and rules. It is important to consider that these provisions should be different from the imperatives that have reformulated description of the subject of ethical expertise. As a main conclusion we can formulate the following statement: ethical expertise, despite the interdisciplinary character of applied and professional ethics, is a reasonable and has motivated by the results if and only if it is limited to an ethical subject, and uses methods of ethical analysis.

Платонова Анастасия Валерьевна

К.ф.н., доцент

Томский государственный университет

Заместительные нравственные переживания в дискурсе о коллективной нравственной ответственности

Актуальность исследования обусловлена дефицитом знаний, описывающих механизмы моральной оценки в сфере, где основными субъектами являются большие группы людей, отсутствие нормативно-этических оснований коллективного покаяния, понимания условий при которых формируется данный тип ответственности,

приводит искаженному и неверному представлению идеи коллективной нравственной ответственности. В данном случае рассматривается инвариант коллективной нравственной ответственности, обозначенной в литературе как заместительная. Сама идея коллективной ответственности до определенного времени не была в фокусе социально-философских изысканий, что было обусловлено сложившейся парадигмой методологического индивидуализма и тех культурно-исторических контекстов, которые внесли негативный и искажающий смысл в идею. Однако, тема ответственности коллективов актуальна в том смысле, что индивидуальная ответственность сегодня утрачивает свою силу. Ограниченность индивидуальной ответственности в условиях коллективной деятельности, с одной стороны, и отсутствие механизмов морального вменения ответственности коллективам (группам) формируют противоречивую теоретическую ситуацию. Идея заместительной ответственности рассматривается как проект, позволяющий снять противоречия индивидуального и коллективного. Заместительная ответственность (Vicarious в переводе с английского «страдающий за других»), имеет дело, прежде всего, с нравственными чувствами, такими как ответственность, вина, стыд, раскаяния, возникающих у индивида в связи с действиями других. Считается, что основанием для подобного рода переживаний становится момент идентификации индивида с группой на почве национальных, конфессиональных, профессиональных или иные интересов. Впервые фундаментально вопрос о коллективной ответственности и коллективной вине был представлен в работах К. Ясперса и Х. Арендт. Философы сформулировали вопрос об ответственности и чувстве вины нации за преступления общечеловеческого масштаба, фактически отождествив субъект вины с народом. Немецкий народ был представлен как субъект коллективной нравственной ответственности. В дальнейшем, идея заместительной ответственности анализировалась в аспекте вопроса о том, когда и при каких условиях она может быть зафиксирована. Цель работы: представить заместительную ответственность как инвариант коллективной нравственной ответственности, обосновать, что в рамках заместительной ответственности снимаются теоретические противоречия, возникающие при использовании концепта «коллективная ответственность».

Platonova Anastasia

Tomsk State University, Russia

The vicarious moral senses in discourse of collective moral responsibility

The urgency of the discussed issue is caused by need moral estimation for collective actions. First of all, the discussed issue among researchers does not give the whole situation about the notion what the collective agent is and what the point of using indefinite notion if we have classical autonomous agent such as personality. Even though we use the notion of collective agent we do not know the mechanism of bearing, attributing, and distributing responsibility. How collective can moral responsible be? What is the point of speaking about collective responsibility as a form of moral responsibility? Can collective have intentions? In other words, is a collective capable of being morally responsible for its actions as well as certain individuals? In this article, we focus on the complicated variant of Collective moral responsibility, which is presented as the idea of vicarious responsibility. Using the idea of Collective Responsibility today has a lot of controversial statements. The main point, which is fixed in philosophical objections, is the principle of personality and autonomy. The idea of Collective responsibility eliminates personal responsibility, so we have the situation when nobody takes responsibility. However, today social changes, when to define real person action is impossible in due to many reasons, researches have to investigate other types of responsibility, for instance collective. Collective agents are such as nation, corporations, social institutes, human being need moral state, just because they actions have extensive impact and more over the consequences of their actions have long term effects. The theoretical and practical gap is the source the paradoxical situation. On one hand, the paradigm of individual responsibility cannot be used for collectives, and the other hand, the group's activity avoids moral estimations. In this article, it seems that the idea of vicarious responsibility has a chance to connect individual and collective measurement of responsibility because it can be characterized as the space where individual and collective exist simultaneously. Vicarious responsibility deals with moral senses such as blame, ashamed, repentance, which a personality has when other members of group have done. It is thought that the reason for this kind of experience becomes a moment of identification of the individual with the group on the basis of national, religious, professional or other interests. First fundamental question of collective responsibility and collective guilt was presented in the works of Karl Jaspers and Hannah Arendt. Philosophers have formulated the question of responsibility and guilt for the crimes of the nation's human scale, actually

identifying the subject of the blame to the people. The German people were presented as a subject of collective moral responsibility. Later on, the idea of vicarious moral feelings was working out through the question: «When and under what conditions vicarious responsibility is?».

Познякова Ольга Леонидовна

К.ф.н., доцент, заведующая кафедрой философии и политологии
Белорусский государственный медицинский университет, Республика Беларусь

Философия истории в учении И. Канта и И.Г. Фихте

В статье показана логическая связь философско-исторических концепций в учениях И. Канта и И.Г. Фихте. Было выявлено, что: 1) трансцендентальная антропология И. Канта позволяет создать философско-историческую теорию, способную охватить мировой общественно-исторический процесс во всем его многообразии и глобальности, показать границы и цель движения в истории. Историческое пространство и историческое время выступают в трансцендентальной философии в качестве таких априорных форм, посредством которых происходит упорядочение природно-чувственных человеческих начал, подчинение их процессу культурно-морального совершенствования людей. 2) Философия истории И. Канта вытекает из его учения о человеке, с одной стороны, как существа природного, чувственного, а с другой стороны, как трансцендентального субъекта, «вещи в себе» — активного, разумного и морально совершенного представителя рода. В этой связи история понимается как путь человечества к преодолению природного начала и реализации нравственного идеала, как становление разумного и гуманного общественного устройства. 3) И.Г. Фихте создает свою философско-историческую концепцию исходя из своего понимания человека как исключительно мыслящего существа. Отказ от концепции «вещи в себе» приводит к полному поглощению в его философии объекта субъектом и постулированию бесспорного приоритета практического разума над теоретическим. Таким образом, И.Г. Фихте представляет историю как поле реализации потенциальных сил практического Я, которое стремится стать Абсолютом. 4) Свобода в философско-исторических концепциях И. Канта и И.Г. Фихте понимается по-разному. По И. Канту, свобода принадлежит трансцендентному миру «вещей в себе», а в мире явлений выступает как трансцендентальная идея, реализующаяся в виде идеала в ходе общественно-исторического

развития. Для И.Г. Фихте свобода выступает лишь как трансцендентальная идея, имеющая в процессе исторической жизни не только «регулятивное», но и «конститутивное» применение.

Poznjakova Olga

Belarusian State Medical University, Belarus

Philosophy of history in Kant's and Fichte's teachings

The article shows the logical connection between Kant's and Fichte's philosophical - historical teachings. It was found that: 1) Kant's transcendental anthropology creates a philosophical-historical theory which is capable of covering the global socio-historical process in all its diversity. Space and time act in transcendental philosophy as such a priori forms that provide the process of cultural and moral improvement of people. 2) Kant's history of philosophy discusses a human as being, on the one hand, the natural, sensual, and on the other hand, as a transcendental subject, the "thing in itself" - an active, intelligent, and morally perfect representative of the genus. In this regard, the history of humanity is understood as a way to overcome the natural background and to implement the moral ideal of reasonable social order. 3) Fichte creates his philosophical-historical concept based on his understanding of a human as an intelligent being. He rejects the concept of the "thing in itself" which leads to a total absorption of the object by the subject and postulates the priority of practical reason over the theoretical. Thus, Fichte presents history as a field of practical realization of the potential strength of I, which aims to become the Absolute. 4) Freedom is understood differently in Kant's and Fichte's philosophical-historical teachings. According to Kant, freedom belongs to the transcendent world of "things in themselves". But in the world of phenomena freedom appears as a transcendental idea, which is realized in the form of the ideal in the social and historical development. For Fichte freedom acts only as a transcendental idea, which has not only the "regulative" but also "constitutive" application.

Прохоровская Татьяна Ивановна

К.ф.н., доцент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Мораль и морализаторство в политическом общении

Мораль и политика – это два способа общения и морального выбора, часто функционирующие автономно друг от друга. Моральные ценности –

ценности гуманизма и справедливости, честности, ответственности и др. - могут быть и ценностями политики, а могут и игнорироваться и попираются в политике. Если в политике ставится вопрос о целесообразности тех или иных методов достижения цели, то в морали - вопрос о допустимости, оправданности как целей, так и средств. Специфическим способом мышления и аргументации в политике является утилитарный (соображения полезности или вредности, выгоды или невыгоды). Моральные цели объединяют людей, поэтому политики их охотно демонстрируют, если они имеют место. Корыстные же или другие предвзятые с точки зрения морали цели политики скрывают, камуфлируют, отсюда обычное явление политиков говорить об одном, чтобы скрыть другое. Моральная риторика используется в политическом дискурсе для того, чтобы не называть вещи своими именами, скрывать, камуфлировать или приукрашивать свои истинные намерения, облагораживать свой имидж или прикрывать свою некомпетентность. Одни и те же явления, в зависимости от отношения к ним политика, в политической лексике могут обозначаться разными терминами. Публичной политики без моральной риторики не существует. Это связано с тем, что собственно политический язык абстрактен, невыразителен, вследствие чего обладает очень небольшим потенциалом эмоционального воздействия, а большинству к тому же малопонятен. Моральный же язык обладает особой действенностью и суггестивной мощью. Он способен как возвышать, облагораживать поступки и явления, так и унижать, морально уничтожать политического противника. Использование морального языка резко сокращает путь от словесных призывов к поступкам, поэтому моральная риторика часто используется в политике инструментально, как средство для реализации политических целей, орудие коллективного внушения - вербовки и объединения единомышленников или морального унижения политических противников. Апелляция к морали усиливает политику, делает ее привлекательной и более действенной, поэтому моральная аргументация часто используется в политике инструментально, как средство для реализации политических целей.

Porokhovskaya Tatiana

Moscow State University of M.V. Lomonosov, Russia

Moral and Moralizing in Political Communication

The objective of the work - to systematize and critically reflect on the reasons and motives of politicians who appeal to the moral rhetoric, to reveal the functions of moral language in public policy. To this end, we consider the relationship of morality and

politics in Plato and Aristotle, the basic stages of formation of representations about the specifics of political (more detailed - N. Machiavelli and K. Shmitt), the place and role of moral rhetoric in political discourse. The article shows that the moral values can be political values but they also can be ignored by politicians. However, the moral rhetoric in public policy is always used. This is due to the characteristics of the political (also pertaining to political science), and the moral language, and due to the fact that the moral rhetoric is often used in politics instrumentally. The appeal to morality strengthens politics, making it more attractive and more effective, so the moral rhetoric is used in politics as a means for the realization of political goals: the moral elevation of the group and its goals, the moral humiliation of the group of political opponent and for hiding the true goals and intentions.

◆◆◆

Разин Александр Владимирович

Д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой этики
Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова

О возможности применения критериев истины и справедливости к социальным институтам

В докладе рассматривается возможность применения критерия истины к нормативным системам, и социальным институтам, показывается, что положительное решение этого вопроса является важной стороной разработки проблемы обоснования морали. При этом используются введенные Дж. Серлем понятия «институциональный факт» и «разрыв». Автор показывает, что должное может быть выведено из сущего, рассматривает мораль в свете исторических этапов ее развития. В позитивистской философии, связанных с логическим позитивизмом этических учениях, формальной логике существует влиятельная традиция, выводящая высказывания нормативного типа за пределы понятия истины. Она прежде всего связана с различием суждений дескриптивного и прескриптивного типа. Последние воспринимаются как приказы, команды. Соответственно, понятие истины оказывается к ним неприменимо, поскольку с позиции позитивистской философии они оказываются произвольными, в них нет соответствия знания действительности. Такая позиция приводит к отрицанию возможности рационального понимания морали, обоснованию ее первопринципов. По существу мораль оказывается в таком случае произвольна. Многие современные философы возражают против такого подхода. Анализируя причины отказа от рационального подхода к морали, основанного на познании, Ю.

Хабермас предлагает определенные аргументы, позволяющие преодолеть обычные возражения против возможности достижения моральных истин через познание. Он пишет, что некогнитивистская позиция основана преимущественно на двух аргументах: во-первых, на том, что диспуты о первопринципе морали обычно не основаны на аргументах, и, во-вторых, - провал всех попыток объяснить, что могло бы означать истину для нормативных суждений независимо от того, развиваются ли эти попытки в рамках интуитивистского подхода, или основываются на классической идее природного закона. Первый аргумент теряет свою силу, если мы можем указать такой принцип, который делает моральную аргументацию возможной в принципе. Второй аргумент отпадает если мы откажемся от посылки, что нормативные суждения до той степени, до которой они вообще связаны с ценностными заявлениями могут быть значимы или не значимы только в смысле пропозиционной истины. Далее рассматриваются условия функционирования некоторых социальных институтов, сравниваются нормативные требования к их работе сформулированные Дж. Ролзом и Р.Нозиком. Показывается, что специфика социальных институтов с позиции истины и справедливости может быть оценена в контексте развития социальной реальности, активности человека, направленной на ее совершенствование.

Razin Alexander

Moscow State University of M.V. Lomonosov, Russia

About Possibility to Apply Criteria of Truth and Justice to Social Institutes

The report considers the possibility of applying the criterion of truth to regulatory systems, and social institutions, it is shown that the positive decision of this question is an important aspect of the development problem of the justification of morality. In the course of this we used J. Serl's concept of "institutional fact" and "gap". The author shows that duty can be deduced from the given reality, considering morality in the light of historical stages of its development. In positivist philosophy associated with logical positivism ethical teachings, formal logic, there is an influential tradition, deducing normative statements type outside of the concept of truth. It is particularly linked to the distinction between judgments of descriptive and prescriptive type. The latter are perceived as orders, commands. Accordingly, they are cannot be considered it the terms of truth as for they are voluntary and do not correlate with knowledge. This position negates rational understanding of morality, the justification of its initial principles. Essentially the moral is in this case arbitrary. Many contemporary philosophers have

argued against this. Analyzing the reasons of refusal of a rational approach to morality based on cognition, J. Habermas proposes some arguments, which allows to overcome the usual objections against the possibility of achieving moral truths through cognition. He writes that non cognitive position is based mainly on two arguments: first, that the debates about first moral principles usually not based on arguments, and, second, it is the failure of all attempts to explain what could mean the truth of normative judgments no matter developing these attempts in the framework of intuition approach, or based on the classical idea of natural law. The first argument loses its force if we can specify such a principle, which makes the moral argument possible in principle. The second argument disappears if we drop the assumption that normative judgments can be meaningful or not meaningful only in the sense propositional truth. It the following discusses the conditions for the functioning of some social institutions, are compared with regulatory requirements to their work formulated by J. Rowls and R. Nozick. It is shown that the specification of social institutions from the position of truth and justice can be assessed in the context of development of social reality, human activity aimed at its improvement.

◆◆◆

Сабанина Наталия Рафаэлевна

Магистр, 2 курс

Московский городской педагогический университет «Институт культуры и искусств»

Структура, отношения и методы рассуждений в форме культуры «право»

Право, рассматривается как одна из форм представления культуры (ФПК). Оно описывается логике отношений части и целого (в рамках мериологии) и является частью модели мира культуры. ФПК «Право» характеризуется шестью основными компонентами sexta – парадигмы: актором культуры Право, Ценностями, Законами развития, Закономерностями, Артефактами и Языком. В соответствии с предложенной классификацией выделяются 5 пакетов ФПК. Пакет «Присвоение/Перераспределение» включает «Право», наряду другими ФПК: Обмен (Рынок), Мораль, Активная жизненная позиция (АЖП), Экономика, Политика, Война, Синергетика, Этика, Пространство. Отношения «творения» определяют характер существования, становления саморазвития и n-мерной структуры ФПК «Право». Соответственно, методы рассуждений в этой форме культуры определяются этими отношениями, в рамках релевантной (паранепротиворечивая) логики. С практической точки зрения вопрос о мере справедливости в Праве разрешается с позиции ценности и закона в этой модели. Границы

правового регулирования определяются границами её описания.

Sabanina Nataliya

Moscow City Pedagogical University "Institute of Culture and Arts", Russia

Structure, relations and methods of reasoning in the form of culture "Law"

«Law» generally regarded as one of the forms of representation of culture (FPC). It describes the logic relationship of part and whole (as part meriologii) and is part of the model of the world culture. FPC "Law" is characterized by six main components sexta - paradigm: actor of «Law» culture, values, laws of development, patterns, artifacts and language. In accordance with the proposed classification distinguishes 5 packs FPC. Package "Assignment / redistribution" includes "Law" alongside other FPC: exchange (market), moral, active life position (ALP), Economics, Politics, War, Synergetics, Ethics, space. Relationship "creation" determine the nature of existence, of becoming self-development and the n-dimensional structure of FPK "Right." Accordingly, methods of reasoning in the form of culture are determined by these relations, in the framework of the relevant (paraconsistent) logic. In practical terms, the question of justice in the least from the perspective of the right to authorize the values and the law in this model. The boundaries of legal regulation are determined by the boundaries of its description.

Самохина Екатерина Геннадьевна

К.ю.н., доцент

Санкт-Петербургский Гуманитарный Университет Профсоюзов

Апеллирование к категории справедливости в аргументации российских судов

Принятый в 2001 году уголовно-процессуальный кодекс РФ многими учеными и практиками был встречен «в штыки» и характеризовался как недостаточно продуманный, имеющий множество спорных моментов и в общем и целом составленный «на скорую руку». Всплеску общественного мнения способствовали и многочисленные изменения и дополнения, которые начали вноситься в новый нормативный акт практически сразу же после его вступления в силу. В дальнейшем многие из его положений были изменены в результате практики Конституционного суда РФ. Невозможно также отрицать, что изменения в указанный документ активно вносятся и по сей день. Вместе с тем

действующий уголовно-процессуальный кодекс демонстрирует существенный прорыв, сделанный законодателем в попытке построения нормативной системы на основе совершенной новой картины мира и принципов его осмысления. Основные «программные» положения науки постмодерна о невозможности познания истины, о контекстуальности познания, о связи языка и мышления и проч., давно известные зарубежной юридической науке и практике, со введением уголовно-процессуального кодекса 2001 года в отечественную юридическую практику только начали проникать. Важным нововведением описываемого документа стал отказ от необходимости установления истины по уголовному делу, на смену которому пришло требование законности, обоснованности и справедливости приговора суда. Несмотря на то, что разговор о тех далеких временах, когда был принят уголовно-процессуальный кодекс РФ, может показаться несвоевременным, все же только сейчас можно говорить о достаточно устоявшейся практике применения судами этих норм. Анализ судебных решений (как правило, высших судебных инстанций) демонстрирует новый подход к судебной аргументации – в частности, непосредственное обращение к категориям справедливости и разумности при обосновании судьями своих позиций. По мысли выдающегося бельгийского философа Хаима Перельмана (1912-1984), убеждение в справедливости осуществляется на основе риторики, предполагающей использование неформальных приемов аргументации и обращение к ценностным категориям, близким той или иной аудитории. Именно такую тенденцию можно в настоящее время отметить в решениях судей по конкретным делам, что позволяет предположить о существовании еще нескольких, связанных с ней тенденций – в частности, если предположить, что поскольку суд апеллирует к началу справедливости и разумности, при обосновании принимаемых решений перед конкретной аудиторией (российского общества), то можно сделать жизнеутверждающий вывод о том, что данные ценности воспринимаются данной аудиторией как важные и достаточные как сами по себе, так и для принятия подобных решений. В данном контексте интересен и подход законодателя к фигуре судьи и присяжного заседателя как к «справедливому человеку», разрешающему уголовное дело «по своему внутреннему убеждению и совести».

Samokhina Ekaterina

St. Petersburg Humanitarian University

The appeal to the idea of justice in the argumentation of the Russian courts

2001 Criminal Procedure Code was characterized by many scholars and practitioners as insufficiently thoughtful, controversial and composed "in haste", generally. Such a surge in public opinion was provoked by numerous changes and amendments that have started to be introduced in the new regulation almost immediately after its entry into force. In the future, many of its provisions have been changed as a result of practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. It is also impossible to deny that this document is being changed and amended up to this day. However, the Criminal Procedure Code demonstrates the significant breakthrough made by the legislator in an attempt to build a normative system based on a completely new worldview, and the principles of its interpretation. Basic "software" postulates of postmodern science - such as impossibility of knowing the truth, contextuality of knowledge, interrelationship between language and cognition - well-known in foreign legal science and practice, only began to appear in Russian legal practice with the introduction of the Code of Criminal Procedure 2001. An important innovation adopted by the normative document described was concerned with the refusal of the principle of establishing of the objective truth in a criminal case; this principle was replaced by the requirement of legality, reasonableness and justice of the sentence. Despite the fact nowadays the conversation about those times when the Criminal Code was adopted may seem untimely, yet only now it is possible to speak of a sufficiently well-established practice of courts based on these norms. An analysis of court decisions (the higher courts, mostly) demonstrates a new approach to judicial arguments - particularly, a direct appeal to the ideas of justice and reasonableness in justifying legal positions of judges. In the opinion of the prominent Belgian philosopher Chaim Perelman (1912-1984), the administration of justice is possible if based on the rhetoric, which makes use of informal methods of reasoning and appeals to value categories close a particular audience. It is this trend can currently be noted in the decisions of the judges on specific cases, which outlines the existence of a few other trends. In particular, if we assume that because the court appeals to the principles of justice and reasonableness in justifying the decisions made to concrete audience (in Russian society), it can be life-affirming conclusion that these values are perceived by this audience as important and sufficient by themselves and for the adoption of such a decisions. In this context, the interests and approaches of the legislator to the figure of the judge and the jury as "a

just man" administrating justice in the criminal case "on his inner conviction and conscience".

Севастьянова Алина Дмитриевна

Аспирант, 1 курс

Санкт-Петербургский государственный университет

Основные этические принципы в кодексах правоохранительной деятельности: категориальный анализ

Доклад посвящен такой актуальной в теоретическом отношении проблеме, как нравственная регуляция поведения и нравственные принципы в правоохранительной деятельности. Данная проблема представляет интерес для прикладной этики, для специалистов в области права, а также для широкой общественности. Профессионализм или компетентность правоприменителя непосредственно связана с этическими нормами, которым он следует. Инструментом для обеспечения этической компетенции служит этический кодекс. В докладе представлен анализ профессиональных юридических практик, а именно профессиональной этики судьи, прокурора и адвоката. Каждый из них решает особую социальную и правовую задачу, а потому к каждому из них предъявляются особые этические требования. Суд, прокуратура и адвокатура обеспечивают соблюдение прав и свобод человека и гражданина, поэтому важно поддерживать высокий моральный авторитет профессии, честно и добросовестно исполнять свои обязанности. В ходе исследования были выявлены ценности и императивная составляющая в кодексах. Были выявлены и категориально исследованы основные этические принципы в кодексах правоохранительной деятельности. К ним относятся беспристрастность, добросовестность, честь, достоинство, репутация, долг и справедливость. Беспристрастность и добросовестность были рассмотрены как качества, требуемые от юристов, которые можно назвать добродетелями. Это качества, являющиеся результатом морального воспитания и сознательным выбором. Понятия «беспристрастности» и «независимости» тесно связаны друг с другом, поэтому были рассмотрены вместе. Под беспристрастностью понимается игнорирование собственного интереса и основное условие нравственной оценки. Беспристрастность предполагает, что юрист не должен действовать предвзято или в интересах одной из сторон, даже если ему это сулит определенную выгоду и преимущества. Беспристрастность понимается как отсутствие личной предвзятости и пристрастия. Добросовестность воспринимается как

систематическое выполнение специалистом своих профессиональных обязанностей, ориентированное на их качественное выполнение. Это понятие трудовой морали, по большому счету профессионализм. Добросовестность связана с долгом, важно, что одной из особенностей юридической профессии является повышенное чувство долга и обостренное чувство справедливости. Репутация профессионального сообщества складывается на основании поведения принадлежащих к ней индивидуумов в течение длительного периода их деятельности, и прямо зависит от соблюдения этических кодексов каждым судьей, прокурором, адвокатом, полицейским. Честь связывается с конкретным общественным положением человека, его родом деятельности и признаваемыми за ним моральными заслугами, честь требует поддерживать или оправдывать ту репутацию, которой обладает сам человек или профессиональное сообщество, к которому он принадлежит. Достоинство - это самооценка члена корпоративного сообщества, основанная на его оценке, данной ему обществом, сослуживцами. В существующих кодексах профессиональной этики честь и достоинство расцениваются как качества, необходимые для поддержания высокой репутации правоохранительной деятельности. Долг, как нравственная обязанность по отношению к другим людям и обществу в определенных условиях, является необходимым элементом профессиональной деятельности судьи, прокурора, адвоката, что подтверждается проведенным исследованием этических кодексов. Соблюдение профессиональной чести, ответственное отношение юриста к выполнению своего профессионально долга является залогом повышения престижа профессии юриста. The report is devoted to the problem of moral behavior regulation and ethical principles in law enforcement. This topic is important for applied ethics, law and in the public discussions. The professionalism or competence of law enforcer is directly related to the ethical standards he follows. The code of ethics is the tool that ensures ethical competence.

Sevastianova Alina

St. Petersburg State University, Russia

The main ethical principles of the law-enforcement codes: categorical analysis

The report depicts such a vital problem in terms of theory of moral regulation in behavior and moral principles in law enforcement. In terms of applied ethics this problem tends to be interesting both for law professionals and general public. The professionalism and competence of the law enforcer deeply depends on those ethical norms one sticks to. The Code of Ethics becomes the instrument in

pursuing right ethical competence. This report contains the analysis of professional legal practices, specifically professional ethics of the judge, prosecutor and lawyer. Each of them has to deal with unique social and legal problem, and thus has to conform to specific ethical requirements. The court, the prosecution and advocacy ensure the observance of rights and freedoms of man and citizen, that's why it is of great importance for professional to maintain a high moral authority of the profession and to honestly and faithfully carry out his duties. The study revealed the values and imperative terms of the law-enforcement codes. Also it contains determination and categorical analysis of the main ethical principles of the law-enforcement codes. Those are equity, good conscience, honor, dignity, reputation, sense of duty and justice. Equity and good conscience were considered as qualities required of lawyers and can be called virtues. These qualities are the result of moral education and choice. Being closely connected the concepts of "equity" and "independence" were considered together. Under equity one usually understands neglecting of one's own interest and is considered as the core principle of moral judgement. Equity means that lawyer has not to act biased or upon the interests of any side, even if it promises him certain benefits and advantages. Equity is understood as lack of one's personal bias or partiality. Good conscience is perceived as a systematic execution of specialist professional duties oriented on their qualitative result. This is the concept of working ethics, in general words – a professionalism. Good conscience is connected with the sense of duty. Thus, among the main features of legal professions are intensified senses of duty and justice. The reputation of professional community is built upon the behavior of its members during continuous practice and strictly depends on the adherence of the codes of ethics by every judge, prosecutor, lawyer or policeman in particular. Honor is inherent to certain individual's status, occupation and recognized merits. Honor obliges an individual to gain or maintain the particular reputation, that a man possesses by himself or that is possessed by the professional community he is related to. Dignity is a self-concept of a member corporate community founded on his assessment given him by his colleagues. According to contemporary codes of ethics, honor and dignity are considered as qualities necessary in order to maintain highest reputation of law enforcement. The report confirms that the sense of duty as a moral necessity towards another people and community appears to be the key element in professional work of a judge, prosecutor or lawyer. Lawyer's compliance with the professional honor and responsible attitude in carrying out his professional duties tends to be the key factor in enhancing of the prestige of his legal profession.

◆◆◆

Ситникова Дарья Леонидовна

К.ф.н., доцент
Национальный исследовательский Томский
государственный университет

Этика как основа технонауки

Sitnikova Darya

Tomsk State University, Russia
The Ethics as a basis of Technoscience

[Работа выполнена при поддержке РФНФ, грант
«Экспертиза в технонауке» № 14-03-00371]

Интенсивно развивающиеся в последние десятилетия *NBIC-технологии* (Nano-Bio-Info-Cogno) постоянно вызывают дискуссию об этических основаниях новых видов деятельности, как минимум в двух плоскостях:

1) Подступив к грани производства и владения NBIC-технологиями, наука окончательно перестала видеть свою цель в объяснении и описании мира. Она более не может лишь заниматься тем, *как обстоят дела* (Э.Агацци, 2009), она сама конструирует будущий мир и человека в нём. Именно технонаука задает рамки того, *а как они должны обстоять*. Смещенно и запутано понятие подлинной природы» и более нет уверенности в том, что наука сама по себе *нравственно хороша*. *Бескорыстный поиск истины* сменяется *работой на будущее*, которая всегда опирается на ценности. Поэтому научная деятельность на этапе технонауки не просто не может быть свободной от ценностей, наоборот, она максимально этически нагружена. Однако скорость технологических изменений не позволяет сообществу вырабатывать и обсуждать ценности в привычном для него ранее темпе.

2) Технологии *расширения человека* (Human enhancement), развивающиеся в рамках технонауки, изначально исходят из идей и ценностей гуманизма. Но в процессе их производства и реализации они могут превращаться из *полезных* во *вредные*, или полезные для одной социальной группы, и вредные для другой. Для экспертизы подобных технологий мы предлагаем использовать понятие «контекст технологии». Нельзя оценивать конкретную технологию саму по себе, она возможна только в контексте ее окружения – как технологического, так и социального. Принципиальное значение имеет гуманистический замысел, который должен быть сохранен на всех этапах реализации технологии. Технология, вырванная из контекста *развитого, экономически благополучного* общества, перемещенная в *развивающиеся страны*, общества с населением, имеющим невысокий доход, может быть реализована как *негуманная*.

Смолина Дарья Андреевна

Бакалавр, 4 курс
Санкт-Петербургский государственный университет

Проблема справедливого отношения к социально-исключенным группам

«Справедливость» является сложной этической категорией, которую можно трактовать по-разному в зависимости от выбранной концепции. Любые действия, которые совершает человек можно рассматривать в ракурсе справедливости. Проблема справедливого отношения к социально-исключенным группам является крайне актуальной на сегодняшний день. Под социально-исключенными имеются в виду группы, которые социально незащищены и отвергнуты в том или ином виде обществом. К таким группам относятся: нарко- и алко-зависимые, ВИЧ-инфицированные, бездомные и др. К примеру, в современном российском обществе существует стереотип, что люди становятся бездомными по собственной вине, и в рамках этого представления, общество руководствуется тем, что бездомным помогать не нужно. Можно констатировать, что здесь сложилась следующая зависимость: человек, оказавшись на улице, автоматически наделяется определенными негативными качествами (в т.ч. моральными). Такой человек. Граждане, не зная человека и наделяя его определенными качествами, автоматически «исключают» его из общества в моральном плане. Основная идея доклада - изучение и реконструкция механизмов формирования отношения к социально-исключенным группам в фокусе справедливости.

◆◆◆

Тихонова Софья Владимировна

Д.ф.н., профессор
Научно-исследовательский Саратовский
государственный университет им.
Н.Г.Чернышевского

Юридическая наука как анклав гуманитарного мира: проблемы трансляции этоса науки в научных школах

Научный этос формируется коммуникативными практиками, обеспечивающими приращение знания. Ключевые виды коммуникации в науке – формальная (статьи, монографии) и неформальная (обсуждения, личные контакты, живое общение) – могут иметь различную конфигурацию, горизонтальную или вертикальную. Прирост знания осуществляется в условиях свободной горизонтальной коммуникации. Долгое время специализированной коммуникационной системой, обеспечивающей вход в пространство

горизонтальной коммуникации, была транспоколенческая иерархическая структура научной школы. Репутационный капитал ее лидера предполагал преимущества при вхождении в пространство горизонтальной коммуникации. Во второй половине XX века естественные науки сформировали универсальное пространство горизонтальной формальной коммуникации («мировую науку»). В его условиях научные школы становятся анахронизмом. Модель «мировой науки», эталонная для реформирования российской науки, мало пригодна для науки гуманитарной, в силу национальных особенностей ее языка и предмета, а также примата монографий над периодикой. Герметичность советской гуманитарной науки трактовалась исключительно как порочный результат ее идеологизации. Однако попытки постсоветской гуманитарной науки интегрироваться с наукой западной не принесли международного признания достижениям российских ученых, фрагментировали российскую социальную науку, разбили ее на множество замкнутых локальных теоретических дискурсов и снизили ее продуктивность. В это же время юридическая наука продолжила консервативную герметичную советскую стратегию, в которой вертикальная иерархическая структура центральных научных школ играет ключевую роль. Этот выбор позволил ей сохранить единство своего теоретического дискурса, продуктивность которого подтверждается функциональностью российской правовой системы.

Tikhonova Sophia

Research Saratov State University of
N.G.Chernyshevsky, Russia

Legal science as humanitarian world enclave: problems of translation of the science ethos into scientific schools

The report is about the transformation of communication structures of the Russian humanitarian science. The author uses communication approach.. The author considers that the ethos of science has communicative nature, which is influenced by a form of scientific communication. Formal and informal science communication can have a horizontal and vertical configuration. Natural history constructed «world science». The World science depend on a horizontal space of formal communication, formed by a double blind peer review. Vertical transparencies scientific schools have no place in world science. The horizontal model of the world science is not suitable for humanitarian science, because humanitarian language and subject are national, the books are more important, then the articles. The sociology of science considered that Soviet humanity impermeability was defect of its ideologization. The Post-Soviet humanity

sought for integration with the Western humanity. These attempts didn't bring the western recognition by the Russian scientist, fragmented the Russian social science, broke it into a set of the closed local theoretical discourses and reduced its efficiency. At the same time Russian law science continued conservative hermetic Soviet strategy. The vertical hierarchical structure of the central scientific schools plays a key role in the law science. This choice allowed Russian law science to preserve the unity of its theoretical discourse, whose productivity is confirmed by the functionality of the Russian legal system. Communication structures of the Russian humanity demand more detailed studying for understanding of mechanisms of its efficiency.

◆◆◆

Хисамова Елена Андреевна

Бакалавр, 4 курс

Санкт-Петербургский государственный университет

Ценность истины в судебном процессе

В человеческой жизни многие глобальные понятия, выработанные или определенные философией и получившие свою осмысленность, благодаря философским концепциям, на сегодняшний момент, закрепились в достаточно простом значении в сознании граждан, всего лишь на уровне терминологии. Особенно, на мой взгляд, страдает понятие Истины. Страдает настолько, что можно противопоставить понимание и ценность Истины в философских учениях пониманию и ценности истины в нормативных актах и судебных процессах. Мое исследование заключается как раз в рассмотрении этой разницы между взглядами на Истину у Платона, М. Хайдеггера, Ж. Дерриды и тем, что мы понимаем под истиной в контексте судебного процесса (особенно ярко видно это отличие при ведении уголовных дел и действиях хороших адвокатов), а также в установлении оправданности существования юридического понимания и отношения к истине в современном мире. Истина, как таковая, занимает одно из ключевых мест в системе общечеловеческих ценностей и проблемой того, что мы подразумеваем под понятием «Истина» и какой она бывает, философия занимается с самого своего появления, а открытие абсолютной истины является одной из целей философии. Начиная с Платона, философия давала различные понимания того, в чем же истина заключается и как ее можно достичь. Однако, в обыденном сознании, а тем более, в условиях юридической системы цивилизованного общества сама философская Истина неприменима, зато удобными оказываются разнообразные заимствованные у философии методы ее нахождения, установления и даже

создания в правовом поле, да и само понятие «истина» следует заменить на «достоверность» или «правдивость». В итоге возникает следующая проблема: обладает ли «созданная» истина, то есть установленная на судебном заседании путем рассмотрения юридических фактов в соответствии с Гражданско-процессуальным кодексом, какой-либо общечеловеческой ценностью и значением или же она всегда имеет только временное значение и только для того человека, в отношении которого она была установлена? Вопрос этот спорный, но несмотря на то, что юридическое понятие истины отличается от Истины в философском контексте и связано с фикциями и ложью, свой вклад в установление и поддержание человеческих ценностей оно вносит, хотя, на мой взгляд, неким «обратным» путем, например, после осознания того, что частная истина частного интереса не оказала достаточной помощи, жаждущий победы (или непоражения) в судебном состязании вынужден будет обратиться к общечеловеческому.

Khisamova Elena

St. Petersburg State University, Russia

Truth value in lawsuit

In human life many global concepts developed or determined by philosophy and which received the intelligibility thanks to philosophical concepts, today, is enshrined in rather simple value in consciousness of citizens, only at the level of terminology. Especially suffers, in my opinion, the concept of Truth. Suffers so that it is possible to oppose understanding and value of Truth in philosophical doctrines to understanding and value of truth in regulations and lawsuits. My research is just in consideration of this difference between views of Truth at Plato, M. Heidegger, J. Derrida and that we understand as truth in the context of lawsuit (this difference during the conducting criminal cases and actions of good lawyers is especially brightly visible), and also in establishment of correctness of existence of legal understanding and the attitude towards truth in the modern world. Truth, occupies one of key places in system of universal values and a problem that we mean by the concept "Truth" and how it happens, the philosophy is engaged from the most emergence, and discovery of absolute truth is one of the philosophy purposes. Starting with Plato, the philosophy gave various understanding in what truth will consist and how it can be reached. However, in ordinary consciousness and furthermore, in the conditions of legal system of a civilized society the philosophical Truth is inapplicable, but convenient are various methods of its stay borrowed philosophy, establishments and even creations in a legal framework and the concept "truth" should be replaced with "reliability" or "truthfulness". As a

result there is the following problem: whether the "created" truth that is established on judicial session by consideration of the legal facts according to the Civil procedural code, any universal value and importance or it always has only temporary value and only for that person concerning whom it was established? A question this disputable but in spite of the fact that the legal concept of truth differs from Truth in a philosophical context and it is connected with lie, it brings the contribution to establishment and maintenance of human values though, in my opinion, in the certain "return" way, for example, after understanding of that the private truth of private interest did not give sufficient help, eager for a victory (or not defeats) in court battle will be compelled to address to the universal.

◆◆◆

Чалый Вадим Александрович

К.ф.н., доцент, заведующий кафедрой философии Балтийский федеральный университет имени И.Канта

Проблемы применения категорического императива при принятии решений

Правила проверки решений на предмет соответствия моральному закону с помощью категорического императива были описаны И. Кантом в "Основоположении к метафизике нравов", реконструкция процедуры применения категорического императива (CI-procedure = KI-процедуры) была выполнена О. О'Нил (1975) и Дж. Ролзом (1993, 1999, 2000), её существенные аспекты обсуждались в работах Б. Херман (1981, 1984, 1985), Т. Погге (1989) и др. Согласно Ролзу, KI-процедура осуществляется в четыре шага. На первом шаге мы формулируем максимум, которую агент собирается принять к исполнению. На втором шаге мы универсализуем эту максимум, предписывая её всякому человеку (всякому разумному существу). Третий шаг заключается в мысленном превращении максимы в природный закон. Четвёртый шаг представляет собой включение полученного квази-природного закона в множество реальных природных законов. Ролз использует для построения KI-процедуры первую формулу KI («формулу универсальности», или «формулу универсального закона природы»). Как представляется, её применение порождает существенные трудности. Во-первых, мы должны обладать достаточно ёмким представлением о совокупности природных законов и (говоря кантовским языком) развитой способностью суждения, позволяющей прогнозировать их следствия хотя бы на минимальную временную перспективу. Во-вторых, мы должны обладать развитой способностью воображения, чтобы

представить возможный мир, дополненный новым квази-природным законом. Как представляется, с увеличением масштаба или «мощности» вычислений возможных последствий предполагаемого действия возрастает вероятность обнаружения среди них негативных. Невежество становится условием принятия (по крайней мере многих) решений. Требования КИ-процедуры интересно рассмотреть в свете эпистемологического холизма. Во-первых, гипотетическое прибавление квази-закона к совокупности реальных природных законов не равнозначно простому прибавлению непосредственных следствий квази-закона к совокупности фактов. Изменение множества законов одновременно меняет систему связей между ними и трансформирует сами факты, осложняя прогнозирование результата. Что происходит в этом случае с моральной ответственностью? Можно ли утверждать, что она распространяется на всю совокупность фактов, затронутых и изменённых нашим поступком? Во-вторых, с позиций эпистемологического холизма максимы проходят проверку не по отдельности, но всей совокупностью. Согласно «тезису Дьюэма-Куайна», если некоторая максима не проходит проверку, то мы можем «протолкнуть» её, изменив другие максимы – или даже исказив (на наш страх и риск) наши представления о природных законах. Мы могли бы попытаться ради сохранения своей максимы аргументами или принуждением изменить максимы других, поставив себя в привилегированное положение – однако эта распространённая практика отрицается кантовской моральной философией, противопоставляя ей требование «формулы автономии», предписывающей образ действий, выведенный из которого всеобщий закон могло бы принять каждое разумное существо. Возможно, эти трудности удастся смягчить, если для реконструкции КИ-процедуры использовать не только «формулу универсальности», как это делают Ролз и другие, но и «формулу персональности», запрещающую относиться к человечеству/человечности в лице любого человека только как к средству. Однако в целом эпистемологический холизм бросает вызов процедурному взгляду на категорический императив и, возможно, моральному конструктивизму в целом.

Chaly Vadim

Baltic Federal University of I. Kant, Russia

Some problems in applying CI-procedure in decision-making

Kant described the rules for evaluating decisions' correspondence to moral law by means of categorical

imperative in his "Groundwork of the Metaphysics of Morals", O. O'Neill (1975) and J. Rawls (1993, 1999, 2000) reconstructed the procedure (CI-procedure) into an algorithm, its details were subsequently discussed by B. Hermann (1981, 1984, 1985), T. Pogge (1989), among others. According to Rawls, CI-procedure contains four steps. First step is formulating the maxim for the intended action. Second step is universalizing this maxim, ascribing it to any human (or reasonable) being. Third step is by thought experiment turning the maxim into a natural law. Fourth step is including the resulting (quasi-)natural law into the set of real natural laws. To construct CI-procedure, Rawls uses the first formula of CI ("formula of the universal law of nature"). However, its usability seems to have significant limitations. Firstly, it is pressing on human ability to form a vast and coherent knowledge of natural laws and to predict their implications (in Kant's terms, it requires excellence on behalf of faculty of judgment discussed in B176 onwards). Secondly, the requirements of CI-procedure are pressing on our faculty of imagination, needed to model the implementation of quasi-natural law. It seems to be the case that as we extend the scope and time lapse of calculation of the consequences of our intended action, the probability of revealing negative results increases. Peculiarly, ignorance seems to become a prerequisite for (at least much) decision-making. The requirements of CI-procedure can be viewed from the perspective of confirmation holism. Then, firstly, the hypothetical addition of quasi-natural law to the set of existing natural laws does not amount to simple addition of its implication to the implications of existing laws, i.e. facts. The change in the set of natural laws transforms the facts themselves, making predictions ever more complicated. If we take the stance of confirmation holism, what happens to moral responsibility? Does it then span all facts, transformed by our action? Secondly, according to confirmation holism, our maxims do not undergo CI-procedure one-by-one, but only in their entirety. According to "Duhem-Quine thesis", if one maxim fails to pass the CI-procedure, we can still push it through by altering other maxims – or even by altering (at our own peril) our understanding of natural laws. We could even try to preserve our maxim by altering other people's maxims (by persuasion) or actions (by fear and force), granting ourselves a privileged position – but this is exactly what Kant prohibits by "third formula" of CI ("autonomy formula"), which requires that our maxims could be willed by any reasonable being. Perhaps some of these difficulties could be resolved if we feed into the CI-procedure not only the "first formula", as Rawls and others do, but also the "second formula". Still, it seems that confirmation holism is capable putting a challenge to procedural view of categorical imperative and, perhaps, to moral constructivism in general.

Шаповалов Иван Александрович

К.ю.н., доцент
Национальный исследовательский университет
"Высшая школа экономики" (Москва)

*Модель С. Тулмина в анализе аргументации
исковых требований и судебного решения*

Shapovalov Ivan

National Research University " Higher School of
Economics ", Russia

S. Toulmin model in analysis of claims and juditions

1. Adapted original S. Toulmin model is a proper analytic instrument for juditions, claims and objections.
2. Comparative approach brings up criteria of sound arguments choice.
3. Yet the model is not applicable to non-text decision-making factors, it can be "tuned" to certain types of cases.

Шевченко Александр Анатольевич

Д.ф.н., ведущий научный сотрудник
Институт философии и права Сибирского отделения
Российской академии наук

Современный эгалитаризм и проблема ответственности

В привычной логике ценностного противостояния равенство и свободу принято располагать на разных флангах. Равенство (слева) противопоставлено свободе (справа), при этом часто полагается, что этот ценностный выбор обязателен, фундаментален и задает разные варианты общественного устройства, схем распределения и отношений между людьми в целом. Однако равенство – это не просто возможный или желаемый компонент общественного устройства, оно необходимо прежде всего с моральной точки зрения. Такой статус идеи равенства как нормативного требования уже требует фиксации в той или иной теории справедливости. Еще относительно недавно принято было считать, что существует некоторое разделение труда: проблематика равенства в разных ее аспектах обсуждается философами, в то время как экономистов интересуют в первую очередь причины и механизмы неравенства. Однако в последнее время ситуация заметно изменилась, и начало этому пересмотру положила «Теория справедливости» Дж. Ролза, а именно – ее основной и наиболее спорный компонент – «принцип различия», согласно которому приоритет при распределении отдается «наименее

удачливым». Сам принцип вызвал множество споров и один из основных вопросов таков: кто именно несет ответственность за «неудачливость»? Взаимосвязь равенства и ответственности имеет еще один важный философский аспект, который заботит, в частности, кантианцев. Так, и Кант, и Ролз озабочены следующей проблемой: с одной стороны, все люди имеют право на равное отношение и равное уважение, с другой – нужно при этом возлагать ответственность за те издержки, которые, вследствие их действий, несут другие люди. В целом можно сказать, что проблематика справедливости в содержательном плане все в большей степени выражается и отражается в дискуссиях о (не)равенстве и ответственности. Основной вопрос таков: насколько принципы справедливости должны учитывать то, что люди рождаются или могут становиться бедными и больными не по своей вине, а в силу случая, то есть проигрыша в природную или социальную лотерею? «Эгалитаристская интуиция», лежащая в основе «эгалитаризма удачи», предполагает, «незаслуженное неравенство» должно быть компенсировано, причем в той степени, пока эффекты, вызванные неудачливостью, то есть факторами, не значащими с моральной точки зрения, не будут нейтрализованы. Это, в свою очередь, поднимает целый ряд сложных вопросов, таких как вопрос о различении моральной и правовой ответственности при компенсации неравенства, а также вопрос о субъектах справедливости, на которых возлагается бремя такой ответственности.

Shevchenko Alexander

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Russia

Contemporary egalitarianism and responsibility

The customary logic of value confrontation places equality and freedom at the opposite ends of the spectrum. Equality (on the left) opposes freedom (on the right), and it is often believed that this value choice is unavoidable, fundamental and defines various social orders, distribution schemes and relationships between people. However, equality is not just a possible or desired component of the social order, it is necessary, primarily from the moral point of view. This status of the idea of equality as a normative demand requires a fixed place in a theory of justice. Until recently, it has been believed that there is a certain division of labor: the idea of equality in its various aspects is discussed by philosophers, while inequality, its causes and mechanisms, is the domain of economists. This situation has changed and the beginning of this trend was "A Theory of Justice" by John Rawls, namely its main and most debatable component – "the difference principle", according to

which the priority in distribution is given to “the least fortunate”. The principle caused a lot of controversies and one of the main questions is this: who is responsible for bad fortune? The interrelationship between equality and responsibility has another philosophical aspect important for the Kantians. Both Kant and Rawls are concerned with the problem: on the one hand, people have a right to equal respect, on the other – we need to place responsibility for the costs, which their behavior places on other people. The substantive content of justice theories is increasingly often expressed and reflected in the discussions about (in)equality and responsibility. One of the main questions is formulated as follows: to what extent should the principles of justice take into account the fact that people are born in poverty and bad health through no fault of their own, just because they are losers in natural and social lotteries? The “egalitarian intuition” which underlies “luck egalitarianism” takes it for granted that undeserved inequality should be compensated and, ideally, to the extent until the effects caused by bad luck, the factors irrelevant from the moral point of view, are neutralized. This, in turn, raises a number of difficult questions, such as the problem of differentiating between moral and legal responsibility when compensating for inequality and the questions about the subjects of justice who should be held responsible for this compensation.

Штарк Елена Владимировна

Старший преподаватель

Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого

Свобода выбора добровольца (волонтера), как ценностный фактор в прикладной этике

Во всем мире, и в частности в России, сегодня действует множество волонтерских объединений, и одна из основных причин этого – добровольность и свобода выбора человека. Волонтерские или добровольческие организации - это свободные союзы людей, объединенных каким-либо общим специальным интересом. Добровольно выбранная общественно-значимая деятельность неизмеримо выше деятельности, которая навязывается извне как подростку, так и взрослому человеку. К тому же, формирование компетентности возможно только в единстве с ценностями индивида, при глубокой личной заинтересованности человека в данном виде деятельности. Добровольческие организации способны помочь человеку осознать ответственность за свою жизнь и поставить его в ситуацию свободного выбора, способствуют формированию его социальной компетенции. Деятельность добровольцев, а в наши дни

добровольческих (волонтерских) организаций всегда представляла значительный интерес для изучения мотивов поведения, причин формирования сознания добровольцев, положительные и отрицательные факторы проявления добровольческих инициатив для цивилизованного общества. Изучая специфику сознания и мировоззрения добровольца, необходимо обратиться к опыту античной и немецкой классической философии. Например, Аристотель в «Никомаховой этике» говоря о добродетели вообще, утверждает, что данное свойство не дано человеку по природе, добродетельным человек может стать лишь в результате постоянной работы над собой. Когда одни люди отождествляют со счастьем удачу (ευτυχία), другие, для которых немаловажен факт самосовершенствования, за счастье принимают добродетель. Основой этики Канта является учение о том, что человек – существо не только природное, но и свободное. Кант, как философ свободы, настаивает на том, что человеческая воля билатеральна: либо она определяется законом разума, либо является патологической, подчиняясь способности желания. Впервые именно И. Кант обосновал понятие доброй воли в своем труде «Критика практического разума». Только добрая воля есть то, что полностью зависит от личности, область ее безраздельного господства и безраздельной ответственности. Пытаясь сравнить понятие воли с кантовской интерпретацией понятия доброй воли, мы замечаем, что только в случае постоянной работы над собой, путем самосовершенствования, поведение человека способно преобразоваться в добрую волю, а затем в долг. В соответствии с диалектическим развитием, данный процесс, запустившись однажды, является уже необратимым, качественно формируя характер индивида. Таким образом, изучая и анализируя понятия свободы воли и долга, мы можем более обстоятельно рассмотреть и понять природу поведения и формирования сознания добровольца. Каждому человеку, как личности, дана возможность совершенства, но далеко не каждый человек пользуется этой свободой. Данный выбор осуществляется индивидом порой довольно непросто, выливаясь во внутренний конфликт личности, либо в конфликт между индивидом и обществом (коллективом), но в любом случае, наличие свободы всегда обязывает к ответственности за сделанный выбор. Успешное разрешение конфликта свободы выбора зависит от уровня самосознания индивида, наличия его нравственной ответственности перед другими людьми, а также уровня развития социальной и правовой системы организации общества.

Shtark Elena

Krasnoyarsk State Medical University of prof.
V.F.Voyno-Yasenetsky, Russia

Volunteer's Freedom of Choice as a Value Factor in Applied Ethics

Today, numerous volunteer organizations operate in many parts of the world and Russia is not an exception. One of the main reasons for the existence of such organizations is their voluntary nature and a person's free will. Volunteer organizations are free alliances of people united by a certain common interest. Freely chosen and socially meaningful activity presents a more significant value to a person than the activity externally imposed on both teenagers and adults. In addition, the formation of competence is only possible if it is based on an individual's values and involves the individual's deep personal interest in this particular activity. Volunteer organizations are able to help people feel responsible for their own lives, put them in a position of free choice and lead to the formation of social competence. Volunteerism (and nowadays it includes volunteer organizations) has always generated significant research interest. The organizations' motives, volunteers' consciousness and resulting influences of volunteerism on the society are among the subjects of such research. Studying the consciousness and mindset of a volunteer, it is necessary to appeal to the experience of Ancient Greek and classical German philosophy. For instance, in his *Nicomachean Ethics* Aristotle, speaking of virtue in general, argues that this quality is not an innate characteristic of a person and can only be developed through a person's constant self-improvement. While some people would identify happiness with good fortune (εὐτυχία); others, who value self-improvement, tend to equate happiness with virtue. Kant's ethics is based on an argument that a man is not only a natural but also a free being. As a philosopher of freedom, Kant states that the human will is bilateral: it is either defined by the law of reason or is pathological and subordinate to desires. It was Kant who first explained the concept of free will in his *Critique of Practical Reason*. Only free will is something that totally depends on a person. It is a person's own domain of unlimited control and responsibility. In an attempt to compare the concept of will with Kant's interpretation of free will, we must note that only through constant self-improvement, a person can transform his or her behavior into free will and then into duty. In accordance with dialectic development, this process, once started, becomes irreversible and shapes the character of an individual. Thus, studying and analyzing the concepts of free will and duty allows us to more thoroughly examine and deeper understand the nature of a volunteer's behavior and formation of a volunteer's consciousness. Everyone has an opportunity to

improve themselves but not everyone uses this freedom. At times making this choice can be quite difficult for an individual. This can lead to an inner conflict or to a conflict between an individual and the society (or a group). In any scenario, freedom of choice is always accompanied by the responsibility for the choice. Successful resolution of a freedom of choice conflict depends on the following factors: an individual's level of self-consciousness; his or her moral responsibility before other people as well as on how developed the social and legal organization of the society is.

Щукин Денис Андреевич

К.ф.н., ассистент

Санкт-Петербургский государственный университет

Социальный урбанизм и этика городской трансформации

В настоящий момент идея городской трансформации выходит за рамки как прагматики комфорта, так и урбанистического эстетизма. От протестантской экономики, которая во многом заложила принципы современной экологической этики и концепции устойчивого развития, ориентированной на максимальную экономию ресурсов, происходит концептуальный сдвиг к преобразованию города как акту социальному воздействию, этически окрашенному в соответствии с принципами публичной морали. Креативный город наделён моралью утопического равенства, истинно коммунистическим зарядом веры в возможность избавления от изматывающего труда, являющегося в христианской этике следствием человеческого грехопадения. Выполняющая функции драйвера развития современного города «богемная буржуазия», с одной стороны, воплощает в себе феномен преодоления классовый борьбы, с другой – демонстрирует максимальный символический разрыв между умозрительностью реальной занятости и получаемой прибылью. Социальная ответственность реализуется не в терминах поддержки представителей статусно близкой или противоположной с точки зрения иерархической структуры социума страты, ограниченной в возможностях социальной группы, но в логике формирования универсального пространства экзистенциального комфорта. Всё это позволяет говорить о ценностно-нормативной системе, ориентированной, прежде всего, на создание социальной инфраструктуры. Объектом этических интенций субъекта становится не другой человек, разумное существо или живая субстанция, а «среда», преобразующая господствующую в различных вариациях парадигму благоговения

перед волей к жизни в парадигму благоговения перед условиями для реализации воли к жизни.

Shchukin Denis

St. Petersburg State University, Russia

Social Urbanism and Ethics of Urban Transformation

The idea of urban transformation crosses the borders of pragmatic comfort and urban aesthetics. There is a modern conceptual shift that changes the focus from the protestant economy, which is mostly based on the principles of modern environmental ethics and sustainable development and provides maximum economy of resources, to the transformation of a city as an act of social impact, ethically colored in accordance with the principles of public morality. Creative city is endowed with the morality of utopian equality and true communist faith in the possibility of getting rid of exhausting labor that represents a consequence of the fall of man. Bohemian bourgeois functions as a driver of the modern city development, embodies the phenomenon of class convergence, on the one hand, and shows the maximum symbolic gap between speculative real employment and profit, on the other. Social responsibility is not implemented in terms of the support of any strata representatives or social groups with limited possibilities, but can be described in the logic of the universal space of existential comfort. All this suggests a value-normative system primarily focused on the creation of social infrastructure. The object of ethical intentions is not the Other, a sentient being, or a living substance, but an "environment" that transforms the dominant paradigm of reverence for the will to live in a paradigm of reverence for the conditions which help to realize the will to live.

Юрлова Мария Дмитриевна

К.ф.н., доцент

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова

Способность суждения как основа политической свободы: точка зрения Ханны Арендт

Ханна Арендт не считала себя философом и не собиралась создавать общее учение о человеке. Однако она писала о политике, о революциях, о власти, занимаясь поисками философского фундамента политических процессов, оснований человеческого бытия в мире политики, исследованием мышления и воли. Арендт была одной из первых, кто писал, что тоталитаризм нарушает целостность человеческой личности, причем любой, а не только тех, кто по каким-то причинам предрасположен к злу или насилию.

Тотальный террор обладает мощным механизмом психологической компенсации как для тех, кто его практикует, так и для жертв: отнимая свободу, он одновременно снимает с них груз ответственности за их собственные поступки, предоставляя шаблоны для оценки происходящего и давая возможность не судить самим. Ей принадлежит высказывание, что быть и оставаться человеком в этих условиях нам помогает способность мышления. Под мышлением Арендт имеет в виду не инструментальный разум, не умение пользоваться техническими достижениями, не социальный интеллект и не способность решать интеллектуальные задачи. Мышление здесь понимается как способность выносить суждения, не основываясь на привычном, оценивать свои действия взглядом незаинтересованного наблюдателя, в прямом смысле - думать о том, что именно ты делаешь. Оно предполагает определенную смелость, то есть отсутствие боязни потерять привычные ориентиры - моральные, правовые и т.д., - если кажется, что они не работают. Это умение думать не по привычке, судить не по заданным схемам и образцам, а самостоятельно. О политическом смысле этой способности суждения она писала во многих работах, размышляя об «ужасающей банальности», обыденности тоталитарных режимов XX века, не требующих от человека быть злым для того, чтобы совершать ужасные поступки (вспомним случай Эйхмана), но только равнодушным, и не думающим, оставляющим право принимать решения за другими. Казалось бы, именно мышление, способность критического суждения должны дать такому человеку свободу (внутреннюю или внешнюю, политическую) даже в условиях тоталитарного общества, заставить его увидеть зло и воздержаться от него. Однако, говоря о мышлении и свободе, Арендт ни слова не говорит о добре. Могла ли деятельность мышления способствовать воздержанию от зла? Арендт так и не дает окончательного ответа на этот вопрос. В докладе «Мышление и моральные соображения» она говорит, что мышление как таковое не приносит обществу ничего особенного хорошего. «Оно не создает ценностей, оно не выясняет раз и навсегда, что есть «благо», и оно не подтверждает, а скорее разрушает принятые правила поведения» - пишет она. Однако в редкие «минуты роковые» истории, когда все распадается, мышление обретает свою подлинную значимость: оно становится политическим по определению, потому что оказывает освободительное воздействие на человеческую способность суждения, «самую политическую из всех духовных способностей». Разъяснению этого тезиса и его значимости в политической жизни общества будет посвящен доклад.

Yurlova Mariya

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Russia

Judgement as a basis for political freedom: the point of view of Hannah Arendt

Hannah Arendt never called himself a philosopher and didn't intend to create a common doctrine of man. However, she wrote about politics, revolution, government, doing research of the philosophical foundation of the political process, the bases of human existence in the world of politics, research in the field of thought and will. Arendt was one of the first who wrote that totalitarianism destroys the integrity of the human person, and anyone, not just those who, for whatever reason, is prone to evil and violence. Total terror has a powerful psychological mechanism of compensation for those who practice it, as well as for the victims: taking away the freedom, he also removes them from responsibility for their own actions, providing a template for the evaluation of what is happening and giving the opportunity to not judge yourself. She belongs to the saying that a man be and remain in these conditions helps us thinking ability. By thinking Arendt has in mind not the instrumental reason, is not the ability to use technological advances, not social intelligence and ability to solve intellectual problems. The thinking here is understood as the ability to make judgments not based on the usual, evaluate their actions look disinterested observer, in the literal sense - think about what you're doing. Thinking involves some courage, that is, the absence of fear of losing familiar landmarks - the moral, legal and so on - if a person thinks that they are not working. It isn't the ability to think out of habit, not judge a predetermined pattern, but himself. On the political sense of the power of judgment, she wrote many works, thinking about "the terrible banality of" ordinary totalitarian regimes of the twentieth century, does not require a person to be evil to do terrible things (remember the case of Eichmann), but only indifferent, leaving the right to make decisions for others. In this case, the thinking, the ability of critical judgment must give such a person the freedom of (internal or external, political) even in a totalitarian society, to get him to see the evil and abstain from it. However, speaking about thinking and freedom, Arendt says not a word about good. Could the activity of thinking to promote abstinence from evil? Arendt didn't give a definitive answer to this question. The report "Thinking and moral considerations", she said that thinking as such does not bring anything special public good. "Thinking does not create values, it does not clarify once and for all, that there are" good, "and it doesn't support, but rather destroys the accepted rules of behavior" - she writes. However, in the rare «fateful minutes» history, when everything breaks down, thinking finds its true

significance: it becomes political by definition, because it has a liberating effect on the human faculty of judgment," the most political of all the spiritual powers". Explanation of this thesis and its significance in the political life of the society will be devoted to the report.

◆◆◆

Gefenas Eugenijus

Директор Биоэтического Комитета Литовской Республики, PhD в области медицинской этики, доцент и руководитель Департамента медицинской истории медицинского факультета Вильнюсского университета (Литва)

MD, PhD, Department of Medical History and Ethics Medical Faculty of Vilnius University

Ethics in human research

Ethics of human experimentation can be characterized by several distinctive features. To compare to other areas of medical ethics and bioethics, its 20th century history has been marked by widely publicized cases of unethical or ethically problematic research having significant impact on the development of relevant international normative documents and research ethics as a field. It is also important to stress that research ethics can be regarded as the most institutionalized branch of bioethics – research ethics committees (RECs) and institutional review boards (IRBs), as they are called in the USA, represent universally accepted institutions authorizing conduct of studies on humans all over the world. In addition to uniform institutional framework, in many countries research ethics regulations are based on the same set of internationally accepted principles and guidelines and, therefore, the field of research ethics can be seen as the area of bioethics where broad consensus on the procedural and substantive ethical principles has been achieved. However, despite this almost globally accepted normative and institutional ethical framework, there are still complex and controversial research ethics issues emerging in the field of biomedicine. This article will briefly explore these issues emphasizing such global research ethics issues as informed consent, the use of placebo, protection of vulnerable populations and benefit sharing.

◆◆◆

Hardy Jörg

Prof. Dr., Research Fellow
Centre for Advanced Study in Bioethics, University of
Münster, Germany

Why Autonomy and Freedom matter to Human Dignity

In my presentation I aim to explore the importance of personal autonomy and freedom for human dignity. Let us distinguish four dimensions of dignity: Dignity is (i) an absolute legal constraint that states the inviolability of human dignity (in terms of Art. 1 of the German legal constitution), (ii) a moral status, which persons ascribe to one another when accepting moral demands, (iii) a social construction, (iv) a self-relation of a person, i.e., a certain way of a person's caring for herself. On the basis of this distinction I argue for the following thesis: If a person enjoys autonomy (self-guidance) as well as political (negative) freedom (in terms of Isaiah Berlin), she is in the position to protect and to defend her dignity. An autonomous and free person is able of taking an affirmative stance towards her rational beliefs and desires, and she is capable of acting on rational, decisive beliefs.

◆◆◆

Li Hon-Lam

B.A. (Princeton); M.A. (Oxford); Ph.D. (Cornell University), Professor, Department of Philosophy
The Chinese University of Hong Kong, China

Contractualism and Bioethics

A basic assumption in contractualist thinking is that an act is permissible if and only if it can be justified to everyone affected by it. In this paper, I want to argue that contractualist thinking -- along the approach espoused by T. M. Scanlon -- sheds light on various bioethical issues, namely, physician-assisted suicide, genetic enhancement, and sale of human organs. In particular, I argue that it is difficult to justify to a dying patient in excruciating pain why he must bear the pain until he dies. I also argue that genetic enhancement cannot be justified to the families without the means to enjoy genetic enhancement (given that we value the idea of Equal Opportunity). I further argue that it cannot be justified to someone who wishes to sell one of his kidneys to purchase cure for his daughter suffering leukemia as to why sale of human organs must be unconditionally banned. In all of these cases, Scanlonian contractualism can justify or reject a practice but only under certain context or conditions. No attempt will be made in this paper to justify or ban a practice without qualifications.

◆◆◆

Neznik Peter

Doc., PhD., CSc., docent Katedra filozofie a dejín
filozofie Filozofická fakulta UPJŠ v Košiciach
Univerzita P. J. Šafárika v Košiciach, Filozofická fakulta,
Slovenská republika

Архитекторы гуманизма - традиции и современность

◆◆◆

Petrucijova Jelena

Doc., PhD., CSc., Vice-Rector for Studies
University of Ostrava, Czech Republic

Dilemma-solving in the moral space of professional ethics (limits of the future social workers' ethical training)

The article is focused on the professional ethics of social work in the context of the philosophy of education. The author analyses its educational pitfalls seen as a possible tension of personal ethics and professional one. The author reflects relationship of autonomy and heteronomy of the will (e.g. regulated by institutional codes) in moral acting and their impact on dilemma-solving. From the Critical Pedagogy perspective the author discusses the ways how to implement praxis-oriented educational approach into training activities. The choice is focused on dilemma-solving method as a tool that enables young people to learn about ethical codes, principles of social work and responsibilities, to involve them in moral acting and to practise their dilemma-solving process and responsibility.

Петруцийова Елена

К.ф.н., доктор философии, доцент
Университет Остравы, Чешская Республика

Метод решения дилемм в моральном пространстве профессиональной этики (ограничения этической подготовки будущих социальных работ)

Статья рассматривает профессиональную этику социальной работы в контексте философии образования. Автор анализирует ряд проблем связанных с возможным столкновением персональной и профессиональной димензий в моральном действии, отношение автономии и гетерономии воли (напр. Регулируемой этическими кодексы – профессии, институции) и их последствия в области решения этических дилемм. В форме дискуссии автор анализирует возможность имплементации практико-ориентированного подхода в обучении рассматриваемого с позиции критической педагогики. Метод решения этических дилемм

рассматривается как средство развития этических компетенций и ответственности.

◆◆◆

Plasienková Zlatica

Prof. PhDr. Zlatica Plasienková, CSc.

Univerzita Komenského v Bratislave Filozofická fakulta
Katedra filozofie a dejín filozofie, Bratislava, Slovenská republika

Ethical Aspects of a Good Life in an Era of Biotechnology

The contributor tries to deal with ethical aspects of contemporary bio-technological progress which seems to promise an unprecedented future for humanity starting from a cure of all diseases up to a radical longevity or even immortality as transhumanists boldly project. However, for philosophy this means to reflect on these developments from the standpoint of a good human life. The author combines the concept of biotechnology with the concept of human nature in the definition of a human being as homo biotechnologicus.

◆◆◆

Räikkä Juha

Dr., Professor

University of Turku, Finland

Rodin Andrey

Dr., Professor

University of Turku, Finland

Justice and Stability

Stability is sometimes seen as a precondition of justice, so that in order to be able to meet the standards of justice a society should be sufficiently stabile. Another view is that, in certain circumstances, stability should be promoted at the cost of justice. In my presentation, I will evaluate two arguments in defense of the view that considerations of stability may override our claims to (distributive) justice and just reforms. The first argument says that the moral problem of certain political reforms, even if they were just, is that they disappoint people's honest and reasonable expectations. The second argument says that the moral problem of certain just reforms is that they do not allow people to form long-term plans. I will defend the second argument and argue that when there are no plans in the first place, the government certainly cannot spoil anyone's plans. One of the most effective ways to prevent rug-pulling is to create a society that does not allow long-term planning. A precondition of planning is not that the existent rules and practices will remain in place. The precondition is that there is evidence available regarding the content and timing of the possible forthcoming reforms. The

evidence that the rules and practices will not remain in place is not sufficient evidence for planning. Of course, as such, reforms are unproblematic – given that their content is unproblematic. But they are problematic when they prevent planning, and they do prevent planning when people cannot predict the content and timing of the forthcoming reforms. The example I will use is the European Union whose reforms are often unpredictable for the citizens.

◆◆◆

Shumann Andrew

University of Computer Science and Management,
Poland

On the Notion of Reflexive Game

In the Abstract main assumptions of classical game theory are considered. Then a definition of reflexive game is given and main assumptions of reflexive game are explicated. Different approaches to reflexive games are compared.

Шуман Андрей

К.ф.н., заведующий кафедрой социальных наук
Университет Информатики и Менеджмента,
Польша

О понятии рефлексивной игры

В докладе рассматриваются основные допущения классической теории игр. Затем дается определение рефлексивной игры и выявляются основные допущения, лежащие в основе рефлексивных игр. Сравняются разные подходы к рефлексивным играм.

◆◆◆

Stamile Natalina

Post Doc Researcher in Legal Philosophy

"Magna Graecia" University of Catanzaro, Italy

Controversial relationship between individual and society: some considerations about liberty and justice in the new social order

History and recent events led and still inexorably lead to changes and radical transformations of the social, cultural and political order. Nowadays, the economy, the media, the migration flows, the phenomenon of the European Union and even the international relations, which are increasingly characterized as "imperial", seem to lead to a global society in which the individual function as a citizen of the world. The integration and unification of ethical conflicts, the clash between cultures, the coexistence of religions and the economic and social differences cannot be

solved within the national sphere or within the community they belong to. The extremely and complex phenomena of globalization and inexorable transformation of society from a pluricultural to a multicultural and multiethnic one seems to require the establishment of a “new” and not only European legal order. The legal theorist and the philosopher, but also the lawyer, more and more work within a multiform reality and this seems to bring out the need to elaborate and/or to revise legal and political theories, within the legal field, developed around key concepts, such as sovereignty, citizenship, the concept of law and the Rule of Law, democracy, tolerance, equality and freedom. In this context we will analyze what could be the forms of political and social participation connecting themselves to a certain way of conceiving Fundamental Rights and also to their wider recognition and to the guarantees established for their protection. The discussion is hence focused on the relationship between the individual and society, underlying the complex and unsolved relationship between law and morality in light of what are the most relevant cognitive and not-cognitive meta-ethical theories about universalism and relativism of values. Special attention is paid to the difference between the concepts of society and community, considering the community as an anti-individualistic topic so that the idea of community as something more than the sum of the individuals. Keywords: community – garrison model – orchestra metaphor – freedom – justice

◆◆◆

Vinx Lars

PhD (University of Toronto), Assistant Professor
Department of Philosophy, Bilkent University, Turkey

Democratic Equality and Militant Democracy

The practice of militant democracy reacts to a perceived weakness of democratic political systems: a democracy seems to allow for the abolition of democracy by democratic means. To counter this threat, many democratic political systems employ a practice of militant democracy, which restricts the rights of political participation and limits the freedom of association of those who aim to subvert democracy by democratic means. On a normative level, the practice of militant democracy is open to the obvious objection that democratic militancy is itself a violation of the democratic principle of equal political freedom. Some authors therefore argue that a democracy can maintain its legitimacy only if it refuses to be militant, even if this carries the risk of the democratic abolition of democracy. What is more, militant democracy, on a pragmatic level, invites the further criticism that it will either be unnecessary, in case the anti-democratic groups form a small minority of society, or impotent, in case they constitute a majority or near-majority. It is

also subject, it is argued, to abuse by momentary majorities that aim to preserve their power by using methods of militant democracy to deny a chance to compete on an equal footing to their political adversaries. This paper will aim to show that democratic militancy, despite appearances, can be democratically legitimate. Democracy involves a condition of reciprocity according to which individuals or groups can have a duty to respect the equal political freedom of others only if those others are willing to do the same. Democratic militancy is justifiable insofar as it serves to give assurance that this condition of reciprocity is satisfied. I will conclude with a reply to the pragmatic objections to democratic militancy.

◆◆◆